
ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У.І.Леніна

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 3

**Гісторыя
Філасофія
Навуковы камунізм
Эканоміка
Права**

2 '89

ЛІПЕНЬ

МІНСК
„УНІВЕРСІТЭЦКАЕ”
1989

У. К. КОРШУК, А. Ф. МАКАРЭВІЧ

ПОДЗВІГ НА ЗЯМЛІ БЕЛАРУСКАЙ

(Да 45-годдзя вызвалення БССР ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў)

Вызваленне Беларусі ў ліпені 1944 года ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў — вынік гераічных намаганняў усяго савецкага народа. На фронце і ў тыле, у партызанскіх атрадах і ў падполлі з бяспрыкладнай стойкасцю і адважнасцю савецкія людзі рабілі свяшчэнную патрыятычную справу разгрому ворага, абароны Айчыны, сваіх ідэалаў, свайго ладу жыцця. Беларускі народ ганарыцца тым, што ў адзіным страі мужных абаронцаў сацыялістычнай Радзімы з першых дзён Вялікай Айчыннай вайны стойка змагалася няскораная Беларусь.

Неўміручай славай пакрылі сябе абаронцы Брэсцкай крэпасці. Цяжкія баі вялі нашы часці пад Маларытай, Жабінкай, Гродна, Беластокам, Лідай. Гераічна абаранялі Мінск байцы і камандзіры 64-й і 100-й, 108-й і 161-й дывізій.

Мужна змагаліся абаронцы Магілёва — воіны 61-га стралковага корпуса пад камандаваннем генерал-маёра Ф. А. Бакуніна. Тысячы жыхароў удзельнічалі ў будаўніцтве абарончых умацаванняў. У асобныя дні ў гэтых работах удзельнічала да 40 тыс. чалавек. Па закліку партыйнай арганізацыі каля 12 тыс. патрыётаў уступілі ў рады народнага апалчэння. Абаронцы Магілёва скавалі наступленне груп армій «Цэнтр» на маскоўскім напрамку, што дазволіла савецкаму камандаванню выйграць каштоўны час для падрыхтоўкі савецкіх войск да далейшых баёў.

Жорсткія баі ішлі летам пад Бабруйскім, Рагачовым, Жлобінам, Гомелем. У летніх баях 1941 года Чырвоная Армія нанесла ворагу цяжкі ўрон. Яна аб'яскровіла яго лепшыя дывізіі, стварыла перадумовы для зрыву плана «маланкавай вайны» супраць СССР. Толькі за першыя тры тыдні баёў фашысты, нават па заніжаных даных нямецкага камандавання, страцілі больш 100 тыс. салдат і афіцэраў, многа танкаў, самалётаў, іншай баявой тэхнікі¹.

Адным з яскравых праяўленняў адзінства арміі і народа з'явілася стварэнне знішчальных батальёнаў, груп самаабароны, а таксама народнага апалчэння, байцы якіх сумесна з часцямі Чырвонай Арміі са зброяй у руках удзельнічалі ў абароне гарадоў і вёсак. У першыя ж дні вайны знішчальныя батальёны пачалі дзейнічаць у Гомелі, Магілёве, Віцебску, Пінску, Кастрычніцкім, Ельскім, Лельчыцкім, Рагачоўскім і радзе іншых раёнаў.

Камуністычная партыя ў складанейшых умовах разгарнула вялікую работу па стварэнню партызанскіх атрадаў і дыверсійных груп, распальванню ўсенароднай партызанскай вайны ў тыле ворага.

Усёй практычнай работай па стварэнню партыйнага падполля і арганізацыі першых партызанскіх груп і атрадаў у Беларусі кіраваў Цэнтральны Камітэт КП(б)Б. Пад яго кіраўніцтвам у гады нямецка-фашысцкай акупацыі на Беларусі дзейнічала 10 падпольных абкомаў, 8 гаркомаў, 2 гаркомы-райкомаў, 11 міжрайкомаў, 6 міжрайпартцэнтраў, 166 сельскіх і гарадскіх райкомаў КП(б)Б, больш 1200 партыйных арганізацый партызанскіх атрадаў, 184 тэрытарыяльныя падпольныя арганізацыі, у якіх налічвалася звыш 35 тыс. камуністаў.

Адважна змагаліся з ворагам падпольныя камсамольскія арганізацыі. Камуністычнае падполле ўключала таксама патрыятычныя антыфашысцкія групы і арганізацыі, якія дзейнічалі ў заходніх абласцях рэспублікі.

Партызаны і падпольшчыкі Беларусі знішчалі жывую сілу захопнікаў, узрывалі і палілі масты, склады, знішчалі тэхніку, прамысловыя і іншыя аб'екты, грамілі нямецка-фашысцкія гарнізоны, штабы і камендатуры, раённыя і валасныя ўправы, зрывалі ваенныя, палітычныя, эканамічныя, адміністрацыйныя і іншыя мерапрыемствы гітлераўцаў. Асаблівае значэнне надавалася ўдарам па камунікацыях, якія зрывалі планы перавозак войск і тэхнікі праціўніка, не дазвалялі вывозіць у Германію нарабаную гітлераўцамі народную маёмасць і мірнае насельніцтва. На камунікацыях захопнікаў паспяхова дзейнічалі сотні дыверсійна-падрыўных партызанскіх груп.

Яркай старонкай у летапіс партызанскай барацьбы ўвайшла аперацыя пад назвай «Рэйкавая вайна». Яна была спланавана ЦШПД напярэдадні Курскай бітвы з мэтай аказання максімальнай дапамогі Чырвонай Арміі. Яе ажыццяўленне павінна было разбурыць важнейшыя чыгуначныя камунікацыйныя групы армій «Цэнтр». «Рэйкавая вайна» працягвалася з пачатку жніўня да сярэдзіны верасня 1943 года. За гэты час беларускія партызаны падарвалі больш 121 тыс. рэек, пусцілі пад адхон 836 эшалонаў праціўніка.

Беларускія партызаны грамілі гарнізоны і важныя апорныя пункты ворага. Тысячы населеных пунктаў, у тым ліку шэраг раённых цэнтраў, былі ачышчаны ад акупантаў і іх памагатых. На вызваленай тэрыторыі ствараліся партызанскія зоны, дзе аднаўлялася Савецкая ўлада, знаходзілі абарону і выратаванне ад фашысцкага тэрору сотні тысяч мірных грамадзян. Вызваленныя і кантралюемыя партызанамі раёны да канца 1943 года складалі 60 % тэрыторыі БССР.

У адзіным страі з партызанамі на барацьбу супраць акупантаў выступалі падпольшчыкі. У неверагодна цяжкіх і складаных умовах яны паспяхова выконвалі абавязкі сувязных, разведчыкаў, вялі агітацыйна-масавую работу, накіроўвалі ў атрады і брыгады папаўненне, зброю, боепрыпасы, медыкаменты, здзяйснялі смелыя дыверсіі на ваенных аб'ектах ворага, знішчалі фашысцкіх салдат і афіцэраў. У гераічны летапіс барацьбы беларускага народа супраць гітлераўскіх захопнікаў упісалі сваю старонку падпольшчыкі і жыхары Мінска пад кіраўніцтвам падпольнага гарадскога камітэта КП(б)Б.

Партызаны і падпольшчыкі заўсёды адчувалі ўсенародную падтрымку. Мясцовыя жыхары аказвалі партызанам і падпольшчыкам вялікую дапамогу: збіралі і перадавалі разведданыя аб праціўніку, былі праваднікамі, сувязнымі, здабывалі зброю і боепрыпасы, медыкаменты, забяспечвалі партызанскія фарміраванні прадуктамі і абмундзіраваннем, удзельнічалі ў баявых дзеяннях. Супраціўленне насельніцтва праяўлялася таксама ў адмове выконваць работу на ворага, у сабатажы і зрыве ваенных, эканамічных, палітычных, адміністрацыйных і іншых мерапрыемстваў акупацыйных улад.

Фашысцкія акупанты, імкнучыся знішчыць партызан, неаднаразова праводзілі карныя экспедыцыі, у якіх удзельнічалі буйныя сілы рэгулярных войск. Аднак акупантам не ўдалося разбіць партызанскі рух у Беларусі, таму што ён вырас з глыбінь народа і абапіраўся на народ, сілу і магучасць Чырвонай Арміі, усёй нашай краіны, на тую неацэнную матэрыяльную і маральную дапамогу і падтрымку, якую аказваў беларускім партызанам савецкі тыл.

Армія народных месціўцаў Беларусі налічвала больш 440 тыс. патрыётаў. З іх звыш 130 тыс. чалавек з'яўляліся камуністамі і камсамольцамі. У партызанскіх фарміраваннях і падпольных арганізацыях на акупіраванай тэрыторыі рэспублікі побач з беларусамі гераічна змагаліся супраць захопнікаў рускія, украінцы, літоўцы, латышы, грузіны, казахі, армяне, ўзбекі, азербайджанцы, малдаване, прадстаўнікі іншых нацыянальнасцей, а таксама палякі, славакі, чэхі, балгары, сербы, харваты, французы, венгры, немцы і інш.

За тры гады гераічнай барацьбы ў тыле ворага патрыёты знішчылі і ранілі больш 500 тыс. гітлераўцаў і іх памагатых, узарвалі і пусцілі пад адхон 11 128 эшалонаў і 34 бронепаязды, разбілі 948 штабоў і гарнізонаў, падарвалі і знішчылі больш 18 700 аўтамашын, збілі і спалілі 305 самалётаў, падбілі 1355 танкаў і бронемашын, знішчылі 438 гармат рознага калібру і 939 варожых складаў, захапілі 85 гармат, 278 мінамётаў,

1874 кулямёты, 20 917 вінтовак і аўтаматаў². Болей чым тры гады ўдзень і ўначы партызаны і падпольшчыкі, мільёны савецкіх патрыётаў наводзілі жах і паніку на гітлераўскіх акупантаў, наносячы ім удар за ўдарам, набліжаючы заповітны дзень Вызвалення.

У верасні 1943 года Чырвоная Армія ўступіла ў Беларусь і да 1944 года ачысціла ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў каля 40 раёнаў рэспублікі. Раніцай 23 чэрвеня 1944 года пачалася адна з буйных бітваў Вялікай Айчыннай вайны — Беларуская наступальная аперацыя.

Па характару баявых дзеянняў і зместу задач гэта аперацыя дзеліцца на два этапы: першы — з 23 чэрвеня па 4 ліпеня і другі — з 5 ліпеня па 29 жніўня. На першым этапе войскі трох Беларускіх і 1-га Прыбалтыйскага франтоў правялі Віцебска-Аршанскую, Магілёўскую, Бабруйскую і Мінскую наступальныя аперацыі, у ходзе якіх былі разгромлены галоўныя сілы групы армій «Цэнтр», вызвалены Віцебск, Магілёў, Орша, Бабруйск, сталіца Беларусі Мінск і іншыя гарады рэспублікі. На другім этапе былі праведзены чатыры франтавыя аперацыі: Шаўляйская, Вільнюская, Беластоцкая і Люблін-Брэсцкая. Савецкія войскі прайшлі наперад да 400 км, пашырылі фронт наступлення да 1000 км і завяршылі знішчэнне акружанай статыстычнай групойкі нямецка-фашысцкіх войск у раёне на ўсход ад Мінска. Чырвоная Армія ачысціла ад нямецка-фашысцкіх акупантаў Беларускую ССР, значную частку Літвы і пачала баі за вызваленне Польшчы.

У ходзе вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў воінскія злучэнні і часці Чырвонай Арміі цесна ўзаемадзейнічалі з партызанскімі фарміраваннямі. У выніку паспяховага ажыццяўлення Беларускай аперацыі савецкія войскі і партызаны разбілі адну з найбольш моцных варожых груповак — групу армій «Цэнтр». Пры гэтым 17 дывізій і 3 брыгады былі поўнасьцю знішчаны, 50 дывізій страцілі больш палавіны саставу³.

Пасля выгнання нямецка-фашысцкіх захопнікаў было падлічана, што акупанты нанеслі народнай гаспадарцы і насельніцтву рэспублікі матэрыяльныя страты ў памеры 75 млрд. руб. Здавалася, што Савецкай дзяржаве спатрэбіцца многія і многія дзесяцігоддзі для таго, каб адрадзіць з попелу і руін гарады і вёскі, прамысловасць і сельскую гаспадарку, узяць дабрабыт народа.

Адразу пасля вызвалення адноўлення партыйныя камітэты і арганізацыі КП(б)Б распрацавалі комплекс мерапрыемстваў па адраджэнню рэспублікі, усямернай дапамозе фронту. У выніку мэтанакіраваных дзеянняў ужо да канца 1944 года ўдалося пусціць у строй большасць прадпрыемстваў. Былі адноўлены заводы абароннага значэння, дзе арганізавалі рамонт ваеннай тэхнікі і вытворчасць некаторых ваенных матэрыялаў для Чырвонай Арміі. Ужо ў верасні 1944 года рабочыя Мінскага станкабудаўнічага завода імя К. Е. Варашылава перадалі фронту першую калону адрамантаваных танкаў. Да канца 1945 года ў Беларусі было ўзнята з руін 3404 прадпрыемствы, а ўсяго было адноўлена і пабудавана звыш 12 тыс. прамысловых прадпрыемстваў, многія з якіх давалі прадукцыю арміі⁴.

Адраджалася сельская гаспадарка рэспублікі. Разгарнуўся патрыятычных рух калгаснага сялянства за своєчасовае правядзенне веснавой сяўбы ў фонд абароны. Працаўнікі вёскі, нягледзячы на востры недахоп трактараў, цяглавай сілы, рабочых рук, засявалі звыш плана «гектары абароны». Яны ўдзельнічалі ў папаўненні дзяржаўных прадуктовых рэсурсаў з асабістых запасаў. На 1 чэрвеня 1944 года сяляне вызваленых усходніх абласцей Беларусі здалі дзяржаве 21 485 т збожжа і 76 835 т бульбы⁵.

Вялікая арганізатарская і палітычная работа была праведзена партыйнымі органамі рэспублікі па мабілізацыі працаўнікоў вёскі на правядзенне ўборачнай кампаніі, арганізацыю нарыхтовак збожжа і сельскагаспадарчых прадуктаў урадзя 1944 года. Дзяржаўны план нарыхтовак рэспублікай быў выкананы паспяхова: здадзена 240 тыс. т збожжа і 384 тыс. т бульбы. Акрамя таго, у фонд Чырвонай Арміі ад сялян Беларусі паступіла 48 тыс. т збожжа і 390 тыс. т бульбы⁶.

На вызваленай тэрыторыі Беларусі па ініцыятыве працоўных рыхтаваліся і адпраўляліся на фронт рэчавыя падарункі і пасылкі. Усеагульнай увагай і клопатам народа былі акружаны раненыя воіны. Масавы характар набыў рух працоўных рэспублікі за збор сродкаў у фонд абароны Радзімы, на вытворчасць асобных відаў узбраення, за перадачу сродкаў для ўмацавання абароназдольнасці краіны па ваенных пазыках, грашоварэчывай латарэі, грашовых укладах у ашчадныя касы. Усяго за час Вялікай

Айчынным вайны агульныя паступленні грашовых сродкаў і матэрыяльных каштоўнасцей ад працоўных Беларусі ў фонд Перамогі склалі звыш 1 млрд. руб.

У пераможнай барацьбе працоўных Беларусі супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў удзельнічалі мільёны патрыётаў, якія мужа абаранялі заваёвы Кастрычніка, грамадскі прагрэс. У сэрцах працоўных рэспублікі ніколі не згасне пачуццё бязмежнай удзячнасці воінам доблеснай Савецкай Арміі — вызваліцелям Беларусі, усім народам сацыялістычнай Радзімы, і перш за ўсё вялікаму рускаму народу, за набытае шчасце жыццё, працаваць і ствараць у адзінай, дружнай савецкай сям'і, з годнасцю і ўпэўненасцю глядзець у заўтрашні дзень.

¹ Гл.: Формирование коммунистической убежденности: Из опыта работы конференции КПСС вузов Белоруссии. Минск, 1984. С. 208.

² Гл.: Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944): Документы и материалы. Минск, 1967. Т. 1. С. 23.

³ Гл.: История второй мировой войны (1939—1945). М., 1978. Т. 9. С. 64.

⁴ Гл.: Купреева А. П. Народы СССР — трудящимся Белоруссии. Минск, 1981. С. 41; Олехнович Г. И. Экономика Белоруссии в условиях Великой Отечественной войны (1941—1945). Минск, 1982. С. 102—103, 157.

⁵ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. Ф. 17, оп. 88, д. 607, л. 61.

⁶ ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 4, воп. 47, спр. 31, арк. 429.

М. Г. ЖАРКОВ

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ЕЕ ИСКАЖЕНИЕ БУРЖУАЗНЫМИ ИДЕОЛОГАМИ

Победа Великой Октябрьской социалистической революции потрясла мир. Эксплуатируемые капитализмом трудящиеся, поработанные им народы и государства увидели в Октябре путь к свободе, к новой человеческой цивилизации. «Монополистический капитал сразу же почувал, что Октябрьская революция представляет для него страшную опасность, угрозу капиталистическому господству не только в России, но и во всем мире»¹.

Наиболее пристальное внимание западных идеологов привлекают те аспекты истории пролетарской революции, которые продолжают сохранять свою актуальность. В первую очередь это относится к вопросу об исторической неизбежности, закономерности Октябрьской революции. Западно-германский историк О. Флехтгейм пишет, что в России отсутствовали для социалистической революции материальные и общественные предпосылки. Только очень высокая степень развития производительных сил и соответствующее полное развитие пролетариата и буржуазии позволяют ввести социалистическую форму общественного устройства². В таком же духе высказываются советологи всех мастей — В. Леонгард, А. Арндт, А. Мейер, Р. Даниэлс, С. Хук³.

Эти аргументы направлены против неприемлемой для буржуазии правды, суть которой в том, что Великая Октябрьская социалистическая революция, как и все социалистические революции, является неизбежным следствием закономерности исторического развития. Признание антимарксистскими авторами исторической закономерности Октябрьской победы было бы равносильно признанию ими неизбежности исчезновения из жизни (рано или поздно) капиталистической формации. Сомнения буржуазных скептиков в победе пролетарской революции и ее жизненности были опровергнуты В. И. Лениным в работе «Удержат ли большевики государственную власть?», написанную до октябрьских дней. В ней он, в частности, писал: «Одна справедливость, одно чувство возмущенных эксплуатацией масс никогда не вывело бы их на верный путь к социализму. Но когда вырос, благодаря капитализму, материальный аппарат крупных банков, синдикатов, железных дорог и т. п.; когда богатейший опыт передовых стран скопил запасы чудес техники, применение коих **тормозит** капитализм; когда сознательные рабочие сплотили партию в четверть миллиона, чтобы планомерно взять в руки этот аппарат и пустить его в ход, при поддержке

всех трудящихся и эксплуатируемых, — когда есть налицо эти условия, тогда не найдется той силы на земле, которая помешала бы большевикам,, если они не дадут себя запугать и сумеют взять власть, удержать ее до победы всемирной социалистической революции»⁴.

В дореволюционной России сложились те же формы общественного хозяйства, действовали те же общественные силы, что и в других капиталистических государствах. В ней проявились противоречия, присущие каждому империалистическому государству и которые в еще большей степени характерны для империалистического мира сегодня.

Относительная малочисленность российского пролетариата «компенсировалась» его организованностью, связями с массой трудящихся, опытом двух революций, высокой степенью концентрации на крупнейших предприятиях, в промышленных центрах, где в первую очередь решалась судьба революции. Эти факторы развития пролетариата России обеспечили ему гегемонию в Октябре 1917 года⁵. «Рабочий класс России, — отмечается в Программе КПСС, — отличался высокой революционностью и организованностью. Во главе его стояла закаленная в политических сражениях, владеющая передовой революционной теорией большевистская партия»⁶.

В наше время Октябрьская революция оценивается многими западными идеологами как событие, вызванное особенностями развития уже не одной России, а целого ряда так называемых отсталых стран. Крушение колониальной системы империализма и возникновение на ее руинах десятков самостоятельных государств вынудило этих теоретиков толковать историю Октябрьской революции с иных позиций. Революционные перемены в освободившихся от колониального угнетения странах советологи объясняют условиями их социально-экономического развития, отсталостью этих регионов земного шара. Тем самым Октябрьская революция и социалистическое строительство в СССР рассматривается в русле теории «индустриального общества». Опираясь на нее, буржуазная историография предпринимает еще одну попытку зачеркнуть всемирно-историческое значение опыта и теории российской революции для судеб народов мира, ограничить ее влияние странами, вознамерившимися как можно быстрее догнать «передовой Запад» в развитии социально-экономической структуры. По оценке известного советского обществоведа Г. Х. Шахназарова, данная теория «представляет собой, пожалуй, последнее крупное «заграждение» против марксизма-ленинизма. Вот почему буржуазная социология отчаянно цепляется за каждый ее аргумент, как за окоп, покинув который, отступать уже некуда»⁷.

Искажая цели пролетарской революции, абсолютизируя лишь одну из проблем, которые она должна была разрешить, — выход России на передовые рубежи в развитии науки и техники, буржуазная наука стремится тем самым обойти вопрос об огромном социальном значении в жизни общества нашей революции, впервые в мировой практике поставившей у власти рабочий класс, самый революционный класс из всех существовавших до сих пор угнетенных классов. Октябрьская революция уничтожила всякую эксплуатацию человека человеком, уничтожила все и всякие эксплуататорские группы. Именно поэтому победа Октябрьской революции означала коренной перелом в истории человечества, коренной перелом в освободительном движении мирового пролетариата, коренной перелом в способах борьбы и формах организации, — в быту и традициях, в культуре и идеологии эксплуатируемых масс всего мира. В этом основное, первостепенное значение и отличие советской социалистической революции от всех революций прошлого. Октябрьская революция есть революция интернационального, мирового порядка, ибо в ее закономерностях как социалистической революции проявился коренной поворот во всемирной истории человечества от старого буржуазного мира к новому социалистическому строю. В ее закономерностях как социалистической революции проявился международный характер, обнаружились общие, необходимые и повторяющиеся исторические связи.

Отрицая самостоятельный характер нашей революции, противники ленинизма часто объясняют Октябрьскую революцию надеждой большевистских руководителей на то, что революционные события в России станут сигналом и началом для непосредственно предстоящей мировой революции (К. Руфманн, Е. Карр, Р. Даниэле, Р. Фишер и др.). Западногерманский советолог Г. Берг изображает СССР и страны социалистического содружества главным источником военной опасности и безапелляционно заявля-

ет: «мирное разрешение европейских и глобальных проблем станет возможным лишь в том случае, если удастся духовно преодолеть идеологию марксизма-ленинизма, которая псевдотеоретически обосновывает претензии советского империализма на мировое господство»⁸.

Такого рода искажения ленинской революционной теории свидетельствуют не только о неспособности буржуазных историков и публицистов понять закономерности исторического процесса. Это, несомненно, и предумышленное забвение одной из основных идей марксизма-ленинизма о том, что социалистическая или демократическая антиимпериалистическая революция может быть лишь делом того или иного народа, что нельзя, невозможно совершить революцию без учета объективных и субъективных факторов в той или иной стране, без опоры на глубокие внутренние социальные силы каждого данного государства. В. И. Ленин не единожды указывал, что революции не совершаются по заказу, а созревают в процессе исторического развития и происходят в момент, обусловленный комплексом внутренних и внешних причин. Так называемую теорию «подталкивания» международной революции, проповедуемую «левыми коммунистами», Владимир Ильич охарактеризовал как «фразистую бессмыслицу», как «чесотку революционной фразы». Выступая на IV конференции профсоюзов и фабзавкомов Москвы 28 июня 1918 года, В. И. Ленин говорил: «Есть люди, которые думают, что революция может родиться в чужой стране по заказу, по соглашению. Эти люди либо безумны, либо провокаторы. Мы пережили за последние 12 лет две революции. Мы знаем, что их нельзя сделать ни по заказу, ни по соглашению, что они вырастают тогда, когда десятки миллионов людей приходят к выводу, что жить так дальше нельзя»⁹. Принципам невмешательства в дела других стран и народов КПСС строго верна и в современных условиях. Она неизменно подчеркивает значение последовательного соблюдения принципов и политики активного мирного сосуществования между всеми государствами, равноправного сотрудничества и укрепления атмосферы доверия и диалога.

Не менее вздорной и нелепой является версия, объясняющая победу Великой Октябрьской социалистической революции тем, что большевики искусно использовали в борьбе за власть главные желания и требования масс¹⁰. При этом российские трудящиеся изображаются темной, не разбирающейся в политике толпой. «Постоянное» повторение большевиками требований мира, хлеба, земли, Учредительного собрания и т. д. имело якобы «гипнотическое действие» на народные массы и сделало их «послушным орудием» в руках партии большевиков, «эффективным инструментом для захвата и удержания ими власти».

Схема «партийного манипулирования» сейчас наиболее популярна в буржуазной исторической литературе, что, однако, не соответствует действительной истории Октябрьской революции и программным целям ленинской партии. Большевики боролись за подлинные классовые интересы трудящихся многонациональной страны. Только социалистическая революция могла дать народам России мир, крестьянам землю, могла удовлетворить требования угнетенных национальностей, предотвратить падение страны в пропасть катастрофы. «Большевистская политика была глубоко правдивой и понятной массам. Трудящиеся прекрасно разобрались и в программах политических партий России, и в искренности их лозунгов. Основа, на которой велась работа большевиков по созданию политической партии социалистической революции, была надежной, прочной. Успехи в агитации партии подкрепляла организаторской работой, сплочением трудящихся вокруг своих ячеек, Советов, фабрично-заводских комитетов и т. д.» В отличие от политических партий, входивших во Временное правительство и располагавших гораздо более широкими возможностями пропагандирования своих программ, большевики были единственной партией России с ясной программой коренного обновления страны, представлявшей ясное, разумное выражение потребностей трудового населения. Великая Октябрьская социалистическая революция является подлинно народной революцией, ибо «это революция народа и для народа, для человека, его освобождения и развития»¹².

В этих словах Генерального секретаря ЦК КПСС заключен ответ всем — старым и новым — фальсификаторам великой пролетарской революции. Классовый предрассудок, негодование и невежество большей частью пронизывают их работы. Все, что они предлагают публике, редко является истинной историей Октябрьской революции.

- ¹ Фостер У. Октябрьская революция и Соединенные Штаты Америки. М., 1958. С. 7.
- ² См.: Marx heute. Pro und contra. Hamburg, 1983.
- ³ См.: Leonhard W. Was ist Kommunismus? Wandlungen einer Ideologie. München; Gütersloh; Wien, 1976; Lenin — Politik und Philosophie. Bochum, 1982; Критика буржуазных фальсификаций основных проблем курса истории КПСС. Л., 1987.
- ⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 332—333.
- ⁵ См.: Исторический опыт трех российских революций. Книга третья: Коренной поворот в истории человечества: Великая Октябрьская социалистическая революция. М., 1987.
- ⁶ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 6.
- ⁷ Шахназаров Г. Х. Социализм и будущее. М., 1983. С. 19.
- ⁸ Berg H. Marxismus-Leninismus: das Elend der halb deutschen halb russischen Ideologie. Köln, 1986. S. 11.
- ⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 457.
- ¹⁰ См.: Geyer D. Die Russische Revolution: historische Probleme und Perspektiven. Göttingen, 1985. S. 84; Die Sowjetunion 1917—1977. Bonn, 1977. S. 3; Lorenz R. Die Massen in der russischen Revolution 1917 // Die russische Revolution 1917: Der Aufstand der Arbeiter, Bauern und Soldaten. München, 1981. S. 33; Schaefer A. Lenin, 1917: Eine Aufklärung der Machtergreifung durch Lenin-Texte. Berlin, 1980.
- ¹¹ Романовский Н. В. Критика фальсификаций роли ленинской партии в трех революциях. М., 1979. С. 238.
- ¹² Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 3.

У. Ф. ІЛЬЮХІН

ДЗЕЙНАСЦЬ КАМСАМОЛЬСКІХ АРГАНІЗАЦЫІ БЕЛАРУСІ ПА ПАВЫШЭННЮ АГУЛЬНААДУКАЦЫЙНАГА ЎЗРОЎНЮ РАБОЧАЙ МОЛАДЗІ (1961—1970)

Рэалізацыя стратэгічнага курсу паскарэння сацыяльна-эканамічнага развіцця краіны патрабуе далейшага ўдасканалення дзейнасці камсамола, актывізацыі яго ўдзелу ў выхаванні моладзі. «Камсамол павінен настойліва развіваць працоўную і грамадскую актыўнасць юнакоў і дзяўчат, фарміраваць у іх марксісцка-ленінскі светапогляд, палітычную і маральную культуру, свядомасць гістарычнай адказнасці за лёсы сацыялізма і міру»¹.

Развіццё працоўнай актыўнасці залежыць ад цэлага раду фактараў, у тым ліку і ад агульнаадукацыйнай падрыхтоўкі маладых работнікаў, якая дазваляе ім на аснове вывучэння вопыту папярэдніх пакаленняў «рабіць вывады, узяць з вопыту сэння гістарычныя ўрокі, якія спатрэбяцца заўтра»².

Асноўнай формай атрымання ведаў моладдзю, што занята на вытворчасці, у разглядаемы перыяд было вячэрняе і завочнае навучанне. XXII з'езд партыі накіраваў сістэму народнай адукацыі перабудавацца такім чынам, каб працоўныя маглі «спалучаць работу ў сферы вытворчасці з працягам вучобы і адукацыі ў адпаведнасці з асабістым прызначэннем і патрэбнасцямі грамадства». Падкрэсліўшы ўзрастанне ролі камсамола як самадзейнай арганізацыі моладзі, якая дапамагае партыі выхоўваць маладое пакаленне, уцягваць яго ў практычнае будаўніцтва новага грамадства, з'езд указаў, што адно з цэнтральных месц у рабоце камсамольскіх арганізацый павінна займаць «...павышэнне ўзроўню адукацыі і тэхнічных ведаў юнакоў і дзяўчат»³.

XII Пленум ЦК ВЛКСМ, які праходзіў у лістападзе 1961 года, абавязаў абкомы, крайкомы, ЦК ЛКСМ саюзных рэспублік распрацаваць канкрэтныя меры па аказанню дапамогі органам народнай адукацыі ва ўздыме агульнаадукацыйнага ўзроўню ўсіх занятых у народнай гаспадарцы.

Выконваючы ўказанні партыі і рашэнні ЦК ВЛКСМ, камсамольскія арганізацыі рэспублікі правялі пэўную работу па прапагандзе вячэрняга і завочнага навучання, камплектаванню школ рабочай моладзі (ШРМ), стварэнню ўмоў для паспяховага сумяшчэння вучобы і працы. Аднак не ўсюды гэтая работа разгортвалася актыўна. Так, у жніўні 1962 года бюро ЦК ЛКСМ Беларусі разгледзела пытанне «Аб незадавальняючай падрыхтоўцы да новага навучальнага года ў школах рабочай і сельскай моладзі і сеткі камсамольскай палітасветы ў Мінскай вобласці». Указаўшы на слабую растлумачальную работу, адсутнасць належнага кіраўніцтва і патрабавальнасці з боку абласнога, гарадскіх і раённых камітэтаў камсамола, бюро абавязала іх сумесна з органамі народнай адукацыі распраца-

ваць гадавыя і перспектывныя планы вучобы маладых работнікаў, забяспечыць безумоўнае выкананне народнагаспадарчага плана набору навучэнцаў у ШРМ, удзяліўшы асаблівую ўвагу моладзі без васьмігадовай адукацыі⁴.

Камсамольскія арганізацыі вобласці, ліквідуючы адзначаныя пастановай недахопы, разам з органамі народнай адукацыі правялі рэйды па высьвятленьні агульнаадукацыйнага ўзроўню камсамольцаў і моладзі, стану камплектавання вячэрніх і завочных школ. Шырока практыкаваліся сустрэчы маладых вучоных з выпускнікамі ШРМ, кіраўнікамі прадпрыемстваў, вучонымі, якія набылі адукацыю без адрыву ад вытворчасці. На многіх прадпрыемствах пачалі выпускацца спецыяльныя насценныя газеты, прысвечаныя школе і вучобе, былі арганізаваны выступленні педагогаў па заводскаму радыё, вечары ў ШРМ. Мінскі АК ЛКСМБ для аказання дапамогі маладым рабочым у вывучэнні асобных прадметаў прыцягнуў студэнтаў ВНУ. Так, камсамольцы БДУ імя У. І. Леніна стварылі кансультацыйныя пункты ў заводскіх інтэрнатах камвольнага камбіната і МАЗа, студэнты БПІ праводзілі заняткі з рабочымі радыёзавода, камітэт камсамола медыцынскага інстытута ўзяў шэфства над навучэнцамі ШРМ № 10. Усё гэта дазволіла значна палепшыць камплектацыю вячэрніх (зменных) школ і выканаць народнагаспадарчы план прыёму навучэнцаў з ліку працуючай моладзі. Толькі ў Мінску ў 1962/63 навучальным годзе да заняткаў прыступіла 13 982 маладых рабочых, што на 2 тыс. больш, чым прадугледжвалася планам. У цэлым па вобласці кантынгент навучэнцаў школ рабочай моладзі павялічыўся ў параўнанні з 1961 годам з 17 872 чал. да 25 865 чал.⁵

Віцебскі, Гродзенскі АК ЛКСМБ, Магілёўскі, Баранавіцкі гаркомы, некаторыя райкомы камсамола выкарысталі такія традыцыйныя формы работы па заахвочванню моладзі да вучобы ў ШРМ, вячэрніх і завочных ВНУ і тэхнікумах, як уручэнне ва ўрачыстай абстаноўцы камсамольскіх пучэвак на вучобу, правядзенне дэкад і дзён ведаў, адкрытых камсамольскіх сходаў і г. д. Для тых, хто паступае ў вячэрнія і завочныя школы, камітэты камсамола арганізавалі на прадпрыемствах падрыхтоўчыя курсы і пункты, якія аказвалі дапамогу тым, хто меў вялікі разрыў у вучобе. У 1963—1964 гадах у Гродзенскай вобласці дзейнічала 15 такіх пунктаў з колькасцю 600 чал., у Віцебскай—17 з агульным ахопам 472 чал.⁶

Актывізацыі работы камсамольскіх органаў па ўцягненню юнакоў і дзяўчат у ШРМ садзейнічалі рэспубліканскія агляды агульнаадукацыйнай і культурна-тэхнічнай падрыхтоўкі працуючай моладзі, якія праводзіліся па ініцыятыве ЦК ЛКСМБ, Прэзідыума Белсаўпрофа, СНГ БССР і Міністэрства асветы БССР. Найбольш арганізавана прайшоў адзін з такіх аглядаў у 1963/64 навучальным годзе. За час яго правядзення, дзякуючы сумесным намаганням адміністрацыі, прафсаюзаў, камсамола і органаў народнай адукацыі, удалося вырашыць многія пытанні па ўмацаванню матэрыяльнай базы вячэрніх (зменных) і завочных школ, стварэнню неабходных умоў для тых, хто вучыўся без адрыву ад вытворчасці. У выніку кантынгент навучэнцаў у школах рабочай моладзі павялічыўся на 6700 чал.⁷

У многіх пярвічных камсамольскіх арганізацыях прамысловасці, будаўніцтва і транспарту склалася пэўная сістэма павышэння агульнаадукацыйнага ўзроўню маладых рабочых. Заслугоўвае ўвагі вопыт работы камітэта камсамола завода штучнага валакна імя Куйбышава г. Магілёва, які будаваўся на цесным кантакце з адміністрацыяй цэхаў і аддзелаў, аддзела падрыхтоўкі кадраў, заводскай камісіяй садзейнічання навучэнцай моладзі, дырэкцыяй ШРМ, хіміка-тэхналагічнага тэхнікума і дэканатам вячэрняга аддзялення машынабудаўнічага інстытута. Дзейсную падтрымку імкнення моладзі да далейшай вучобы, устанавленне пастаяннага кантролю за якасцю ведаў і наведваннем заняткаў камітэт камсамола звязваў са стварэннем спрыяльных умоў для працы, быту і адпачынку рабочых-навучэнцаў, іх маральным і матэрыяльным заахвочваннем. Маладым рабочым, якія паспяхова сумяшчалі работу з вучобай, у першую чаргу даваліся месцы ў інтэрнатах, дзіцячых садах і яслях, павышаліся вытворчыя разрады. На заводзе стала добрай традыцыяй праводзіць у канцы навучальнага года вечары маладых рабочых, якія вучыліся без адрыву ад вытворчасці. Мэтанакіраванай работай камітэт камсамола дабіўся таго, што ў 1967 годзе з 706 чал. камсамольскага ўзросту без адрыву ад вытворчасці вучылася: у ШРМ—110 чал., у тэхнікумах—248 чал., у ВНУ—224 чал.⁸ У выніку значна ўзрасла прадукцыйнасць працы моладзі, умацавалася яе

працоўная дысцыпліна. Усе маладыя работнікі выконвалі вытворчыя заданні, многія актыўна ўдзельнічалі ў рацыяналізатарскай дзейнасці.

Паляпшэнню вячэрняга і завочнага навучання маладых работнікаў вытворчасці садзейнічала прынятая ў красавіку 1967 года пастанова Прэзідыума ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ і Міністэрства асветы СССР «Аб рабоце прафсаюзных, камсамольскіх арганізацый і органаў народнай адукацыі па павышэнню агульнаадукацыйнага ўзроўню моладзі, занятай у народнай гаспадарцы»⁹.

У мэтах аказання дзейснай дапамогі педагогічным калектывам, устанавлення сістэматычнага кантролю за станам вучэбна-выхаваўчага працэсу, умацавання сувязей камсамола са школай пры вячэрніх ШРМ ствараліся нестатутныя камсамольскія арганізацыі. Толькі ў Гродзенскай вобласці ў 1968 годзе такія арганізацыі дзейнічалі ў 35 вячэрніх школах¹⁰.

Добра зарэкамендавалі сябе створаныя пры некаторых абкомах, гаркомах і райкомах камсамола няштатныя аддзелы па арганізацыі агульнаадукацыйнай вучобы працуючай моладзі, якія праз шырокі камсамольскі актыў праводзілі вялікую агітацыйна-прапагандыскую работу, умацоўвалі шэфскія сувязі паміж камітэтамі камсамола прамысловых прадпрыемстваў і вячэрнімі школамi, сачылі за якасцю вучобы.

У практыку камітэтаў ЛКСМБ пачалі ўваходзіць перыядычныя справаздачы сакратароў і загадчыкаў аддзелаў школьнай моладзі, сумесныя семінары-нарады з прадстаўнікамі органаў народнай адукацыі, на якіх вялікая ўвага ўдзялялася каардынацыі намаганняў камсамола і педагогічных калектываў у барацьбе за паляпшэнне вячэрняга і завочнага навучання рабочай моладзі.

Узаемадзеянне камсамольскіх арганізацый з органамі народнай адукацыі, а таксама актыўная дапамога партыйных, савецкіх і прафсаюзных органаў станоўча адбіліся на паляпшэнні работы вячэрніх і завочных школ і росце іх кантынгенту за кошт маладых рабочых. У 1970 годзе такой формай навучання ў рэспубліцы было ахоплена 122,8 тыс. чал., у тым ліку 101,9 тыс. вучыліся ў 9—11 класах. Кожны чацвёрты атэстат аб сярэдняй адукацыі ўручаўся выпускнікам, якія закончылі вучобу без адрыву ад вытворчасці¹¹.

Але поўнасю вырашыць праблемы вячэрняга і завочнага навучання рабочай моладзі ў разглядаемы перыяд не ўдалося. Нягледзячы на тое, што значная колькасць моладзі, занятай на вытворчасці, не мела магчымасці павышаць свой адукацыйны ўзровень, з сярэдзіны 60-х гадоў у рэспубліцы пачалося неабгрунтаванае скарачэнне сеткі вячэрніх школ. Калі ў 1965/66 навучальным годзе ў БССР дзейнічала 1495 школ рабочай і сельскай моладзі, то ў 1970/71—толькі 521 разам з самастойнымі завочнымі школамi¹².

Крайне марудна ажыццяўляліся меры па ўмацаванню матэрыяльнай базы вячэрніх школ, што адмоўна адбівалася на рацыянальнай арганізацыі ў іх навучальнага працэсу. Абсалютная большасць ШРМ размяшчаліся ў памяшканнях дзённых школ, многія з якіх былі перагружаны і працавалі ў дзве змены, таму заняткі «вячэрнікаў» нярэдка пачыналіся ў 19.30 і заканчваліся каля першай гадзіны ночы. Толькі лічаныя адзінкі школ рабочай моладзі размяшчаліся ва ўласных будынках. Напрыклад, у 1965 годзе ў Мінскай вобласці з 61 самастойных ШРМ такіх было толькі дзве¹³.

Многія гаспадарчыя кіраўнікі, прыкрываючыся «вытворчай неабходнасцю», парушалі пастанову партыі і ўрада аб прадастаўленні льгот рабочым-навучэнцам. Так, больш чым на палавіну зніжалася зарплата маладым рабочым, якія вучыліся ў вячэрніх школах, на аўтабазе № 4 і ў паравозным дэпо Ліды; не прадастаўляліся водпускі на перыяд экзаменаў у БУ-87, аўтатрэсе і некаторых прамысловых прадпрыемствах Гродна; зніжаліся тарыфныя разрады на Луненскім цагляным заводзе. Кіраўнікі Свідзельскага і Шчучынскага райпрамкамбінатаў, Салігорскага завода ЖБВ, мэблевай фабрыкі, прыборабудаўнічага і станкабудаўнічага заводаў Маладзечна звальнялі навучэнцаў з работы без асаблівых на тое прычын, пераводзілі ў нязручныя змены, затрымлівалі на звышурочных работах і адпраўлялі ў працяглыя камандзіроўкі.

Пры камплектаванні ШРМ усё часцей сталі прымяняцца адміністрацыйныя метады, калі ў пагоні за ўсеагульным ахопам ігнараваліся індывідуальны падыход да кожнага канкрэтнага чалавека, яго асабістыя інтарэсы, здольнасці, матэрыяльныя ўмовы, сямейнае становішча і г. д.

Усе гэтыя недахопы адбіваліся на захаванні кантынгента школ рабочай моладзі і якасці навучання. Высокім заставаўся адсеў навучэнцаў (у розныя гады ён складаў па рэспубліцы 20,4—18 %, а ў некаторых школах дасягаў 30—40 %). Вострай была праблема паспяховасці. Так, напрыклад, з 615 маладых рабочых Мінскага аўтамабільнага завода, якія займаліся ў ШРМ № 5 і № 16 у 1966 годзе, не паспявала і не было атэставана па двух і больш прадметах 119 чал., г. зн. амаль кожны пяты. Некаторыя навучэнцы не паспявалі па 3—5 прадметах ¹⁴.

У ліку прычын такога становішча не апошнія месца займалі сур'ёзныя недахопы, фармалізм і інертнасць у рабоце тых камітэтаў камсамола, для якіх пытанні павышэння агульнаадукацыйнага ўзроўню маладых работнікаў вытворчасці зводзіліся да прыняцця шматлікіх пастаноў і складання «столевых» справаздач. У дакладных запісках Мінасветы БССР і ЦК КПБ неаднаразова адзначалася недастатковая работа Гродзенскага АК ЛКСМБ, Барысаўскага ГК, Рэчыцкага, Смаргонскага райкомаў камсамола, якія не ажыццяўлялі належнага кантролю за выкананнем прымаемых рашэнняў па арганізацыі вучобы рабочай моладзі, у выніку чаго большасць з гэтых рашэнняў так і не ўвасобілася ў канкрэтныя справы.

Асобныя камсамольскія арганізацыі, правёўшы кампанію па камплектацыі ШРМ і зрабіўшы справаздачу па яе выніках перад вышэйстаячымі інстанцыямі, лічылі на гэтым сваю работу закончанай і зусім не займаліся сістэматычным аналізам прычын нізкай якасці ведаў, рэдка цікавіліся станам спраў у вучэрніх школах, праўлялі абыхавасць да патрэб моладзі, якая вучылася без адрыву ад вытворчасці. Амаль не практыкавалася вылучэнне на адказныя ўчасткі работы юнакоў і дзяўчат, якія закончылі вучэрнія школы. У радзе выпадкаў самі актывісты не паказвалі асабістага прыкладу камсамольцам і моладзі ў авалоданні ведамі.

Несвоечасовае выяўленне і ліквідацыя адзначаных недахопаў не маглі не адбіцца на эфектыўнасці праводзімай камітэтамі камсамола работы па фарміраванню ў моладзі імкненняў да няспыннай адукацыі, а калі глядзець глыбей, то і на зніжэнні аўтарытэту камсамола як арганізацыі, якая заклікана адстойваць інтарэсы моладзі.

На дзейнасці рэспубліканскай камсамольскай арганізацыі па павышэнню агульнаадукацыйнага ўзроўню рабочай моладзі адбіліся і негатыўныя тэндэнцыі, якія пачалі складацца ў нашым грамадстве ў даследуемы перыяд. Адміністрацыйна-камандны стыль кіраўніцтва, арыентацыя ўсёй дзейнасці дзяржаўных, партыйных органаў і грамадскіх арганізацый на колькасныя паказчыкі, «бюракратычны цэнтралізм» наклалі свой адбітак на стыль, метады і формы работы камітэтаў камсамола. Пераадоленне адзначаных недахопаў немагчыма без карэннай перабудовы ва ўсіх сферах жыцця краіны, у тым ліку ў дзейнасці камсамола, які павінен рашуча адмовіцца ад залішняй цэнтралізацыі, ад усяго, што не вытрымала праверкі практыкай, абудзіць ініцыятыву і самадзейнасць камсамольцаў, апіраючыся на ўсё лепшае, што было ў мінулым.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1987. С. 162.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 208.

³ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 413, 402.

⁴ ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 63, воп. 7, спр. 116, арк. 64.

⁵ ЦДАКР БССР. Ф. 42, воп. 5, спр. 985, арк. 331; спр. 987, арк. 2.

⁶ Там жа. Спр. 1118, арк. 7.

⁷ Там жа.

⁸ ПА Магілёўскага АК КПБ. Ф. 24, воп. 14, спр. 3, арк. 60, 61, 78—80.

⁹ Справочник партийного работника. М., 1967. С. 466.

¹⁰ ПА Гродзенскага АК КПБ. Ф. 20, воп. 19, спр. 1, арк. 9.

¹¹ Гл.: Народное хозяйство Белорусской ССР в 1986 г. Минск, 1987. С. 213; Знамя юности. 1970. 27 февр.

¹² Гл.: Народное хозяйство Белорусской ССР в 1970 г. Минск, 1971. С. 329; Народное хозяйство Белорусской ССР в 1986 г. С. 213.

¹³ ЦДАКР БССР. Ф. 42, воп. 5, спр. 910, арк. 345; спр. 1179, арк. 98.

¹⁴ ЦДАКР БССР. Ф. 42, воп. 5, спр. 1179, арк. 96; спр. 1182, арк. 6; ПА Мінскага АК КПБ. Ф. 586, воп. 1, спр. 64, спр. 31; ПА Гомельскага АК КПБ. Ф. 262, воп. 17, спр. 3, арк. 65.

ПАРТЫЙНАЕ КІРАЎНІЦТВА ПАЛІТЫЧНАЙ ВУЧОБАЙ РАБОЧАГА КЛАСА: ЗГУБЫ І ЗНАХОДКІ (1976—1985)

Перабудова абудзіла грамадска-палітычную актыўнасць рабочага класа, усіх працоўных, нарадзіла мноства спосабаў яе рэалізацыі. Адначасова грамадства сутыкнулася і з негатыўнымі з'явамі, як дэмагогія, дэкларацыі, падмен рэалістычных ацэнак эмацыянальным усплескам, няўменнем перавесці энергію слоў у энергію дзеянняў. Безумоўна, што ўсё гэта звязана з недахопамі ў ідэйна-палітычным выхаванні ў папярэднія гады, неадпаведнасцю паміж патрабаваннямі, якія прад'яўляюцца да ідэалагічнай работы ва ўмовах перабудовы і ўзроўнем яе стану. Усё гэта ставіць на пярэдні план задачы асэнсавання работы, якая вялася ў гэтым кірунку партыйнымі арганізацыямі, паказаць не толькі станоўчы бок, што ўжо зроблена больш чым дастаткова, але і пралікі, вызначыць шляхі іх пераадолення.

Важнай часткай ідэалагічнай работы з'яўляецца палітычная адукацыя. Яна павінна ва ўзаемадзеянні з іншымі формамі прапаганды фарміраваць у рабочага класа марксісцка-ленінскі светапогляд, класавы падыход да ацэнкі з'яў і падзей жыцця. У разглядаемы перыяд партыя вяла пошук дзейсных форм і метадаў палітычнай адукацыі, які быў выкліканы павышэннем агульнаадукацыйнага і палітычнага ўзроўню слухачоў. У першую чаргу гэта датычылася структуры вучобы. Дзеючая да 1981 года сістэма партыйнай адукацыі склалася ў асноўным у сярэдзіне 60-х гадоў і ўключала тры звяны: пачатковае, сярэдняе і вышэйшае. Рабочыя, якія мелі недастатковую агульнаадукацыйную і палітычную падрыхтоўку, займаліся ў пачатковым звяне і вывучалі асновы палітычных ведаў, біяграфію У. І. Леніна, важнейшыя партыйныя дакументы.

Галоўнай жа формай вучобы сярэдняга звяна з'яўляліся школы асноў марксізму-ленінізму. Рабочыя, якія мелі больш высокі ўзровень падрыхтоўкі, вывучалі тут гісторыю КПСС, састаўныя часткі марксісцка-ленінскай тэорыі. Павышэнню ідэйнага ўзроўню партыйнай вучобы садзейнічалі новыя вучэбныя курсы, уведзеныя па рэкамендацыі ЦК КПСС у 1976—1978 гадах: «Аktуальныя пытанні палітыкі КПСС» — для слухачоў пачатковага звяна, «Палітыка КПСС — марксізм-ленінізм у дзеянні» — для сярэдняга.

Наступным крокам якаснага паляпшэння сістэмы палітычнай адукацыі з'явілася прынятая ў маі 1981 года пастанова «Аб далейшым удасканаленні партыйнай вучобы ў святле рашэнняў XXVI з'езда КПСС»¹. Кіруючыся рашэннямі XXVI з'езда КПСС, вышэй названай пастановай, партыйныя арганізацыі і камітэты рэспублікі правялі пэўную работу па перабудове марксісцка-ленінскай адукацыі. Так, уведзілася новая арганізацыйная структура: школы маладых камуністаў, асноў марксізму-ленінізму, навуковага камунізму, тэарэтычныя і метадалагічныя семінары. Гэтая структура дазволіла ў той час больш ўлічваць агульнаадукацыйны і культурны ўзровень, прафесійную і грамадскую дзейнасць слухачоў.

Значна зменшылася колькасць палітшкол на базе няпоўнай сярэдняй і пачатковай адукацыі. Напрыклад, калі ў 1980/81 навучальным годзе ў Брэсцкай абласной партыйнай арганізацыі іх налічвалася 400 з колькасцю слухачоў каля 9 тысяч, то ў 1981/82 вучэбным годзе адпаведна 148 і 2500, што складала 3,5 % слухачоў сістэмы партыйнай адукацыі. У той жа час 36 % слухачоў займалася ў школах асноў марксізму-ленінізму, больш 50 % — у школах навуковага камунізму². Пры гэтым многія партыйныя арганізацыі клапаціліся не столькі аб колькасці слухачоў, колькі аб паляпшэнні якасці вучобы, і ў першую чаргу — камуністаў.

Неабходна адзначыць, што і ва ўмовах абмежавання самастойнасці і ініцыятывы, рэжыму чакання ўказанняў, інструкцый, рэкамендацый многія партыйныя арганізацыі, прапагандысты шукалі свае шляхі, метады работы са слухачамі. Творча падыходзілі да арганізацыі партыйнай вучобы на Мінскім трактарным заводзе. Так, на адным з пасяджэнняў быў адобраны вопыт пастаноўкі вучобы ў ліцейным цэху. У цэнтры ўвагі партыйнай арганізацыі пастаянна знаходзіліся пытанні якаснага паляпшэння вучэбнага працэсу, пошук дзейсных форм работы па пераўтварэнню тэарэтычных і палітычных ведаў слухачоў у кіраўніцтва да практычнага дзеян-

ня. Школы, гурткі і семінары былі арганізаваны з улікам адукацыйнага ўзроўню, зменнасці работы, жадання слухачоў вывучаць тую або іншую праблему. У творчых планах прапагандыстаў знайшлі адлюстраванне пытанні развіцця пазнавальнай актыўнасці, мэтавай вызначаннасці ў рабоце слухачоў, аказанне ім дапамогі ў абгрунтаванні і прыняцці сацыялістычных абавязальстваў, асабістых творчых планаў.

Узбагачаючы свой ідэйна-тэарэтычны ўзровень, слухачы адначасова сталі выконваць і пэўную грамадскую работу. Так, за тры вучэбныя гады, з 1978 па 1981, 205 слухачоў уключыліся ў індывідуальную выхаваўчую работу, 28 з'яўляліся палітінфарматарамі, 18 — агітатарамі, 23 — настаўнікамі моладзі, 125 — членамі ДНД. Значна ўзрасла і працоўная актыўнасць рабочых: 288 чалавек перавыканалі свае асабістыя планы, 508 заваявалі і падцвердзілі званне «Ударнік камуністычнай працы». Калектыву цэха паспяхова выканаў заданне Х пяцігодкі³.

Пэўны вопыт арганізацыі партыйнай вучобы, укаранення актыўных метадаў вучобы быў набыты ў Віцебскай партыйнай арганізацыі. Так, Першамайскім РК КПБ г. Віцебска быў ухвалены вопыт прапагандыста вытворчага аб'яднання «Маналіт» імя 60-годдзя Вялікай Кастрычніцкай рэвалюцыі А. М. Каламайнэн па забяспячэнню адзінства і ўзаемасувязі пазнавальнай, выхаваўчай і кантрольнай функцый актыўных метадаў навучання. Для дасягнення гэтага яна арганізавала работу слухачоў з работамі класікаў марксізму-ленінізму, дакументамі партыі і ўрада, шырока выкарыстоўвала метады праблемнага навучання, тэхнічныя і наглядныя сродкі. Працуючы індывідуальна са слухачамі, яна аказвала ім практычную дапамогу ў распрацоўцы і рэалізацыі асабістых сацыялістычных абавязальстваў, далучэнні асобных слухачоў да рацыяналізатарскай дзейнасці, падрыхтоўцы палітінфарматараў, агітатараў, настаўнікаў моладзі. Праблемная пастаўка пытанняў, аналіз розных вытворчых сітуацый, спрэчкі садзейнічалі развіццю дыялектычнага мыслення слухачоў, умению звязваць тэорыю з практыкай, весці агітацыйную работу⁴. Асобным відам практычных заданняў лічыў прапагандыст падрыхтоўку рэфератаў. Пры іх напісанні слухачы ўключалі матэрыял, атрыманы на аснове асабістых назіранняў пры аналізе працы калектыва.

Адказна падыходзіла да выбару тэматыкі практычных заданняў прапагандыст З. І. Камарова. Гэту работу яна пачынала да пачатку навучальнага году, узгадняла яе з партыйнай арганізацыяй і адміністрацыяй⁵.

Аднак, нягледзячы на праведзеную работу па ўкараненню гэтага метаду, маштабы яго распаўсюджвання і аддача адставалі ад патрабаванняў часу. Важнейшым паказчыкам яго эфектыўнасці з'яўляецца ўнясенне канкрэтных прапаноў па ўдасканаленню вытворчасці і грамадскай работы. Сацыялагічныя даследаванні паказалі, што, напрыклад, за апошнія тры гады разглядаемага перыяду толькі 30 % слухачоў унеслі канкрэтныя меркаванні па ўдасканаленню дзейнасці працоўных калектываў. Заставаўся нізкім і працэнт іх рэалізацыі. Безумоўна, гэта залежала ў значнай ступені ад іх якасці. Аднак у многіх партыйных арганізацыях не быў наладжаны сістэматычны ўлік і аналіз лепшых прапаноў.

Наўвага да ініцыятывы слухачоў, беспадстаўная затрымка з рэалізацыяй прапаноў рэзка зніжалі цікавасць да заняткаў, падрываў веру ў магчымасць перамен да лепшага. Гэта з'яўлялася адной з прычын пасіўнасці слухачоў. На працягу навучальнага года большасць рабочых выступала на занятках не часцей як 3—4 разы. Пры падрыхтоўцы да заняткаў яны рэдка звярталіся да першакрыніц, часцей абмяжоўваліся вывучэннем матэрыялаў перыядычнага друку, чытаннем вучэбных дапаможнікаў.

У структуры практычных заданняў большасць часу адводзілася эканамічным пытанням. Аднак такі падыход не садзейнічаў у поўнай меры фарміраванню светапогляду слухачоў. Гэта прыводзіла да супярэчнасці паміж неабходнасцю прыблізіць заняткі да канкрэтных праблем працоўнага калектыву і захаваць метадалагічную накіраванасць вучобы. Нярэдка на занятках разглядаліся дробныя непаладкі вытворчасці, а не прынцыповыя пытанні тэорыі і практыкі.

Але ніякіх змен у формах і метадах палітычнай вучобы не дасягнуць мэты, калі не будуць выкарыстоўвацца асабістыя намаганні слухачоў, актыўная самастойная работа па вывучэнню марксісцка-ленінскай тэорыі. Пагэтаму партыйныя арганізацыі разглядалі пытанні павышэння эфектыўнасці палітычнай самаадукацыі як першачарговыя. Станоўчы вопыт кіравання самаадукацыяй быў набыты ў партыйных арганізацыях г. Наваполацка. Так, партыйнае бюро цэха 101 вытворчага аб'яднання «Палімір»

распрацавала мерапрыемствы па кантролю за самастойным вывучэннем рабочымі твораў заснавальнікаў марксізму-ленінізму, партыйных дакументаў. З гэтай нагоды спецыяльная камісія раз у квартал аналізавала стан спраў па самастойнаму вывучэнню першакрыніц, заслухоўвала сумесна з партыйным бюро справаздачы слухачоў і начальнікаў змен і партгрупоргаў аб справах у іх зменах і партыйных групах. Гэта ў значнай ступені садзейнічала таму, што цэх неаднаразова займаў прызавыя месцы ў сацыялістычным спаборніцтве, значна ўзрасла працоўная і грамадска-палітычная актыўнасць слухачоў⁶.

Прапагандысты праводзілі са слухачамі індывідуальныя гутаркі і кансультацыі па рабоце з першакрыніцамі, правяралі і рэцэнзіравалі іх канспекты, ставілі перад слухачамі праблемныя пытанні. Дзейнай формай кантролю за ўзроўнем і якасцю палітычнай самаадукацыі слухачоў сталі бягучыя залікі па вузлавых тэмах праграм. Такія залікі атрымалі шырокае распаўсюджванне ў Магілёўскай, Брэсцкай, Гомельскай і іншых абласных партыйных арганізацыях. Напрыклад, у 1982 годзе такую форму вучобы прымянялі 93 % прапагандыстаў школ асноў марксізму-ленінізму, усе прапагандысты школ навуковага камунізму Гомельшчыны⁷.

Нягледзячы на асобныя поспехі, сістэма палітычнай вучобы ўсё больш і больш адставала ад практыкі, абрасталала фармалізмам. У многіх школах і семінарскіх групах заняткі праходзілі на нізкім ідэйна-тэарэтычным і метадычным узроўнях, насілі вузкаасветніцкі характар. Гэта з'явілася вынікам пралікаў у кіраўніцтве вучобай з боку партыйных арганізацый. Аналіз паказвае, што 2/3 пытанняў, разглядаемых гаркамамі і райкамамі партыі КПБ, закраналі толькі арганізацыйны бок справы. Пры гэтым выкананне прымаемых па гэтых пытаннях пастановаў, як правіла, не кантралявалася. Зместу, ідэйна-тэарэтычнаму ўзроўню заняткаў, эфектыўнасці вучобы адводзілася мала ўвагі. Напрыклад, у дзесяці РК КПБ Магілёўскай вобласці акрамя «дзяжурных» пытанняў палітычнай вучобы на працягу 1977 года зусім не разглядаліся. Як паказвае вопыт, такое абмеркаванне мэтазгодна праводзіць рэгулярна, а не толькі перад пачаткам навучальнага года і пасля яго заканчэння. Гэта дазволіць аператыўна ўздзейнічаць на арганізацыю і змест заняткаў, своєчасова ўносіць неабходныя змены ў навукальны працэс, павысіць адказнасць слухачоў за свой ідэйны рост. Асобныя партыйныя арганізацыі не заслухоўвалі справаздачы камуністаў аб павышэнні ідэйна-тэарэтычнага ўзроўню, не прымалі мер па фактах ухілення слухачоў ад вучобы, зрыву і пераносу заняткаў. Палітычная вучоба часта праводзілася ў адрыве ад актуальных задач выхавання працоўных, практыкі гаспадарання. Сацыялагічныя даследаванні, праведзеныя АГН пры ЦК КПСС у Віцебскай вобласці паказалі, што толькі 15,3 % апытаных ведалі планавыя заданні сваіх прадпрыемстваў па росту прадукцыйнасці працы, 18 % — па павелічэнню аб'ёму вытворчасці, 14,7 % — па зніжэнню сабекошту прадукцыі⁸. Безумоўна, гэта характэрна і для іншых абласцей.

Недаацэнка некаторымі партыйнымі арганізацыямі палітычнай вучобы, фармальны падыход да яе арганізацыі і зместу ў вывучаемы перыяд прыводзілі да таго, што яна пераставала быць арганізуючым і мабілізуючым фактарам, пераўтваралася ў адбыццё прымусовай павіннасці. І ніякія арганізацыйныя мерапрыемствы не маглі ажывіць вучобу ва ўмовах, калі нельга было праводзіць творчыя дыскусіі, адкрыта абменьвацца думкамі, калі слухачы недаверліва адносіліся да афіцыйных матэрыялаў, разглядаемых на занятках, бо яны супярэчылі фактам жыцця рабочых, працоўных калектываў.

Дэмакратызацыя сацыялістычнага грамадства, перабудова палітычнай і эканамічнай вучобы будучы садзейнічаць пераадоўванню гэтых і іншых недахопаў, што, несумненна, становіцца адаб'еца на фарміраванні марксісцка-ленінскага светапогляду, палітычнай культуры рабочага класа.

¹ О дальнейшем совершенствовании партийной учебы в свете решений XXVI съезда КПСС: Постановление ЦК КПСС, 26 мая 1981 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1982. Т. 14. С. 385.

² ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 4, воп. 146, спр. 60, арк. 6.

³ ПА Мінскага АК КПБ. Ф. 28, воп. 19, спр. 3, арк. 115—116.

⁴ ПА Віцебскага АК КПБ. Ф. 42, воп. 59, спр. 8, арк. 106—111.

⁵ ПА Віцебскага АК КПБ. Ф. 42, воп. 63, спр. 7, арк. 139.

⁶ Там жа. Ф. 9801, воп. 11, спр. 21, арк. 128—130.

⁷ ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 4, воп. 146, спр. 60, арк. 38.

⁸ ПА Віцебскага АК КПБ. Ф. 102, воп. 58, спр. 2, арк. 73.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ РЕЛИГИИ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

(по поэмам Гомера и Гесиода)

Методологическая оценка социальной роли религии в Древней Греции может быть дана согласно определению всякой религии, которое сформулировал Ф. Энгельс. Религию он называет «фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни»¹. Фантастическое у Энгельса — синоним искаженности, неверного отражения действительности.

В недрах современного Гомеру общества (IX—VIII века до н. э.) шло интенсивное разложение родовых отношений, и на базе накопления материальных средств и возникновения классов-сословий складывались государство.

Э. Д. Фролов отмечает в античной религии общинную заданность, обусловленность ее функций полисной природой общества, заимствование религиозных представлений из критско-микенской эпохи². В научной литературе признана политическая тенденциозность творчества Гомера, выполнявшего социальный заказ аристократов. «Илиада» — произведение о ратных подвигах аристократов во время Троянской войны (XIII—XII века до н. э.); «Одиссея» повествует о необычных приключениях одного из основных героев Троянской войны. Она насыщена фольклорно-мифологическими элементами.

Плодотворна характеристика ахейского лагеря в «Илиаде». Он изображен как своеобразный полис-дружина, возникший на вражеской территории. Басилей здесь выполняли функции советников и судей, составляя корпорацию, в которой Агамемнон занимает место регента как первый среди равных. В лагере специальное место отведено для судебных разбирательств. Управление ахейцев носит скорее коллегиальный, чем единоличный характер. Но известное равноправие принадлежит только басилеям, которые противостоят массе воинов³.

Попытка рядового ратника Терсита сагитировать толпу воинов высказать властителям свое мнение закончилась его избиением. Эпизод присвоения добычи аристократа Ахилла вождем ахейцев Агамемноном свидетельствует о методах накопления богатств басилеями. По отношению к демосу басилей действовал тем более безнаказанно. Старинный обычай добровольных пожертвований теперь использовался как предлог для лихоимства и вымогательства. Развитие моногамной семьи на основе роста культуры земледелия обеспечивало наличие избытка определенного продукта, который присваивала знать.

Основой же господства родовой знати была общинная собственность на землю. Практика ее распределения привела к тому, что появились люди, владеющие многими участками («поликлерой»), и безземельные («аклерой»). Положение свободных, но неимущих фетов немногим отличалось от положения рабов.

Накопление материальных средств обеспечивало господство лучших («аристой») и благородных («агатой») над рядовыми общинниками, скверными («какой»). Но поскольку последние выделялись из основной массы общинников, которым постоянно грозило разорение, аристократы вынуждены были заниматься их религиозно-психологической обработкой. По верному наблюдению А. И. Зайцева, божественное вмешательство в поступки людей «служит в духе общих законов поэтики гомеровского эпоса для большего возвышения эпических героев, для создания пропасти между ними и простыми людьми»⁴.

Агамемнон, Ахилл и другие басилей — потомки богов. Эней заявляет Ахиллу: «Нашего предка Дардана Зевс породил». А матерью своей Эней называет Афродиту (Одиссея, 208 — 210). Божественное происхождение Агамемнона, а в действительности его реальная власть предводителя ахейцев, делают его таким всемогущим, что он угрожает Хризу, жрецу Аполлона, расправой. Служитель Аполлона тоже достоин своего соперника: желая выкупить дочь, он предает Трои, призывая олимпийских богов разрушить град приамов. Однако ни этот призыв, ни выкуп, ни жезл и венец Аполлона не заставили Агамемнона освободить дочь жреца. Святость культа попирается. За проступок Агамемнона разгневанный Аполлон насыляет

на войско ахейцев язву. Афина помогает Одиссею всегда, когда он попадает в безвыходное положение. Посейдон спасает Энея, по воздуху бросив, и предстает пред спасенным в своем облике.

Наивно истолковывает Гомер причины появления богатства, рабства. К кобылицам Энея сам бог «разгорался любовью на паствах» (Ил. 222—225). Сам бог плодит богатство! В «Одиссее» неоднократно повторяется мысль: боги даруют богатство (Од., XVIII, 19; 124; 81). Одиссей, став нищим, говорит рабыне Меланфо, что нищенство—жребий, посланный ему Зевсом-Кронидом. Зевс назначает человеку также «тягостный жребий печального рабства». Объяснение причин рабства вложено в уста свинопаса Евмея, раба Одиссея. Евмей, посланный Одиссеем в дом Телемаха на разведку, садится к его столу. А когда Антиной ударил вошедшего Одиссея-нищего скамейкой, Евмей упрекнул обидчика: «будет ли Дий тем доволен?» (Од., XVII, 395—399). Избитый нищий вопрошает, по существу, о том же, но с иным оттенком: «Если же боги и мщенье Эриний живут и для бедных?» Здесь и констатация того, что речь идет об одних и тех же богах для богатых и бедных, и сомнения в том, что боги покровительствуют последним.

Гомер вложил в уста Евмея мысль, угодную аристократии: его раб верит в то, что говорит. Отвлекаясь от вопроса об источниках рабства, обратив внимание на положение рабов в гомеровскую эпоху, которое несомненно было обусловлено натуральным характером хозяйства, ограничивающим степень эксплуатации. Последнее обстоятельство и определяло правовое положение рабов, которое нуждалось в религиозном освящении, хотя нищий сомневается, что боги покровительствуют им.

Гесиод—младший современник эпохи гомеровского эпоса и первый в древнегреческой литературе точно определенный автор. Несмотря на известную хронологическую близость создания эпического и дидактического эпосов, Гесиод—носитель нового мировоззрения, он первым дает рационалистическое истолкование мифов, изменяя и религиозные представления. А его социальные взгляды противоположны взглядам Гомера.

По Гесиоду, «благостные демоны дают людям богатство». Кронид может осчастливить богатством многих своих сыновей. Земледелец, чтоб получить урожай, должен молиться богине плодородия Деметре. Поэма «Работы и дни» является гимном труду, она насыщена рациональными рекомендациями земледельца-экономиста, в том числе и сословно-классового характера. Покровительство богов здесь не является главной силой и изображается достаточно отвлеченно. В «Илиаде» же боги действуют так же реально, как и герои-аристократы.

Вынужденный постоянно бороться с грозящим ему разорением, Гесиод сам работает вместе с рабами. Одиссей же занят героическими подвигами, а умение провести плугом борозду для него не повседневная работа, а способ демонстрации физических сил, своего превосходства над противником. Но обеспечивает он себя отнюдь не трудом рук своих. Гесиод разбрасываться мясом на подачки нищему не станет. Оно ему досталось не от поборов с общинников и не от стад, пасомых рабом. Гесиод подсчитывает, что сорокалетнему молодцу-работнику положено четыре куска восьмидольного хлеба. Одиссей наказывает неверных рабов, у Гесиода рабыня (гюнайка-«женщина») является такой же собственностью хозяина как и вол, а «бездетная поденщица» сравнивается с коровой.

Гесиод создал гимн физическому труду, а классические рабовладельцы будут относиться к этому труду с презрением. «Труд человеку стада добывает и всякий достаток»—вот центральная мысль Гесиода. Гомер же говорил о табунах коней Энея, подаренных ему Бореєм.

Боги могут наградить человека богатством. Но бедность, по Гесиоду,—удел ленивца. По Гомеру, Зевс, определяя жребий рабства, лишает человека доблести («арэтэс»). Гесиод не отводит богам никакой роли в появлении бедности или рабства. Но и причины рабства Гесиод не объясняет, очевидно, принимая его как должное. Другое время настало. Рабство уже настолько распространено, что Гесиод как зажиточный земледелец, а не гомеровский базилей (так далеко зашло социальное расслоение), имеет двух рабов и эксплуатирует фетов. В этом зажиточный крестьянин видит божественную справедливость.

Историю человечества Гесиод объясняет с позиций общественного регресса. В отличие от времени, описанного Гомером, он живет в пору широкого применения железной техники и поэтому свою эпоху называет железным веком, идеологии которого не соответствует идеология эпохи гоме-

ровского полиса. Герои Гомера выясняют свое божественное происхождение в самых, казалось бы, неподходящих экстремальных ситуациях. Разгадка происхождения этих героев объясняется не столько эпическим характером поэм, сколько их сословно-классовой социальной направленностью. Басилеи — прямые потомки богов. А выдвинутая Гесиодом теория регресса человеческой истории является опровержением гомеровской божественной генеалогии басилеев. Гесиод насчитал пять поколений людей, каждым из которых, кроме своего, железного века, он восхищается, но никакой связи между ними не видит. Каждый раз после смерти одного поколения людей, Зевс создает новое, которое ничем не связано с предыдущим. Поколение золотого века, по воле Зевса, превращено в благостных демонов, которые охраняют всех людей, а не басилеев преимущественно, как гомеровские боги: «зорко на правые наши дела и неправые смотрят» (Работы и дни, 129). Обращение к своему брату Персу, земледельцу, как к потомку богов у Гесиода не просто риторическая фраза. Все люди созданы Зевсом. В басне о ястребе и соловье Гесиод не называет басилеев ни богородными, ни благородными. После поэмы «Работы и дни» Гесиод написал «Теогонию» — историю богов. В ней, в отличие от истории людей, Гесиод усматривает прогресс: переход от хаоса к разумно-волевому порядку, установленному Зевсом и его союзниками-олимпийцами во всем мире⁵. Противоречие между теориями регресса и прогресса разрешимо. Установление разумно-волевого порядка в мире богов — это как бы возврат к золотому веку, которого жаждет новый эксплуататор, противостоящий родовой знати. Совпадение меры и степени божественного вмешательства в поступки гомеровских героев в зависимости от их социального статуса отражает закономерную связь социальных и психологических корней религии. Минимальная доля божественного покровительства Одиссею-нищему, признание роли Зевса в избрании для человека жребия нищего и раба и лишении последнего половины доблестей совпадают с низким социальным положением фетов и патриархальных рабов. Эксплуатация тех и других, постоянное разорение свободных общинников вызывали необходимость воздействовать на них и духовно, с помощью соответствующей идеологии.

Позже, в классическое время, когда характер рабства изменился, «для обеспечения господства над рабами достаточно было одного непосредственного физического принуждения»⁶. Гесиод объяснил причины бедности реалистично, хотя не мог понять их социальной природы. Выступая против политического, правового и религиозного господства знати, сам он пользуется плодами эксплуатации рабов и фетов. Религия, рационалистически истолкованная Гесиодом, была наряду с политикой и правом одним из элементов надстройки формирующегося рабовладельческого полиса.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 283.

² См.: Фролов Э. Д. Религия и атеизм в античном мире // Вопросы научного атеизма. М., 1976. С. 120.

³ См.: Андреев Ю. В. Раннегреческий полис (Гомеровский период). Л., 1976. С. 101.

⁴ Зайцев А. И. Свобода воли и божественное руководство в гомеровском эпосе // ВДИ. 1987. С. 142.

⁵ См.: Лосев А. Ф. Античная философия истории. М., 1977. С. 46.

⁶ Амусин И. Д. Социально-экономическая история древнего мира в трудах академика А. И. Тюменева // Проблемы социально-экономической истории древнего мира / Ред. В. В. Струве. М.; Л., 1963. С. 16.

И. О. ЕВТУХОВ

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА ПЕРИОДА ТАГАСТА (388 — 392)

Смена эпох — это не только смена условий существования человека, изменяются и сами люди, их идеалы и стремления. В этом отношении особый интерес представляет сложная фигура христианского мыслителя Аврелия Августина, воплотившего в себе многие противоречия периода перехода от античности к средневековью. Сформулированная же им концепция человека, особенно процесс ее формирования, помогает нам глубже проникнуть во внутренний мир людей того простого времени.

Исходя из этого мы хотим проанализировать взгляды Августина на место человека в мире и предлагаемые им средства для достижения подлинного бытия. В данной статье рассматривается антропологическая система раннего Августина, в которой тесно переплелись неоплатонические и христианские идеи. В советской историографии начальному этапу деятельности этого мыслителя посвящено пока не очень много работ¹, причем исследователи занимались главным образом периодом Кассициака (386—387 годы).

Осенью 388 года Аврелий Августин, тридцатичетырехлетний ритор одной из школ Милана, недавно принявший христианство, вернулся в Северную Африку. На первых порах он остановился в Карфагене у своего друга Иннокентия, но вскоре переехал в родной Тагаст. Продав доставшееся ему по наследству имущество и отдав все вырученные деньги церкви при условии сохранения за ним небольшого пансиона и права на родительский дом, Августин организовал общину из наиболее близких людей, таких, как его сын Адеодат, а также единомышленники Алипий, Север, Романиан, Еводий.

Жизнь и судьба человека в мире по-прежнему волнуют бывшего ритора, продолжавшего разработку своей антропологической системы, основы которой были заложены в Кассициаке. Развитие ее шло двумя путями: углублением старых и постановкой новых проблем, среди которых все более отчетливо звучат христианские мотивы.

Возвращаясь к исследованию количественных и качественных характеристик души, начатому в диалогах «О жизни блаженной» (386) и «О бессмертии души» (387), Аврелий Августин пишет небольшое произведение «О количестве души» (388), где, детализируя концепцию Платона о восхождении Мировой души к Единому, подробно описывает происходящие с ней трансформации.

На первой (растительной) ступени ею выполняется единственная функция — одушевление, но уже на следующей — ее проявления значительно многообразней: ощущение, привычка, примитивная память. Собственно человек начинается с третьей ступени, когда память окончательно отрывается от привычки и функционирует самостоятельно, при помощи знаков. Четвертая ступень характеризуется познанием добра, высокой оценкой человеческого общества и повиновением заповедям мудрецов. На пятой — душа освобождается от скверны, на шестой — наступает высшее созерцательное состояние и, наконец, седьмая ступень — тихое мерцание света и вечности (*De quant. an.* 33).

В кратких определениях различных трансформаций души отражается своеобразная дуоплановость мышления Августина. Как неоплатоник он выстраивает цепочку: одушевление — чувство — искусство (т. е. все, созданное человечеством и хранящееся в памяти) — доблесть — покой — созерцание. Но с точки зрения христианина, он видит совершенно иную картину: из тела — через тело — около тела — к себе самой — к богу — у бога (*Ibid.* 35). В итоге все замыкается на боге, который, подчинив тело душе, а душу себе, создает все и управляет всем (*Ibid.* 36). Как видим, в образе августиновского бога тесно переплелись черты неоплатонического Единого и христианского Саваофа. В итоге получается Высшее существо, по своей свободной воле творящее мироздание и пронизывающее его духовную (идеальную) структуру.

Применительно к людям речь идет о некоей силе, обитающей во внутреннем человеке, т. е. в «самых сокровенных тайниках разумной души» (*De Mag.* I) и открывающейся познанию не в полном объеме, а лишь «настолько, насколько он» (т. е. обладатель души) в состоянии принять, смотря по своей худой или доброй воле» (*De Mag.* II). Любому человеку открыт путь к обретению той совершенной природы, которую люди имели до грехопадения (*De ver. relig.* 46), но для этого необходимо прожить семь духовных возрастов «соответственно не количеству лет, а внутреннему преуспеванию» (*Ibid.* 26).

Таким образом, начав с детализации положений античной философии

ской системы, Августин вышел на христианскую тематику (проблема преодоления первородного греха), где и продолжил искания латинских апологетов первой половины IV века Арнобия и Лактанция, пытавшихся решить вопрос о месте человека в мире.

Христианское вероучение, признав сотворение мира из ничего, кардинально изменило видение общей картины мироздания. Место античной системы: боги — мир — человек, управляемой мерой, числом и пропорцией, заняла принципиально иная: творец — творение, что вызвало соответствующее перемещение акцентов и генерирование новых идей, приведших в итоге к формированию средневекового дуалистического мировоззрения.

Арнобий, разрабатывая свою антропологическую систему в сочинении «Против язычников» (ок. 327), максимально отдалил бога от сотворенного им мира, полностью растворив в последнем человека. Люди, по его мнению, ничем не отличаются от животных и не представляют никакой ценности для мироздания. В результате формируется схема: бог — мир — человек, не нужный ни богу, ни миру.

Ученик Арнобия Лактанций в «Божественных наставлениях» (ок. 340) пришел к другому выводу. Бог создал мир и для того, чтобы в нем было существо, способное по достоинству оценить это творение, создал и наделил разумом человека, который, в свою очередь, должен служить и поклоняться богу.

Августин, как видим в его произведениях периода Тагаста, наметил свой вариант системы: бог — человек — мир. При этом человек, возвышаясь над миром посредством разума и обитающей в нем божественной силы, получает возможность достичь совершенной природы. О месте, которое Августин в своей системе отводит миру, можно судить по его произведению «О 83-х различных вопросах» (388—395), где содержится следующее замечание: «Все чувственное изменяется непрестанно. Но что изменяется, то не может быть понято. Итак, спасительнее всего будет, если мы отвратим взоры от этого мира... и обратимся к истине, которая понимается разумом, всегда пребывает и не имеет образа лжи» (*De div. quaest.* LXXXIII, 9). Под истиной в данном случае следует понимать «мыслительный свет», исходящий от бога (*Ibid.* 46).

Постановка вопроса об отношении людей к творцу приводит мыслителя к проблеме греха и свободной воли человека, попытка разрешения которой предпринята в диалоге «О свободном выборе» (387—395) и в «Диспуте с Фортунатом Манихеем» (392). Предлагается следующий вариант решения. При сотворении людям была дарована свободная воля, чтобы они могли иметь «заслуги, которые без воли невозможны» (*Acta seu disp. contr. Fort. Man.* 15). Однако в силу того, что природа человека сочетает духовное и материальное начала и неизбежно ограничивается последним, создаются предпосылки для «уклонения ее от высочайшего добра или возможность греха» (*Ibid.* 21). Выбор людей совершенно свободен. Бог, которому с самого начала известны все последствия этого выбора, не стесняет свободы, но и не несет за него ответственности. «Бог ни одного человека не принуждает грешить,— подчеркивает Августин,— хотя знает заранее тех, кто собирается грешить по собственной воле» (*De lib. arb.* III, 4, 10).

Таким образом, концепция человека, содержащаяся в произведениях Аврелия Августина, написанных в Тагасте, существенно отличается от его взглядов по этому вопросу, высказанных в Кассициаке. С античного мудреца, занятого поисками истины, акцент перенесен на христианина, стремящегося преодолеть последствия первородного греха. Если раньше Августин считал главным содержанием человеческой жизни приближение разума к истине по ступеням свободных наук (*De ord.* II, 12—16), то теперь речь идет о духовном развитии внутреннего человека по мере тления внешнего, чтобы смертное обратилось в бессмертие (*De ver. rel.* 26). Живя в Кассициаке, Августин не уставал повторять, что «изучение свободных наук, разумеется, добросовестное и отчетливое, делает любя-

телей истины в стремлении к ней... более настойчивыми и более подготовленными» (De ord. I, 8). Теперь же он дает совершенно иные рекомендации: «Из себя не выходи, а сосродоточься в самом себе, ибо истина живет во внутреннем человеке» (De ver. relig. 39). Его интересует и новая, не свойственная античной традиции проблематика: искупление, динамика человеческой личности, свобода воли, которая решалась в духе христианского дуализма земного и небесного. В Тагасте Августин окончательно освободился от обаяния породившей его античной цивилизации и поставил свой талант, знания и энергию на службу западной церкви.

В начале 391 года Аврелий Августин был рукоположен в сан пресвитера, но приступил к исполнению своих обязанностей только весной 392 года. В том же году он переехал в Иппон. Осенью 393 года пресвитер выступил на соборе африканских епископов с речью «О вере и символе», вызвавшей одобрение присутствовавших иерархов. Из-под его пера одно за другим выходят экзегетические произведения: «Изъяснение Нагорной проповеди» (ок. 393), «Изъяснение Послания к галатам» (ок. 394) и ряд других. Августин-ритор уступил место Августину-богослову.

Следующим этапом развития антропологической системы Аврелия Августина стала его знаменитая «Исповедь» (396—400) и связанная с ней полемика с пелагианами по вопросу о свободе воли. Окончательный вид его концепция человека приобрела только в «Энхиридионе для Лаврентия» (421), где показано, что человек в этом мире должен делать, к чему стремиться и на что надеяться.

¹ См.: Бычков В. В. Античные традиции в эстетике раннего Августина // Традиция в истории культуры. М., 1978; Гаджикурбанов А. А. Августин и академический скептицизм // Из истории западноевропейской культуры. М., 1979; Столяров А. А. Recte honesteque vivere: К истории духовной эволюции Августина // Античная культура и современная наука. М., 1985; Евтухов И. О., Федосик В. А. К вопросу о формировании антропологии Аврелия Августина // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3. 1988. № 2.

Т. А. ЮРИС

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАЗРАБОТКИ КАТЕГОРИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Понятие «мировоззрение» впервые ввел в обращение И. Кант, его исследованием занимались немецкие философы-идеалисты первой половины XIX века. Понятием «мировоззрение» оперируют К. Маркс и Ф. Энгельс, а вслед за ними и другие философы-марксисты. При всех различиях в толковании природы мировоззрения оно понималось как некоторое специфическое устойчивое духовное образование, свойственное носителю и внутренне определяющее его поведение. Такая трактовка мировоззрения доминирует и в советской философской науке. Однако в рамках подобного подхода представления о сущности и структуре мировоззрения претерпели некоторую эволюцию.

Мировоззрение считается неотъемлемым атрибутом общественного и индивидуального сознания. Первоначально оно понималось как система обобщенных представлений о мире и отношении к нему человека. Были попытки отождествления его с идеологией, философией, другими формами общественного сознания. Трактовки мировоззрения как определенной системы знаний субъекта о мире, о себе самом и о своем месте в этом мире обнаружили несостоятельность при попытках решения проблемы формирования научного мировоззрения, ибо делают задачу овладения мировоззрением вопросом эрудиции, а не жизненного самоопределения человека. Проблема формирования коммунистического мировоззрения при таком подходе заключается лишь в организации процесса передачи философских и конкретно-научных знаний, что на деле еще не дает желаемого результата. Эту задачу нельзя решить узкими средствами рационально-логического воздействия на индивида, массы. Само по себе «обучение мировоззрению» не может существенно менять убеждения и жизненные ориентации субъекта, если обретаемые им знания не сочетаются органически с его образом жизни, жизненным опытом, чувствами, стремлениями.

Осознание этого факта привело к изменению представлений о сущности и структуре мировоззрения. В настоящее время большинство исследователей рассматривает мировоззрение не как отдельную, составную часть, высший, теоретический уровень сознания, а как его стержень, ядро, интегрирующее начало. При таком подходе мировоззрение трактуется как форма общественного самосознания, состояние, вид, форма организации сознания¹. На основе данных общей и социальной психологии был сделан вывод о том, что далеко не все содержание мировоззрения носит осознано-рефлексивный характер, некоторые его элементы складываются до того, как у субъекта появляется развитое рациональное, теоретическое мышление. Выделяют такие нетеоретические формы и уровни функционирования мировоззренческого сознания, как мироощущение, мировосприятие, миропонимание и др. Кроме рационального, идейно-теоретического в мировоззрении были выделены также психологический, чувственно-эмоциональный и волевой компоненты.

Если ранее структура мировоззрения сводилась к совокупности взглядов и представлений предельно общего характера, то теперь она понимается либо как система убеждений субъекта, либо как совокупность разно-

образных феноменов, выражающих общую установку деятельности и поведения человека: знаний, взглядов, принципов, убеждений, идеалов, норм, оценок, установок и т. п. Причем убеждения рассматриваются как важнейший составной элемент структуры мировоззрения. Под убеждениями, как правило, понимается такое духовное образование, которое представляет собой сплав, неразрывное единство рационального, эмоционального и волевого: осознанного знания, чувств, эмоций и других социально-психологических образований, закрепляющих ту или иную идею, а также воли, направленности к действию, исходящих из данной идеи. Считается, что убеждения практически ориентируют всю деятельность субъекта, реализуются в этой деятельности и не противоречат ей. Только таким образом, претерпев трансформацию «знаний в убеждения», слившись с чувствами и волей субъекта, теоретические представления становятся подлинным «руководством к действию». По мнению исследователей, обеспечивая непосредственный переход идеальных побудительных стимулов, мотивов в реальную практическую деятельность, мировоззрение оказывается не теоретическим, а духовно-практическим по своей природе феноменом, что и позволяет ему выполнять стимулирующую и регулирующие функции по отношению к деятельности индивида, масс.

Насколько обоснованна подобная широко распространенная и, по сути, доминирующая трактовка сущности и структуры мировоззрения, механизма его функционирования? Отражает ли она реальную связь между мировоззрением и деятельностью субъекта? Сомнения в этом подтверждаются появившейся в последнее время аргументированной критикой вышеприведенного понимания сущности убеждений и их взаимосвязи с поведением человека². Отмечается, что далеко не всякое убеждение непременно объективируется в поступке, связь между ними более сложна, опосредована рядом предпосылок, условий как субъективного, так и объективного характера. Теоретическим основанием утверждения об обязательном переходе убеждений в реальные действия является абсолютизация единства сознания и поведения, непонимание и игнорирование их различия, своеобразия и относительной самостоятельности. Убеждения человека — это феномен его сознания. Существенными свойствами убеждения являются оценка человеком чего-либо и его внутренняя субъективная уверенность в правильности этой оценки³. Воля и эмоции не являются элементами содержания убеждения. Они представляют собой необходимые субъективные условия, психические факторы, благодаря которым те или иные убеждения объективируются в деятельности. Эмоционально-волевая, психическая неготовность личности к объективации своих убеждений может послужить одной из причин разрыва убеждений и реального поведения человека. Кроме этих факторов, большое влияние на реализацию убеждений оказывают привычки, являющиеся важной формой объективации тех или иных убеждений в реальном поведении индивида. Привычки представляют собой стереотипные и весьма устойчивые формы поведения. Качественные изменения сознания человека, изменения его взглядов и убеждений совершаются во времени значительно быстрее, чем разрушаются старые и формируются новые формы поведения. Это постоянно порождает известное противоречие между сознанием и поведением индивида, между его убеждениями и практической деятельностью реализацией этих убеждений, ибо старые привычки препятствуют объективации новых убеждений личности. Таким образом, получается, что мировоззрение, основным структурным элементом которого считаются убеждения, далеко не всегда оказывается в состоянии направлять и регулировать поведение человека, а вместо него эти функции зачастую выполняют привычки. Объяснить это противоречие, дать правильную интерпретацию механизма детерминации деятельности человека его мировоззрением можно только на основе нового понимания сущности и структуры данного феномена.

Нетрадиционная трактовка мировоззрения предложена авторами монографии «Марксистско-ленинское мировоззрение: сущность, пути формирования» (Минск, 1986). По их мнению, для выполнения функции ориентации и регулирования деятельности человека идеи, убеждения и другие составляющие мировоззрения должны быть органически связаны с чувствами, желаниями, интересами, поступками людей. Без социальной деятельности, без единства слова и дела, мысли и чувства никакая идея или убеждение не могут выступать как мировоззрение индивида, социальной группы или класса. обстоятельно анализируя данный феномен на личностном уровне, исследователи определяют реальное мировоззрение как относитель-

но автономную и устойчивую подсистему внутренних детерминант личности, которая выступает основой ее социального состояния и поведения, самочувствия и самосознания, оценки и прогнозирования своего места в мире. Этими детерминантами являются: 1) субъективно усвоенные «программы» социальной деятельности; 2) рационально, вербально выраженные и сформулированные ее «принципы»; 3) субъективно отраженные, оцененные и осмысленные «результаты» социальной деятельности.

«Программы» представляют собой фиксацию существенных, значимых особенностей деятельности индивида, объективно необходимых для его успешного социального функционирования в системе исторически и классово определенных общественных отношений. Они возникают на основе жизненного практического опыта и научения и придают их носителю объективно определенные социальные признаки. «Программы» являются совокупностью устойчивых навыков, умений, привычек, выражающих временную и пространственную структуру производственно-практической и других видов деятельности. Данный базисный пласт реального мировоззрения формируется в условиях еще неразвитого интеллекта, поэтому далеко не всегда осознан.

С развитием субъекта, по мере становления и совершенствования рационального мышления формируется второй уровень реального мировоззрения — уровень «принципов» жизнедеятельности личности. Его составляют прежде всего осознанные и усвоенные в рационализированной и вербализированной форме «программы» трудовой деятельности, общения и культурного поведения, а также фундаментальные конкретно-исторические результаты научного познания, основные нормы, законы и принципы морали, права, политики, религии и т. д. К уровню принципов относятся и такие основные идеальные социальные факторы, стимулирующие и направляющие развитие личности и ее социальную деятельность, как идеалы, осознанные цели и потребности, прогнозы и социальные установки.

Результаты социальной деятельности в отраженной и субъективно преобразованной, оцененной и выраженной форме образуют третий компонент реального мировоззрения, позволяющий реализовывать «обратную связь» между результатами, а также целями и способами деятельности личности и корректировать ее в соответствии с личностной оценкой достигнутого.

«В таком понимании реальное мировоззрение «как ядро» личности обнаруживает не только объективное, непосредственно практическое социальное происхождение, но и органическую целостность, динамическую сложность и внутреннюю противоречивость своего содержания, способность выступать реальным, действенным фактором социальных действий, внутренним стимулом и регулятором саморазвития личности»⁴.

Подобная трактовка сущности и структуры мировоззрения представляется очень плодотворным направлением в дальнейшем исследовании этого сложного феномена не только как атрибута индивидуального человеческого существования, но и социального существования классов, социальных групп, общества. Данный подход позволяет по-новому подойти к решению проблемы формирования научного мировоззрения, определению основных направлений, путей и форм мировоззренческого воспитания трудящихся. Поскольку истоки мировоззрения обнаруживаются уже на уровне практически-социальной жизнедеятельности субъекта, формирование коммунистического мировоззрения является широкой социально-экономической задачей. Основные направления этого процесса составляют обучение социально полезному труду, воспитание масс в духе социалистического коллективизма, разъяснение научного смысла и значения коммунистических целей и идеалов. В качестве главных средств следует назвать социалистический труд, социалистическую организацию и управление, социалистический образ жизни, т. е. всю практику сознательного формирования общественных отношений в нашей стране, и далее — социалистическое искусство, науку, философское и экономическое марксистское образование.

Таким образом, разработка категории мировоззрения в марксистско-ленинской философии идет по пути отказа от упрощенных представлений о сущности и структуре, механизме функционирования данного социального феномена к осознанию его сложной, внутренне противоречивой природы как единства идеального и материального, объективного и субъективного, осознанного и неосознанного, что дает возможность раскрыть реальную связь между мировоззрением и деятельностью субъекта.

¹ См.: Шинкарук В. И. Философия, наука, мировоззрение // Диалектический и исторический материализм — философская основа коммунистического мировоззрения. Киев, 1977. С. 5; Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М., 1980. С. 208; Ашманис М. Г. Формирование научного мировоззрения. Рига, 1984. С. 39; Рудницкая Н. А. Марксистско-ленинское мировоззрение и идеалы // Личность: мировоззрение и образ жизни. М., 1984. С. 39.

² См.: Калинин В. С. Нравственные убеждения личности и ее поведение: актуальные аспекты соотношения // Философские науки. 1987. № 12.

³ См.: Калинин В. С. Сущность и типология убеждений // Вопросы философии. 1986. № 7.

⁴ Марксистско-ленинское мировоззрение: сущность, пути формирования. Минск, 1986. С. 46.

Г. Н. БОЧКО

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ОБРАЗА НАУКИ

Методологический анализ научного познания предполагает создание модели науки, адекватной ее реальному развитию. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование тех многообразных социокультурных факторов, которые во многом определяют облик научной деятельности. Целью данной статьи является анализ универсальных мировоззренческих структур в аспекте их влияния на формирование и становление конкретно-исторического образа науки.

Образ науки — это «интегративное, синтетическое представление о структуре и развитии научного знания... своеобразная интерпретация функций, задач и смысла науки, последствий ее прогресса»¹. Наряду с представлениями о социальной значимости научного знания, его роли в жизни общества, образ науки включает обобщенные представления о внутренних механизмах и методологических принципах научного познания. Складывающиеся в общественном сознании рефлексивные представления о научном познании не всегда совпадают с реальным развитием науки и могут существенным образом отличаться от последнего, однако в любом случае оказывают существенное методологическое влияние на процесс научно-исследовательской деятельности.

Образ науки задает целостное видение научной деятельности в системе культуры и предопределяет разработку научной картины мира. Свою конкретную реализацию он находит в системе идеалов и норм науки, совокупность которых «выражает образ познавательной деятельности, складывающийся в культуре под влиянием практики и обслуживающих ее типов духовного производства»². В силу этого организация научно-исследовательской деятельности в соответствии с уже сложившимися идеалами и нормами познания может расцениваться как постоянная реализация субъектом познания определенного конкретно-исторического образа науки, который функционирует в качестве своеобразного методологического императива.

Формирование образа науки достаточно жестко скоррелировано с мировоззренческими структурами, лежащими в фундаменте культуры той или иной исторической эпохи. Отливаясь в своеобразные категориальные формы культуры и эксплицируясь посредством философии, мировоззрение выступает предельной общей структурой, в рамках которой разворачиваются процессы духовной и духовно-практической деятельности. Категориально оформленное мировоззрение человека известной исторической эпохи, его самоощущение «довлеет над конкретными, живыми людьми, занятыми исследованием и другими формами творческой, духовной деятельности, в качестве заранее отработанного «схематизма сознания», архетипа, априорного правила переживания мыслителем своей собственной субъективности»³. Тем самым мировоззрение в значительной степени обуславливает сам характер мышления и то, что этим мышлением производится, т. е. тип духовного производства, одним из видов которого является научно-познавательная деятельность.

Сопряженность образа науки с соответствующими мировоззренческими структурами наиболее ярко проявляется в корреляции представлений об основных принципах понимания человека и общими нормативно-методологическими установками образа науки. Это объясняется тем, что познавательная деятельность «как по своему объекту и объему, так и по своим мотивам и целям была и остается антропоцентрической»⁴, что «любая разнovidность духовного или духовно-практического освоения действительно

сти... предполагает определенные формы самоотражения или самосознания... некоторые Я-концепции, которые являются необходимым условием норм и регулятивов, лежащих в основе их существования и воспроизводства»⁵. Смена представлений об основных принципах понимания человека вызывает достаточно сильные модификации в представлениях о смысле, целях, последствиях научного познания, что в свою очередь отражается на исследованиях конкретно-исторического характера. Проследим некоторые особенности процесса формирования образа науки в связи с основными принципами понимания человека в философии XVII—XVIII веков.

Становление капиталистического способа производства характеризуется формированием принципиально нового типа общественного самосознания человека. Объективными потребностями нового способа производства объясняется превращение человека в свободного продавца рабочей силы, что подорвало основы того общественного неравенства, юридически закрепленного насилия над личностью, которое лежало в основе феодального способа производства. Задача философии данного периода состояла в том, чтобы найти критерий всеобщего равенства и свободы людей. По мнению философов данного периода, таким общим для всех людей основанием является разумное начало в человеке.

Признак разумности, человеческой рациональности является важнейшим родовым свойством человека, а его наличие — бесспорным фактом. «Имя человеческий род, — подчеркивал Гоббс, — с очевидностью охватывает всех людей, руководствующихся в своих действиях разумом»⁶. Формирующиеся в этот период учения о человеческом разуме исходят из факта его естественного происхождения как изначального, от природы данного всем людям свойства человеческой природы. По их мнению, разум — это воплощенный в человеке «свет самой природы», которым природа освещает самое себя.

Идея естественной рациональности была тесно связана с идеологией ранней буржуазии и ее гуманистическими ценностями. При помощи понятия естественного разума, с одной стороны, утверждалась идея всеобщего равенства людей, а с другой, это понятие несло в себе обоснование человеческой автономности и свободы. «Разумное начало в человеке становится синонимом его свободного, активного действия, предпосылкой, формой и содержанием завоевания, достижения свободы»⁷. Каждый человек действует исходя из своего рационально понятого представления о полезности действия, он сам способен контролировать свое деятельное отношение к миру. Представления о естественности разума, его суверенности и способности рационально осмыслить мир отражали реальные связи и отношения буржуазного общества, в котором каждый индивид формально выступает как суверенный и равноправный партнер, осуществляющий договорные связи (купли-продажи) в соответствии со своим рационально понятым интересом.

Складывающееся под влиянием социальной практики понимание человека как автономного существа, способного организовать свое бытие в соответствии с законами разума, выступало тем первоначальным звеном, прообразом, согласно которому формировались представления не только об индивидуальном процессе жизни, но и обо всем миропорядке в целом и путях его постижения. Формирующийся в этот период образ науки тесно связан с учением о разуме как фундаментальном свойстве человеческой природы. Это проявляется прежде всего в том, что «...в рассматриваемую эпоху под «разумом» стали понимать всю совокупность научного знания...»⁸ и вера человека в безграничную мощь разума является одновременно его верой в силу науки. Фактически понятия «разум человека» и «наука» на данном этапе становятся синонимами. Происходящее в этот период под влиянием социальной практики изменение общественной роли и цели науки в значительной степени опосредовано подобными представлениями: наука как квинтэссенция человеческого разума должна перейти на службу человеку и иметь практическое назначение, т. е. выступать основным средством преобразования природы, общества и человека.

Осмысление науки в качестве основного орудия общественного прогресса обусловило интенсивную разработку гносеологической проблематики. Практически все философские системы XVII—XVIII веков так или иначе включают в себя разработку формирующегося образа науки. В качестве основного фактора оптимизации научного поиска выдвигалось требование формирования «правильного» научного метода. «Кульм разума, столь характерный не только для рациональности XVII века, но и для

приверженцев эмпиризма, есть прежде всего культ истинного метода»⁹. Метод рассматривался как радикальное усовершенствование разума, поэтому предполагалось разрабатывать средства и приемы, при помощи которых разум человека, процессы его мышления и сознания способны давать объективную истину. В философии Бэкона выработана целая система очищения разума от всевозможных «идолов» и «призраков», мешающих созерцать вещи сами по себе. Принцип методологического сомнения, выдвинутый Декартом, представляет собой по сути дела попытку испытать разумом все утверждения, которые внушают хотя бы малейшее сомнение. Единственное, по Декарту, в чем нельзя сомневаться, есть само мышление человека. Способность человека мыслить является той первичной, ясной и отчетливой очевидностью, исходя из которой с помощью системы логических выводов можно дедуцировать не только свое собственное существование, но и все бытие внешнего мира. Выведение законов природы из законов разума позволяло делать вывод о их полном соответствии, т. е. тождестве логических и физических оснований, а стало быть — «о разумности» всей действительности. «...Истина, — писал Декарт, — то же самое, что бытие»¹⁰. Онтологизация разумного начала человека обусловила формирование основной нормативно-методологической установки научно-познавательной деятельности XVII—XVIII веков — представление об изначально рациональной устроенности мира.

Таким образом, мировоззренческое понимание человека как автономного существа, обладающего суверенным, абсолютно мыслящим разумом, во многом определило формирование основных представлений о науке данного периода и ее методологических положениях. Следствием воздействия мировоззренческих структур на формирование образа науки можно также считать и сложившееся в его рамках основное противоречие буржуазной теории познания. Оно проявлялось в несоответствии представлений об изначальной рациональной устроенности мира, с одной стороны, и реальной практики социального бытия, с другой. Индивид, который, согласно доктрине рационализма, способен рационально построить свое поведение и общественные отношения, сталкивается в условиях капитализма с такими явлениями социальной жизни, которые не укладываются в его теоретические конструкции. «...Капиталистическое развитие ежедневно и ежечасно показывало, что реальный исторический процесс не подчиняется рациональным схемам, обладающим внутренней достоверностью для сознания, что он вырывается из-под контроля, заставляет испытывать отчуждение рационально развиваемых форм сознания индивидов от действительного нравственно-социального порядка...»¹¹ Данное противоречие порождало двойственность и противоречивость во взглядах теоретиков рассматриваемого периода и обнаруживало себя в различных теоретических построениях правового, политического, экономического характера. Так, например, в общественном бытии того периода господствовала теория общественного договора, которая объясняла возникновение общества добровольным соглашением людей для совместного проживания на принципах справедливости и мира, тогда как уже Гоббс фиксировал в наличной действительности «войну всех против всех». Аналогичная ситуация сложилась и в политэкономии. А. Смит, исходя из рационально обоснованной абстракции простого товарного производства, при попытке ее применения к буржуазной экономической реальности столкнулся с такими противоречиями, которые вынудили его отказаться от закона стоимости и перенести его действие в общество «первобытное и малоразвитое».

Разрешение основного противоречия буржуазного образа науки и создание принципиально иной модели науки связано с именами К. Маркса и Ф. Энгельса. Анализируя экономическое учение А. Смита, К. Маркс отмечал, что источник смитовских противоречий следует искать в исходных пунктах его учения. Обращение К. Маркса к анализу буржуазных мировоззренческих структур и, в частности, к проблеме человека показало, что формальные автономность и суверенность человека, абсолютизация его разумного начала являются ничем иным, как попыткой буржуазии абсолютизировать свой образ жизни и свои ценности, показать буржуазное общество как общество, основанное на принципах разума и справедливости. Коренная ломка буржуазного мировоззрения и выработка представлений о человеке как существе, чье развитие обусловлено реальными, исторически развивающимися структурами социальной практики, способствовали формированию принципиально иных представлений о научной деятельности. Познающее мышление теперь рассматривается не как абсолютно мыс-

лящий разум, «навязывающий» свои рациональные схемы наличной действительности, а как процесс отражения реальных связей и отношений реальной действительности. Такая нормативно-методологическая установка марксистской теории познания позволила не только разрешить парадоксы буржуазных экономических и социальных теорий, но и создать подлинно научную гносеологию.

¹ Огурцов А. П. Образы науки в буржуазном общественном сознании // Философия и наука. М., 1972. С. 348—349.

² Степин В. С. Идеалы и нормы в динамике научного поиска // Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981. С. 23.

³ Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия и наука. 1972. С. 34.

⁴ Черноволенко В. Ф. Мировоззрение и научное познание. Киев, 1970. С. 45.

⁵ Швырев В. С. Рефлексия и понимание в современном анализе науки // Вопросы философии. 1985. № 6. С. 47.

⁶ Гоббс Т. Избранные произведения: В 2-х т. М., 1969. Т. 1. С. 310.

⁷ Мотрошилова Н. В. Познание и общество. М., 1969. С. 189.

⁸ Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983. С. 401.

⁹ Там же. С. 36.

¹⁰ Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950. С. 383.

¹¹ Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С. Указ. соч. С. 51.

МУЛХИМ АДНАН

АЛЬ-КИНДИ И ЕГО ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ

В современной интенсивной и весьма противоречивой жизни стран арабского мира исторические традиции культурного наследия играют значительную роль. К ним обращаются и используют в своих целях различные социальные силы, государства с прогрессивными и реакционными режимами.

Один из мыслителей, творчество которого по-разному истолковывают как силы реакции, так и прогресса, является Абу-Юсуф Якуб бну-Исхак аль-Кинди. Он по праву считается основоположником арабской философии. Сведений о нем сохранилось немного. Даже годы его жизни точно не установлены. В исследованиях современных арабских ученых указывается, что аль-Кинди родился между 755—765, а умер между 833—840 годами. В советской литературе даты его жизни определяются 800—879 годами. Родился он в Басре, в семье эмира Куфы, принадлежавшей к знатному роду феодальных владык Йемена. Мать аль-Кинди после смерти мужа располагала достаточными средствами, чтобы дать сыну хорошее образование. Сначала мальчик учился в Басре, а затем в Багдаде, который в это время был не только столицей Аббасидского халифата, но и центром свободомыслия, литературы, науки и философии. Халиф Мамун (813—833) объявляет государственной религией мутаизм, отрицавший основные догматы корана и консерватизм религиозной идеологии. В период правления халифа Мамуна в Багдаде бурно развиваются науки, переводческая деятельность, в библиотеках концентрируется богатейшая многоязычная литература. Все большую роль в идейной и политической жизни общества начинают играть философия. Произведения Платона, Аристотеля, Плотина, Порфирия становятся достоянием передовой интеллигенции. В острой борьбе против правоверного ислама рождается новое религиозное течение «калам» (по-арабски означает рассуждение, толкование Корана), представители которого творчески развивали идеи мутаизмита.

В этой противоречивой духовной атмосфере формировалось мировоззрение аль-Кинди. В Багдаде он много читает, изучает языки, труды Птолемея, Евклида и других представителей естественнонаучного знания, философские произведения античных мыслителей. В круг его поистине энциклопедических интересов входили метафизика, логика, математика, этика, астрономия, медицина, методология, оптика, теория музыки. Кроме того, он занимается переводами, редактированием и комментированием произведений выдающихся мыслителей прошлого.

Составить полную библиографию работ аль-Кинди сегодня весьма сложно. Уже при преемнике Мамуна халифе Мутавакилле (847—861) началось

преследование мутазалитов и утверждение «правоверного» (суннитского) ислама. Произведения аль-Кинди запрещались и уничтожались, как противоречащие исламу и его идеологии. Даже сам автор, по сведениям современников, вынужден был скрываться. Научное наследие мыслителя весьма разнообразно. Современный арабский исследователь Курис Ауад составил список работ аль-Кинди по отраслям знаний, который включает 241 книгу, в том числе: по философии—22 книги, логике—9, арифметике—11, по биологии—8, о музыке—7, о звездах—19, графике—23, астрономии—16, о явлениях природы—22, о магии—10, о диалектике—17, психологии—5, политике—12, о координатах и расстояниях—22, о видах—5, рецензии и отзывы о философских трудах—33¹.

Этот список подтверждает мнение, что перед нами мыслитель разносторонних знаний, энциклопедического ума, «философ арабов». Научное исследование аль-Кинди—результат глубокого усвоения научных и философских знаний, накопленных различными народами. Мыслитель был убежден в необходимости усвоения научных и практических достижений предшествующих поколений. «Нам не следует стыдиться одобрения и обретения истины,—писал он,—откуда бы она ни исходила—пусть даже от далеких от нас племен и от народов неопредельных с нами стран. Для искателя истины нет ничего лучше самой истины, и не следует пренебрегать истиной и свысока смотреть на тех, кто ее высказал или передал: истиной никого нельзя унижить—наоборот, истина облагораживает всякого». Аль-Кинди резко осуждал многочисленных врагов истины, к которым принадлежали «слишком ограниченные люди», незаконно захватившие троны властителей, заботящиеся прежде всего о выгодах для себя, считавшие «себя обладателями человеческих добродетелей, приобрести которые они не удосужились и от которых они весьма и весьма далеки». Они торгуют верой, противятся «приобретению знания об истинной природе вещей»². Вот такие люди стояли на страже мусульманской религиозной правоверности и враждебно относились ко всему, что подрывало основы религиозной идеологии.

Неудивительно, что произведения передового мыслителя в этих условиях не могли свободно распространяться. Они запрещались и уничтожались противниками, их прятали и оберегали сторонники и последователи его идей. До сих пор исследователи ведут поиски трактатов «философа арабов». Иногда они приводят к положительным результатам. Так, в 30-х годах нашего века немецкому востоковеду Х. Риттеру удалось обнаружить в Стамбуле древнюю рукопись, которая включает 29 произведений аль-Кинди, многие из которых—философские трактаты. Возможно, рукопись была вывезена в Турцию после завоевания Багдадского халифата турками-сельджуками в 1055 году.

К настоящему времени наиболее значительной публикацией произведений мыслителя является каирское издание³. В нем опубликованы важнейшие философские произведения аль-Кинди: «Трактат о количестве книг Аристотеля...», «О разуме», «О первой философии», «Об определениях и описаниях вещей», «Рассуждение о душе», «Трактат о ближней действующей причине возникновения и уничтожения», «Книга о пяти сущностях», «Трактат о причине лазурного цвета, который видим в воздухе со стороны неба», «Об объяснении того, что природа небесного свода противоречит природе четырех элементов», «О теле из числа четырех элементов, которое по своей природе является носителем цвета и служит причиной существования цвета в прочих телах», «О том, что существуют бестелесные субстанции», «О единосущности Аллаха и конечности тела мира» и другие.

На русском языке опубликованы: «Трактат о количестве книг Аристотеля и о том, что необходимо для усвоения философии», «О первой философии», «Книга о пяти сущностях», «Объяснение ближайшей действующей причины возникновения и уничтожения»⁴. Довольно обстоятельный обзор произведений аль-Кинди, литературы о нем дает Х. Джаматова⁵. Она исследует основные вехи жизни и научной деятельности мыслителя, судьбу его произведений в последующие века. Кроме того, Х. Джаматова осуществляет содержательный анализ учения «философа арабов» о бытии и природе, о познании и разуме.

А. В. Сагдеев в статье «Новые публикации трактатов аль-Кинди»⁶ подытоживает результаты современных поисков произведений арабского мыслителя.

Краткую, но весьма содержательную оценку философского наследия

аль-Кинди дает В. В. Соколов в учебнике «Средневековая философия». Он обращает внимание читателя на то, что «основоположник арабоязычной философии ясно и убежденно сформулировал ту ее фундаментальную особенность, которая стала резко отличать ее не только от современной ей, но и от более поздней западноевропейской средневековой философии...» Аль-Кинди не мыслил философии вне и без комплекса естественнонаучных знаний. Философия как венец (и одновременно основа) энциклопедического научного знания, столь характерная для Аристотеля, возрождается у «философа арабов». В. В. Соколов приходит к выводу, что у аль-Кинди знание фактически противопоставляется вере, стихийный материализм естествоиспытателя берет верх над его полуидеалистическими установками⁷.

И действительно, к философии мыслитель шел через естественнонаучное знание. Уже в молодости он приходит к выводу о том, что прежде, чем заниматься философией, необходимо изучить математику. Она необходима потому, что изучает количество и качество вещей и явлений. А с изучения количественных и качественных характеристик начинается философское познание. Проблему отношения природы и бога мыслитель решает в духе средневекового мировоззрения.

Основной вопрос философии «об отношении мышления к бытию, — писал Ф. Энгельс, — о том, что является первичным: дух или природа — это вопрос, игравший, впрочем, большую роль и в средневековой схоластике, вопреки церкви принял более острую форму: создан ли мир богом или существует от века»⁸. Аль-Кинди без колебания признает первичность духа и вторичность природы, сотворенность мира. Однако в дальнейшем он отходит от этого теологически-идеалистического понимания мироздания и склоняется к материалистической трактовке проблемы. Он ограничивает функции бога, трактуя его лишь как творца вселенной. Теперь он уже склоняется к мысли, что природа существует сама по себе. «Природа, — пишет аль-Кинди, — является первичной причиной всего подвижного и покоящегося». Здесь же он поясняет, что все природное обладает материей, которая испытывает действие и поэтому находится в движении. Но материя не существует сама по себе. Она находится в неразрывном единстве с формой, пространством, временем и движением. Эти сущности, как их называет аль-Кинди, составляют основу природы. «Во всякой вещи, — разъясняет он, — в которой есть субстанция, существуют материя, из которой она состоит, форма, в которой мы ее видим и благодаря которой она зримо отличается от других вещей, место, в котором она находится в известных пределах (ибо нет ни одного тела, коему не было бы уготовано существование в известном месте и в известных пределах), а также движение, благодаря которому она существует»⁹.

Материя и форма рассматриваются «философом арабов» в неразрывном единстве. Они представляют собой равнозначные и неделимые начала. Познавая одно из этих начал, мы познаем другое, и, наоборот, познавая другое, познаем первое. Материю он считает сущностью отдельных конкретных вещей, а форму — видовым различием, благодаря которому та или иная вещь зримо отличается от других вещей.

В соответствии с учением древнегреческих стихийных материалистов арабский философ подразделяет материю на четыре элемента: огонь, воздух, воду и землю. «Эти четыре элемента, — пишет аль-Кинди, — в целом не подвержены ни возникновению, ни уничтожению, — в каждом из них возникают и уничтожаются лишь части перехода одного элемента в другой». Изменчивость и развитие в реальном мире мыслитель иллюстрирует очень характерными примерами. «Жизнь может покинуть живое тело, — поясняет он, — но сама телесность устойчива в своем состоянии, она не уничтожается». Сам человек — «разумное смертное живое существо» — после смерти превращается в прах¹⁰.

Значительное место в философском наследии аль-Кинди занимает проблема причинности. Она анализируется во многих трактатах: «Объяснение ближайшей действующей причины возникновения и уничтожения», «О действующей причине прилива и отлива», «О причине, по которой верхние слои воздуха охлаждаются, а те, что ближе к земле, нагреваются», «О причине лазурного цвета, который видим в воздухе со стороны неба», «О причине появления снега, града, молний, ударов грома и стужи», «О причине, по которой в некоторых местностях почти не бывает дождей», «О причине, по которой древние приписывали стихиям пять фигур», «О теле из числа 4-х элементов, которое по своей природе является носителем цвета и служит причиной существования цвета в прочих телах». Название этих и других

трактатов мыслителя свидетельствует о том, что он подходил к изучению проблемы широко и всесторонне, стремясь раскрывать причинные взаимосвязи в самых разнообразных природных явлениях. У него «...ярко выражен детерминистский взгляд на природу, признается закономерность необходимости связи всех явлений и событий и их причинная обусловленность»¹¹. Причинность аль-Кинди имманентна природе.

Кроме того, «философ арабов» признает объективное существование пространства, движение рассматривает как неотъемлемое свойство материи, приближается к пониманию того, что движущую силу развития составляют противоречия. «Действительно, — писал аль-Кинди, — изменение всего изменяющегося обуславливается его ближайшей противоположностью, то есть той, которая входит вместе с ним в один и тот же род, — так, например, изменение тепла обуславливается холодом»¹².

Несомненный интерес представляют идеи аль-Кинди о процессе познания. Он признает наличие чувственной и рациональной ступеней познания, различает их роль и назначение. На основе чувственного познания достигается познание единичного. Однако оно для человека является недостаточным. Более значительную роль в познании играет разум. Рациональное познание позволяет человеку раскрывать сущность общего, которое недоступно чувственному восприятию. Кроме того, важнейшим назначением разума является достижение полного знания. Аль-Кинди был одним из первых средневековых восточных философов, выдвинувших теорию двух истин, весьма близкую теориям западных философов.

В философском учении аль-Кинди сталкиваются зачатки как материалистического, так и идеалистического и даже мистического мировоззрения. Так, утверждая, что мир сотворен богом, ограничен в пространстве и имеет начало во времени, он вместе с тем допускал возможность вечного существования вселенной. В целом же в учении аль-Кинди содержались идеи, которые оказали значительное влияние на формирование философского материализма и диалектики Фараби, Ибн Сины, Ибн Рошда и других мыслителей средневековья.

Философское наследие аль-Кинди, его воззрения богаты и разнообразны по содержанию, методологическому анализу и интерпретации естественнонаучного и философского знания. Он в определенной мере преодолел узкие рамки средневековой схоластики и мистики, что способствовало дальнейшему развитию естественнонаучного и философского знания, материалистических тенденций в философии не только Востока, но и Запада. Его труды оказали положительное воздействие на формирование передовых воззрений многих западноевропейских философов. Прогрессивные идеи средневекового мыслителя и в наши дни содействуют культурному и социальному прогрессу народов арабских стран.

¹ Курис А. у. а. д. Якуб ибн Исхак и его жизнь. Багдад, 1963. С. 12 (на арабском языке).

² Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего востока IX—XIV вв. М., 1961. С. 59, 60, 40.

³ Философские трактаты аль-Кинди / Под ред. М. А. Абу-Рида. Каир, 1950. Ч. I; 1953. Ч. II (на арабском языке).

⁴ См.: Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока.

⁵ См.: Джаматова Х. Аль-Кинди // Из философского наследия народов Востока. Ташкент, 1972.

⁶ См.: Народы Азии и Африки. 1964. № 1.

⁷ Соколов В. В. Средневековая философия. М., 1979. С. 214.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 283.

⁹ Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока. С. 64, 108.

¹⁰ Там же. С. 119, 117, 65.

¹¹ Джаматова Х. Аль-Кинди. С. 41—42.

¹² Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока. С. 66.

Е. В. ХОМИЧ

КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ И ЕЕ ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ

Динамизм и противоречивость современной эпохи, ускорение научно-технического прогресса актуализировали задачу исследования механизма преемственности, взаимосвязи отдельных этапов социального развития. Не-

отъемлемым условием решения данного вопроса является анализ такого явления, как культурная традиция. Интерес к культурным традициям объясняется необходимостью рассмотрения проблемы соотношения старого и нового, традиционного и инновационного, верное понимание которой позволяет вести борьбу с двумя крайними точками зрения по этому вопросу: нигилизмом и радикализмом, с одной стороны, и консерватизмом и традиционализмом, с другой. Изучение традиций как феномена культуры позволяет также глубже понять механизм социокультурной детерминации таких сфер общественного сознания, как философия, мораль, наука. Наконец, только через уяснение природы культурной традиции, являющейся связующим звеном между прошлым и настоящим, возможно обоснованное прогнозирование будущего как общества в целом, так и отдельных его социальных подсистем.

В последнее время в советской философской литературе культурная традиция рассматривается с точки зрения содержащихся в ней культурных норм, ценностей и стереотипов социального опыта или как способ передачи и воспроизводства аккумулярованного культурного наследия. Актуальной является задача уточнения понятия «культурная традиция» с учетом ее содержательного и формального аспектов для выявления на этой основе существенных свойств и функций традиции в общественной жизни.

Основой существования традиций, обеспечивающих преемственность исторического процесса, является непрерывный характер развития производительных сил, который обуславливает воспроизводство общественных отношений. «Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, приобретенные предыдущим поколением, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, — благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества»¹. Являясь компонентом общественного сознания, традиции в целом отражают социально-экономические связи и отношения, хотя подобная детерминация не осуществляется чисто механически, и, возникнув, традиции начинают функционировать относительно независимо от экономического базиса.

Формирование традиций стало возможным благодаря возникновению такой формы отношений между человеком и окружающей средой, как общественно-практическая деятельность. Создание и потребление средств производства предполагает знание операций и навыков обращения с ними. Фиксация и трансляция этих навыков и моделей поведения, обслуживающих деятельность, осуществляется посредством традиций. Являясь результатом общественной деятельности, они обретают самостоятельное существование, выступая в качестве своеобразного способа объективации общественного сознания. Вместе с тем функционирование традиций осуществляется лишь посредством деятельности конкретных индивидов и вне индивидуального сознания говорить о существовании традиции бессмысленно. Таким образом, традиция — явление идеальное, и посредством ее осуществляется преемственность только в сфере общественного сознания.

Именно по этому признаку проходит основное различие между понятием «культурная традиция» и более общим — «культура». Если под культурой понимать систему специфически человеческих способов деятельности и ее результатов, включающих созданную и создаваемую совокупность материальных и духовных ценностей, то в содержание традиции входят лишь устойчивые идеальные феномены. Материализованная часть культуры выступает в качестве своеобразного «носителя» традиции, ее основания и результата традиционной деятельности, но в понятие традиции не входит.

Содержание традиции включает в себя стереотипизированные образцы поведения и общения, культурные нормы и ценности. Оно несет определенную информацию, которая тесно связана с насущными потребностями людей и которая способна меняться вместе с изменением этих потребностей. Трансляция этих содержательных моментов осуществляется благодаря таким свойствам культурной традиции, как устойчивость, повторяемость. Инвариантность, жесткость, инерционность — это способ существования культурной традиции, формальный аспект ее характеристики.

Рассмотрение традиции в единстве ее формального и содержательного аспектов вплотную подводит к проблеме соотношения традиции с еще одним неотъемлемым компонентом культуры — новациями. Этой проблеме уделяется сейчас достаточно много внимания. Согласно взглядам большинства исследователей (А. Н. Антонов, В. Б. Власова, Э. С. Маркарян, В. Д. Плахов, К. В. Чистов и др.), традиции нельзя отождествлять с чем-

то косным, застывшим, раз и навсегда сформировавшимся и тормозящим прогресс. Действенная традиция, транслируемая от одной стадии развивающейся системы к другой, наполняется всякий раз новым содержанием, обусловленным изменением условий общественной жизнедеятельности. Гегель по этому поводу писал, что «традиция не есть неподвижная статуя: она живая, растет подобно могучему потоку, который тем больше расширяется, чем дальше он отходит от своего истока»². Подлинное новаторство предполагает не абсолютный разрыв с традициями, что оборачивается нигилизмом, а переосмысление существующих традиций применительно к новым условиям жизни.

За счет своей жесткой формальной структуры традиции выполняют прежде всего стабилизирующую функцию в жизни общества, но, благодаря зафиксированному в них более подвижному содержанию, они включают в себя и творческое, критическое начало, что делает возможным возникновение инноваций. На основе существующих традиций возникают и новации, которые только тогда органично вплетаются в культуру, когда они оформляются в виде традиции. Всякая действенная традиция, таким образом, характеризуется двояко: с одной стороны, как формальному механизму передачи и воспроизводства стереотипизированного социально значимого опыта ей свойственна жесткость, инерционность, стабильность, с другой стороны, чтобы транслировать эти схемы жизнедеятельности в новые условия, она должна обладать такими качествами, как пластичность, вариативность.

Мера соотношения этих двух сторон культурной традиции может быть различной в зависимости от конкретно-исторического типа социальной системы и соответствующего ей уровня развития производительных сил. Для общественных систем, базирующихся на простом воспроизводстве, характерным является существование жестких традиций, передающихся без особых изменений от поколения к поколению на протяжении столетий. В современном обществе с его быстрыми темпами развития производительных сил и всеобщим ускорением жизнедеятельности людей доминирует пластичная сторона культурных традиций.

Культура, особенно современная, включает в себя сложную совокупность взаимодополняющих и взаимоотрицающих традиций, что обусловлено существованием различных социальных систем и подсистем. Наследование и воспроизводство той или иной традиции имеет всегда избирательный характер, где в качестве селективных механизмов могут выступать формы организации деятельности, особенности психического склада, мода, воспитание. «Традиция не просто эволюционирует из прошлого, она извлекается оттуда адресатом и в этом смысле может быть рассмотрена и как культивируемая преемственность»³.

Актуализироваться могут традиции как недавнего, так и отдаленного прошлого, например, возвращение к идеалам античности в эпоху Возрождения. Может осуществляться не только временная трансляция исторического опыта от поколения к поколению, но и пространственная, которая находит выражение во взаимовлиянии культур.

Исходя из вышеизложенного, культурную традицию можно определить как форму пространственно-временной связи между социальными системами, заключающуюся в накоплении, хранении, трансляции, воспроизводстве норм, ценностей и стереотипов социальной жизнедеятельности.

Характеристика функций культурной традиции в советской исследовательской литературе чаще всего дается через их перечисление и описание. Более продуктивной представляется нам точка зрения А. И. Зеленкова. В зависимости от формальной и содержательной сторон культурной традиции он выделяет такие ее функции, как селективно-стабилизирующую и нормативно-эвристическую. К ним, на наш взгляд, можно добавить еще один блок, связанный с функциями, которые осуществляются как за счет подвижной, так и за счет жесткой сторон традиции.

Главными функциями традиции, обусловленными как ее формой, так и содержанием, являются хранение, аккумуляция, передача и воспроизводство форм общественно значимого опыта людей. В качестве основной здесь выступает именно функция связи, преемственности культурных достижений. Само слово «традиция» в переводе с латинского означает «передача» и первоначально использовалось как юридический термин для обозначения акта передачи какого-либо имущества по наследству.

От рассмотрения культурной традиции в единстве ее формального и содержательного аспектов можно перейти к выявлению ее функций в об-

щественной жизни, которые, используя предложенный Зеленковым А. И. подход, условно можно классифицировать в зависимости от того, какая именно сторона (формальная или содержательная) обеспечивает ее проявление. Благодаря формальным качествам (устойчивость, жесткость и т. п.) культурная традиция может осуществлять свою стабилизирующую, интегрирующую и дифференцирующую функции.

Стабилизирующая функция состоит в том, что, ориентируясь на жизненно важные свойства среды, фиксируя наиболее удачные модели поведения в той или иной ситуации, культурная традиция транслирует их из прошлого в настоящее, упорядочивая с их помощью деятельность индивидов и снижая уровень энтропийных процессов в обществе. Акцентируя внимание на этой стороне традиции, К. Маркс писал: «Урегулированность и порядок являются именно формой общественного упорочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто произвола... Если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай и традиция»⁴. Поскольку люди в своей жизнедеятельности используют уже созданный материальный и духовный потенциал общества, они неизбежно должны принимать и те формы отношений, которые им диктуются. Опыт прошлого, зафиксированный в традиции, не только организует настоящее, но и обуславливает будущее развитие, предлагая программы деятельности и осуществляя своеобразный диалог поколений.

В тесной связи со стабилизирующей находятся интегрирующая и дифференцирующая функции. Стабилизация отношений посредством культурной традиции происходит как в процессе взаимодействия между обществом и природой, так и внутри самого общества. Традиции закрепляют определенные модели общественных отношений, ориентируя человека в системе социальной иерархии и строя его поведение в соответствии с законами той социальной подсистемы, к которой он принадлежит. Объединение людей в рамках того или иного коллектива составляет содержание интегрирующей функции культурной традиции, которая особенно актуализируется во время острых социальных конфликтов.

Всякая социальная система, будь то нация, класс, учебный коллектив, имеет свои специфические традиции, которые определяют ее как нечто цельное, единое. Как отмечает Ю. Н. Сафронов, «традиции... не только обязывают, но и связывают, и эта их сторона не менее важна, чем первая. В известном смысле становление коллектива и есть становление традиции»⁵. Чем прочнее и глубже традиции социальной системы, тем ярче проявляется ее специфичность. Традиции, таким образом, не только объединяют людей в пределах одной общности, но и отделяют одну социальную систему от другой, т. е. выполняют дифференцирующую функцию.

Роль культурной традиции в общественной жизни «определяется не только ее формальными характеристиками как механизма социальной стабилизации, но и спецификой ее информационного содержания, т. е. теми ценностными установками сознания, которые она воспроизводит»⁶. В соответствии с содержательным аспектом традиции можно выделить такие ее функции, как нормативно-регулятивная и функция социализации.

Традиции в качестве важнейшего компонента своего содержания включают культурные нормы, содержащие определенный императив позитивного или негативного характера, предписывающий или запрещающий какой-либо способ действия. По мнению К. С. Сарингуляна, культурная норма «есть регулятивное выражение культурного стереотипа»⁷. Фактором, обеспечивающим его воспроизводство, как правило, является само существование стереотипа в прошлом, авторитет древних, ссылка на то, что «так делали в старину». При этом традиционная регуляция посредством норм выступает чаще всего как анонимная. Даже если своему происхождению она обязана какому-то конкретному лицу, ее укоренение в общественное сознание происходит только тогда, когда она принимает массовый, универсальный, безликий характер.

Культурные нормы могут выступать как в качестве достаточно жестких регуляторов деятельности индивидов, так и в качестве общих ориентиров поведения по реализации тех или иных целей. В последнем случае культурная норма приобретает аксиологическую окраску, и восприятие той или иной ценности выступает в качестве внутреннего основания выбора субъектом определенного способа поведения. В отличие от жестких, детально регламентирующих поведение норм, подчинение которым может происходить неосознанно, ценности, выступающие в качестве норм-ориентаций,

допускают возникновение инновационных методов реализации поставленных целей и всегда осмысливаются человеком.

И наконец, функция социализации, которая состоит в приобщении индивида к общественной жизнедеятельности через усвоение им существующих форм общения и поведения, транслируемых культурной традицией. Усвоение существующих в обществе традиций, происходящее в процессе обучения и воспитания, формирует индивида как социальное существо и создает предпосылку для осуществления его деятельности и общения.

Таким образом, традиции, диалектически сочетающие в себе достаточно жесткую, инвариантно сохраняющуюся формальную структуру с более подвижным, мобильным содержанием, выполняют функцию осуществления связи, преемственности между отдельными этапами социального развития. Наличие устойчивых моментов в структуре культурной традиции способствует стабилизации общественной жизни, интеграции и дифференциации социальных подсистем. Вместе с тем относительная подвижность информационного содержания традиции создает основу для органичного влечения в культурную жизнь элементов нового развития. Посредством транслируемого традицией ценностно значимого опыта происходит регуляция жизнедеятельности общества и отдельных его индивидов, само формирование которых как личностей возможно лишь в результате усвоения ими существующих в обществе культурных традиций.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 402.

² Гегель. Соч. 1932. Т. 9. С. 10.

³ Барсегян И. А. Традиция и коммуникация // Философские проблемы культуры. Тбилиси, 1980. С. 126.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 356—357.

⁵ Сафронов Ю. Н. Общественное мнение и религиозные традиции. М., 1970. С. 55.

⁶ Зеленков А. И. Научный прогресс и преемственность в познании / Ленинская теория отражения как методология научного познания. Минск, 1985. С. 77.

⁷ Сарингулян К. С. О регулятивных аспектах культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 3. С. 100—101.

В. Ф. МАРТЫНОВ

РОЛЬ ПРИРОДЫ В РАЗВИТИИ ДУХОВНОГО МИРА ЛИЧНОСТИ

Логика развития практики и науки, задачи, поставленные XXVII съездом партии по формированию гармонично развитой личности, выдвигают проблему эстетической ценности природы, ее возрастающей роли в духовной жизни общества на одно из ведущих мест. Все возрастающая значимость природы как мощного фактора духовного обогащения личности обусловлена расширяющейся практикой коммунистического строительства, ибо чем выше социальная организация общества, тем большее значение приобретают разнообразнейшие факторы, способствующие всестороннему развитию людей. «Повышать степень зрелости общества, строить коммунизм — это значит неуклонно повышать зрелость сознания, обогащать духовный мир человека»¹.

Общение с природой, освоение ее неисчерпаемых ценностей — одно из неотъемлемых условий воспитания гармонично развитой личности. «Человек живет природой, — писал К. Маркс. — Это значит, что природа есть его тело... Что физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана с природой, означает не что иное, как то, что природа неразрывно связана с самой собой, ибо человек есть часть природы». Человеческое отношение к природе — существеннейший аспект культуры. Развивая эту важную мысль, К. Маркс подчеркивал: по тому, «насколько стала для человека природой человеческая сущность, или насколько природа стала человеческой сущностью человека... можно... судить о ступени общей культуры человека»².

Понимание природы как феномена духовной жизни общества определяется социально-экономическими условиями. Самим фактом своего существования, предстояния перед человеком природа не может научить видеть и осмысливать себя согласно закону собственной жизни, в ней нет «никакой магической силы, непосредственно влияющей на разум, чувства и во-

лю. Природа становится могучим источником воспитания лишь тогда, когда человек познает ее, проникает мыслью в причинно-следственные связи»³. Другими словами, природа приобретает ценностное значение, только рассмотренная в свете целей и задач общественного человека, только тогда оказывается понятой ее функциональная характеристика. Сам человек должен быть поставлен в такое отношение к действительности, когда он и хочет и может освоить эстетические ценности природы. Рассматривая роль природы в развитии духовного мира личности, мы условно выделяем семь ее основных взаимосвязанных и взаимообуславливающих друг друга функций. Предварительно подчеркнем, что суть ценностного отношения к природе в социалистическом обществе — формирование гармонично развитой личности в процессе природопреобразовательной деятельности.

Прежде всего, природу необходимо рассматривать как основу развития эстетических эмоций, чувств, которые являются важнейшим инструментом воспитания, познания, выступают как результат оценочного отношения к объективному миру в процессе практической деятельности, и, значит, что весьма существенно, имеют универсальный характер, т. е. являются органической составной частью производственных, политических, моральных, правовых и других общественных отношений, не теряя при этом своего самостоятельного значения. Объективная предпосылка позитивного отношения к миру заключена в самой структуре природы — в ее гармоничном движении, динамике развития, ритме, симметрии, целостности, в утверждении бытия. Красоту природных явлений в конечном счете определяет то, насколько они в определенных условиях выражают силу жизни природы, богатство ее возможностей. Эстетические эмоции, чувства, которые являются первичным элементом эстетического сознания, формируются под непосредственным воздействием, казалось бы, таких повседневных явлений, как ландшафт местности, симметричные узоры на крыльях бабочки, строгие пропорции цветка, грациозные движения животного, созвучное пенье птиц и их свободное, легкое парение над землей, т. е. всего того, что доступно непосредственному восприятию человека. Говоря словами Маркса, «материя улыбается своим поэтически-чувственным блеском всему человеку»⁴. Первый воспитатель красоты — природа, хотя и не думает о достоинствах своих произведений, как подчеркивал Н. Г. Чернышевский, но все же создает красоту более высокую, яркую, чем человек, и, значит, составляет необходимую предпосылку творчества по законам красоты. Осваивая природу в процессе труда, а также путем непосредственного эстетического восприятия, человек обнаруживает в ней внутреннюю меру предмета, соответствие формы содержанию, постигает гармонию мира. Так как человек, указывал Маркс, «родится без зеркала в руках и не фихтеанским философом: «Я емь я», то он сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку»⁵. Но правомерно также сказать, что человек смотрится как в зеркало и в окружающую природу, познавая, преобразуя ее, он познает и преобразовывает самого себя. Образно говоря, в лице природы мы приобретаем еще одно зеркало. Открывая для себя красоту внешнего мира, человек начинает выстраивать красоту своего собственного внутреннего мира.

Природа составляет и первоначальный, общезначимый источник прекрасного в искусстве. Очень точно об этом сказал Гегель. Для него человек, художественно творящий, «...представляет собой целый мир содержания, которое он похитил у природы...»⁶ Искусство обладает способностью своими специфическими средствами глубоко проникать в красоту природы. Для большинства художников природа не просто фон, а скорее фонд творчества.

Повышение общекультурного уровня населения, наличие свободного времени, возрастающая тяга к расширению эстетических потребностей широких масс расширяют сферу эстетико-творческого преобразования природы как разновидности искусства. Научной литературой в системе природотворчества выделяются такие жанры, как архитектура производственного ландшафта, архитектура рекреационного ландшафта, парковое искусство, декоративное садоводство, дендродекорация, аранжирование цветочных растений. Природа детерминирует определенный ход художественной мысли, а природотворчество как перспективный вид искусства создает богатую почву для эмоционального переживания. Особенно возрастает значение природотворчества в век урбанизации и технизации образа жизни, обособления миллионов людей от мира природы.

Природа является важным фактором воспитания высоконравственного человека. Интерес к красоте природы неразрывно связан с добротой. «...Питать непосредственный интерес к красоте природы (а не только обладать вкусом, чтобы судить о ней) всегда есть признак доброй души и если этот интерес становится привычным, он свидетельствует, по крайней мере, о расположении души, благоприятном для морального чувства, если этот интерес охотно сочетается с созерцанием природы»⁷. Обращая свой взгляд в будущее, Кант призывал сохранить многообразие, красоту и богатство окружающего мира. В этом он видел залог благополучия существования человечества.

Современная экологическая ситуация стимулировала оживление этических представлений, согласно которым мораль имеет своим содержанием не только отношение человека к человеку, а отношение человека ко всему живому. Гуманное отношение к животному и растительному миру является составной частью реального опыта, способствующего формированию гуманности как формы межчеловеческого общения. Жестокость, проявленная сегодня по отношению к животным, завтра может проявиться по отношению к людям. «Человек, который понимает природу, — благороднее, чище, — писал Л. Леонов. — Он не сделает дурного поступка, он прошел душевный университет»⁸.

Эстетическое чувство природы, нравственное отношение к ней органически сливается с патриотическим чувством. Природа помогает выработать в человеке любовь к родным местам. Пережитая радость открытия пейзажа малой родины, его неповторимости соединяет человека со своей Родиной и способна накрепко объединять людей. Человек эмоционально глухой к природе, уничтожающий ради сиюминутной выгоды окружающую природную среду, не может быть настоящим патриотом своей Родины.

Эстетическое отношение человека к природе тесно взаимосвязано с познавательно-практической функцией. Основоположники марксизма обращали внимание на тот факт, что природа предстает как предмет труда, чувственного восприятия и научного познания, как объект, из которого человек «черпает все свои знания, ощущения и пр.»⁹ Красота природы дает многообразный материал для развития абстрактного мышления, «обостряет восприятие, пробуждает творческую мысль»¹⁰, приводит в движение интеллектуальные способности. Природа как великий конструктор создает совершеннейшие по форме и целесообразности произведения. В последние годы быстрыми темпами развивается бионика, изучающая возможности использования особенностей строения и жизнедеятельности организмов для создания новых приборов, механизмов, систем. Единство результатов эстетико-философских размышлений и естественнонаучных исследований способствует более строгой аргументации диалектико-материалистической концепции объективности красоты природы и ее ценности.

Природа выступает и как важный фактор формирования научного экологического сознания. Уже в 80-х годах прошлого века Ф. Энгельс пришел к выводу: благодаря успехам естествознания человечеству открылись отдаленные последствия его вмешательства в жизнь природы, а это, в свою очередь, с необходимостью должно привести к тому, что люди «...снова будут не только чувствовать, но и сознавать свое единство с природой»¹¹. Предвидение Энгельса сбылось: в конце XX века человечество все более убеждается в своей зависимости от природы и необходимости сохранения единства с ней. Глобальные и космологические исследования способствуют экологизации миропонимания. Природа — связанное целое. Воздействуя на отдельные ее звенья, человек так или иначе приводит в движение всю цепь явлений. Чем грандиознее действия человека, чем могущественнее подвластные ему силы природы, тем большую ответственность несет он перед нынешними и будущими поколениями людей.

Тщательного изучения заслуживает катарсическое воздействие природы на человека. Природный мир выполняет роль своеобразного камертона, занимая важное место в саморегуляции психических функций человека. Многочисленные наблюдения подтверждают, что общение человека с природой не есть просто сенсорный контакт субъекта с объектом. Здесь можно говорить о таком воздействии, при котором происходят определенные изменения в сфере сознания, настроения, чувств личности. При этом проявляется ее гуманистическая направленность, связанная со снятием психической напряженности, «очищением» от отрицательных эмоций, оптимизации миропереживаний.

Значение научного понимания роли природы в развитии духовного ми-

ра личности возрастает сегодня и в связи с обострением полемики с буржуазной эстетикой, которая исключает природу из системы ценностей, заменяя ее объективное существование демиургическим актом, творческим порывом в области искусства, тщится доказать неизбежность атрофии эстетического чувства под влиянием «экспансии техники», проповедует экологический пессимизм. Типичным примером таких воззрений может служить позиция буржуазных философов К. Кодуэлла, Н. Гартмана, М. Рейдера, составителя «Современной книги по эстетике» В. Матьё, возрождающего ошибки Э. Маха. Экзистенциализм, не исключая природу из шкалы ценностей, отделяет ее от человека, противопоставляет личности. Природа противостоит человеку как враждебная сила, индифферентная к его духовному Я в произведениях Альбера Камю, или как нечто косное, застывшее — в философском труде Ж. П. Сартра «Бытие и ничто». В концепциях отчуждения человека от природы наиболее отчетливо проявляется декаданс современной буржуазной философии. Как говорил В. И. Ленин, «природа то и несет крах идеализму»¹². Следовательно, природа, в определенной степени, опосредованно оказывает воздействие на формирование политической идеологии, мировоззрения. Рассуждая о сущности человека, Маркс также подчеркивал, что ни одно животное, а тем более разумное существо, не появляется на свет в цепях. Это значит, продолжает Маркс, что свобода есть «родовая сущность всего духовного бытия», в силу чего «человечески хорошим может быть лишь то, что является осуществлением свободы»¹³.

Социализм кардинально изменяет значение различных факторов духовного развития личности, природы — в том числе. Возрастание роли природы как фактора формирования гармонично развитой личности глубоко детерминировано гуманной сущностью социалистического строя. Но это вовсе не означает, что большие возможности, заложенные в социализме, реализуются автоматически, о чем свидетельствует «экстремизм» целого ряда преобразователей природы. Разрушение природных объектов ведет не только к экономическим потерям, но и к большим издержкам в духовном мире личности. Вот почему крайне важно привести в активное движение субъективный человеческий фактор, чтобы полнее использовать огромные резервы социалистического общества. И здесь неоценимую помощь может оказать активное использование всех функций природы для формирования гармонично развитой личности. Отношение к природе должно стать одним из основных критериев оценки личности, ее нравственности, патриотизма, эстетической культуры, гуманизма. Искомый результат формирования коммунистического отношения к природе следует видеть в выработке у всех членов социалистического общества устойчивой внутренней потребности духовно овладеть ее ценностями, оберегать и приумножать их.

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 91.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 42. С. 92, 115.

³ Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. Минск, 1982. С. 129.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 143.

⁵ Там же. Т. 23. С. 62.

⁶ Гегель. Соч. Т. 12. С. 166—167.

⁷ Кант И. Собр. соч. М., 1965. Т. 5. С. 313.

⁸ Правда. 1977. 1 июля.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 145.

¹⁰ Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. С. 45.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 496.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 82.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 59.

Навуковы камунізм

Н. Н. БЕЛЯКОВИЧ

РОСТ КУЛЬТУРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО УРОВНЯ РАБОЧЕГО КЛАССА И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Коренные изменения в характере и содержании труда, происходящие под воздействием современной научно-технической революции, предъявляют новые требования к общеобразовательным и профессионально-квалификационным качествам рабочих, культуре их труда, ответственности и дисциплине. Всесторонняя образованность и высокий профессионализм работника производства становятся определяющим фактором развития производительных сил общества, социального прогресса в целом. В этих условиях органическое соединение труда с образованием, как это и предвидел Маркс, все более зримо начинает выступать не только как одно из средств увеличения общественного богатства, но и как эффективное орудие подготовки всесторонне развитых людей ¹.

За годы социалистического строительства в СССР произошли значительные изменения в общеобразовательной, квалификационной и профессиональной структуре рабочего класса, составляющих основу роста его культурно-технического уровня. Для того чтобы представить масштабы и динамизм прогрессивных сдвигов в уровне образования рабочих, обратимся к статистическим данным. Так, если в 1939 году на тысячу занятых в народном хозяйстве рабочих высшее и среднее (полное и неполное) образование имели 87 человек, в 1959—401, в 1979—760, то в 1987 году уже 861 человек ². Только с 1959 по 1986 год в стране количество рабочих, имеющих высшее и среднее (полное и неполное) образование, возросло более чем в два раза. За этот же период заметно сблизились по уровню образования служащие, рабочий класс и колхозное крестьянство (1,6 : 1 : 0,9 в 1986 году против 2,3 : 1 : 0,6 в 1959), городское и сельское население (соответственно 1,1 : 1 против 1,8 : 1), работники умственного и физического труда (1,2 : 1 против 2,9 : 1) ².

Особенно заметен рост общеобразовательного уровня молодых рабочих. Это убедительно подтверждают сравнительные данные социологических исследований, проведенных на ряде крупнейших промышленных предприятий Белорусской республики в 1976 и 1985 годах. За этот период удельный вес рабочих с незаконченным средним образованием снизился с 11,1 до 2,1 %. На 6,8 % возросла доля рабочих с общим средним образованием, на 7,9 % — с высшим и на 0,8 % — с незаконченным высшим образованием. Несколько понизился (на 5,4 %) удельный вес рабочих со средним специальным образованием. Такая тенденция прослеживается и по отраслям промышленности ³. Ныне среди рабочей молодежи республики нет лиц, имеющих начальное образование.

Важная роль в повышении культурно-технического уровня и творческого потенциала рабочего класса принадлежит системе профессионально-технического образования. Достаточно сказать, что каждый второй рабочий страны, приходящий ныне на производство, готовится в профессионально-технических учебных заведениях; почти 5 млн. рабочих имеют дипломы об окончании высших и средних специальных учебных заведений. В ряде отраслей промышленности высшее образование имеют до 10—15 % рабочих ⁴. В БССР особенно высокими были темпы роста квалифицированных рабочих в одиннадцатой пятилетке. Так, за 1980—1985 годы ПТУ дали

народному хозяйству республики 519,3 тыс. квалифицированных рабочих, что более чем в 3 раза превысило этот показатель за предыдущую пятилетку ⁵.

В эти годы быстрый количественный рост системы профтехобразования сопровождается и определенными качественными преобразованиями, изменениями содержания процесса обучения. К настоящему времени практически завершен переход на подготовку молодой рабочей смены со средним образованием. Соединение профессиональной и общеобразовательной подготовки в процессе обучения значительно расширяет научно-технический, профессиональный и общеобразовательный кругозор будущего работника и гражданина социалистического общества. Учащиеся в этих условиях приобретают не только необходимые общенаучные знания, политическую подготовку и трудовые навыки для эффективной производственной деятельности. Они получают широкие возможности для идейно-нравственного, эстетического и физического развития, усвоения тех социально значимых норм, которые позволяют каждому активно участвовать в общественно-политической и духовной жизни коллектива. Рациональное сочетание учебной и трудовой деятельности — наиболее эффективный путь формирования таких личностных качеств рабочей смены, как трудолюбие, коллективизм, взаимопомощь, высокая ответственность, организованность и дисциплина.

Решению задачи непрерывного повышения культурно-технического уровня рабочего класса, совершенствованию его профессиональных навыков и знаний подчинена существующая ныне система подготовки и переподготовки рабочих кадров на производстве. Она направлена на обучение рабочих новым профессиям, обогащение их знаний, развитие трудовых навыков, распространение передовых методов и приемов труда. Эта форма обучения обеспечивает тесную связь теоретических знаний с производственной практикой, позволяет осуществлять подготовку квалифицированных рабочих оперативно, целенаправленно и последовательно, с учетом внедрения в производство новейших достижений научно-технической революции.

В настоящее время в Белоруссии сложилась разветвленная система повышения квалификации рабочих на производстве. Это — производственно-технические курсы, обучение вторым и смежным профессиям, курсы целевого назначения, школы передового опыта, курсы повышения квалификации, школы мастеров, общественные институты технического прогресса и экономических знаний и др. Активно используется индивидуальное, бригадное, курсовое и другие формы производственного обучения рабочих. Так, в 1975 году таким образом было обучено новым профессиям и специальностям 258,6 тыс. рабочих, повысили свою квалификацию 601,6 тыс., в 1980 году соответственно 268,7 и 851,9 тыс., в 1985 году — 243,8 и 1128,1 тыс. человек ⁶.

Повышение общеобразовательного и профессионально-квалификационного уровня рабочего класса, всех трудящихся, как свидетельствует общесоциологическая тенденция общественного развития, — один из важнейших факторов роста экономики, производительности общественного труда и улучшения качества выпускаемой продукции, совершенствования на этой основе социально-классовой структуры общества, преодоления существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Специалисты утверждают, что за счет повышения образования и роста квалификации работников производства создается значительная доля прироста национального дохода.

Многочисленными исследованиями подтверждено также, что показатели выполнения производственных заданий и качества выпускаемой продукции у рабочих, имеющих среднее и среднеспециальное образование, выше, чем у рабочих с неполным средним образованием. Такие рабочие эффективнее применяют достижения научно-технического прогресса, быстрее осваивают новые профессии, активнее приобщаются к научно-исследовательской работе, участвуют в различных творческих объединениях по разработке и внедрению в производство высокопроизводительной техники, новых технологических процессов.

Однако в последние десятилетия в нашем обществе возникла парадоксальная ситуация: образованность, социальный и производственный потенциал рабочего класса, как и всех трудящихся, постоянно росли, а основные показатели их трудовой деятельности либо оставались прежними, либо ухудшались. Так, если в 1961—1970 годах производительность общественного труда в СССР в среднем за год увеличивалась на 6,4 %, то в

1971—1975—на 4,5, в 1976—1980—на 3,3 и в 1981—1985 годах—на 3,7 %⁷.

Эту противоречивую, непоследовательную взаимосвязь творческого потенциала рабочих и результатов их трудовой активности обнаруживают и данные социологических исследований. Так, с 1976 по 1985 год удельный вес молодых рабочих среди выполняющих производственные задания и нормы выработки возрос с 45,7 до 55,4 %, в том числе с хорошим качеством—с 47 до 52,4 %. Одновременно снизилась с 14,6 до 9,1 % доля продукции, выпускаемой с оценкой «высокое качество» (личное клеймо, продукция сдается с первого предъявления). Несколько повысился показатель удовлетворительного качества труда (с 27,8 до 28,4 %), практически на том же уровне остался брак (10,6 и 10,1 %). Особенно четко эта тенденция проявилась в промышленности строительных материалов, где снизился удельный вес продукции, выпускаемой с оценкой «хорошее качество»⁸.

Такое положение в значительной мере объясняется тем, что в условиях экстенсивного развития системы образования усилился разрыв между качеством обучения и профессиональной подготовки подрастающего поколения и потребностями социального и научно-технического прогресса. Оно усугублялось еще и тем, что нередко высокообразованные специалисты использовали на рабочих местах, должностях, не требующих высокой квалификации и знаний.

Не стимулировала максимальное проявление культурно-технического потенциала рабочих также устаревшая система нормирования и оплаты труда. Несоответствие оплаты труда его конечным результатам не позволило добиться серьезного опережения темпов прироста производительности труда по отношению к средней заработной плате.

Проводившееся в последние годы повышение тарифных ставок и окладов по ряду причин, в том числе и объективных, в большей степени затрагивало интересы малооплачиваемых, неквалифицированных работников. В связи с этим сократились различия в оплате труда низкоквалифицированных и высококвалифицированных рабочих. Утратили стимулирующую роль и такие элементы оплаты труда, как премия, надбавки, доплаты. Во многих случаях они превратились в автоматическую прибавку к тарифу. Все это способствовало снижению творческого и трудового потенциала рабочего класса.

В дальнейшем повышении культурно-технического уровня рабочего класса, эффективности его использования Коммунистическая партия видит одну из важнейших предпосылок усиления его ведущей роли в ускорении социально-экономического развития страны. Переход к экономике наивысшей организации и эффективности связан с формированием нового типа работника, обладающего высоким профессионализмом, социальной и психологической готовностью работать в условиях научно-индустриального производства. Автоматизация и механизация производственных процессов приводит к тому, что все большее количество рабочих профессий требует специального среднего и даже высшего образования. Уже сегодня требуются специалисты по эксплуатации микроэлектронного оборудования, по программному обеспечению, автоматической обработке данных. По мнению западных специалистов, к концу XX века большую часть трудовых коллективов будут составлять инженеры-программисты и техники⁹.

Все это требует ускоренного развития общего, среднего специального и высшего образования. В ближайшее время предстоит дать молодежи вместе с полным средним образованием определенную профессиональную подготовку, создать ей условия для повышения квалификации, а также своевременного обучения новым профессиям. Особое внимание следует уделять опережающему кадровому обеспечению приоритетных отраслей народного хозяйства, вновь создаваемых производств, подготовке специалистов и рабочих по производству и эксплуатации новой техники. Создание социального механизма, который обеспечивал бы профессиональную подготовку в соответствии с требованиями новой технологии, становится сегодня обязательной предпосылкой успешного развития социалистической экономики.

Важной предпосылкой повышения эффективности социальной деятельности рабочего класса является создание условий для наиболее полного и всестороннего проявления его интеллектуального и трудового потенциала. Успешному решению этой проблемы поможет как обогащение содержания труда, так и применение эффективной системы стимулирования его производительности и качества. В комплексе этих мер наиболее действенным

средством активизации творческих возможностей рабочих является установление четкой зависимости между мерой их труда и мерой материального, социального и морального вознаграждения.

Претворение в жизнь этих задач самым тесным образом связано с утверждением в сознании каждого работника производства понимания роли и перспектив непрерывного образования. Особое внимание надо обращать на то, чтобы выработать у каждого советского человека потребность в постоянном самообразовании, привить ему умение быстро находить необходимую научно-техническую и социальную информацию, оперативно ее обрабатывать и использовать. Без этого невозможно повысить качество культурно-технического и трудового потенциала рабочего класса как ведущей силы социально-экономического ускорения советского общества.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 495.

² См.: Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987. С. 526, 524 — рассчитано автором.

³ Текущий архив по работе с молодежью БРС НТО (1985).

⁴ Коммунист. 1987. № 16. С. 21.

⁵ Народное хозяйство Белорусской ССР в 1986 г. Минск, 1987. С. 207.

⁶ Там же. С. 166.

⁷ См.: Аргументы и факты. 1987. № 17. С. 8.

⁸ См.: Текущий архив по работе с молодежью БРС НТО.

⁹ См.: Литературная газета. 1985. 10 июля.

М. И. ШЛЫК

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЗАИМООТНОШЕНИИ КАТОЛИЦИЗМА И ОБЩЕСТВА В ПОЛЬШЕ

Католицизм является церковной формой христианства, отличающейся от других христианских вероисповедований своей организацией, догматами, нравственностью и ритуалами. Зачатки католических социальных доктрин содержатся уже в концепциях философов и мыслителей раннего средневековья, в частности Фомы Аквинского (XIII век). По его мнению, вера является обязанностью человека, а разум прокладывает ей путь. Идеи Фомы Аквинского развили теологи последующих столетий, создавая систему католической апологетики для обоснования доказательства существования бога, бессмертия души человека, организации церкви, а также примата и безошибочности римского епископата по сравнению с другими.

Много места в католической догматике занимает вопрос о первородном грехе и его последствиях. Догматическая теология тесно связана с моральной. Содержанием католической моральности является идеал божьей славы, который в действительности выражается в заботе о славе учреждений церкви. Кто верит церкви, тот должен быть убежден, что верит богу. Исполнение наказов церкви означает исполнение божьей воли¹.

Первое систематизированное изложение официальных взглядов католической церкви на проблемы общественной жизни содержалось в энциклике папы Льва XIII «*Revum novatum*» (1891). Папские энциклики являются директивными документами, которые играют важную роль в теоретической и практической деятельности католической церкви. Энциклика Льва XIII была первым документом католической церкви, четко выразившей отрицательное отношение к революционному рабочему движению, в особенности к «Манифесту Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса» (1848), в котором основоположники научного коммунизма призывали пролетариев всех стран к беспощадной борьбе против капитализма и установлению социально справедливого строя. «Социалисты, — говорит папа, — настраивают бедных против богатых, провозглашают борьбу классов, постоянную войну между трудом и капиталом»². Эта программа, по мнению папы, безбожна, так как ставит своей целью ликвидацию частной собственности, освященной церковью.

Подавление рабочего движения одобрял также папа Пий XI в период общего кризиса капитализма. Это нашло отражение в его энциклике «*Quadragesimo anno*» (1931). В ней утверждалось что «социализм не может быть совместим с догматами католической церкви» и что «нельзя быть одновременно хорошим католиком и хорошим социалистом»³. В этой энциклике содержится предостережение католикам против какого-либо сотрудничества с лицами, признающими социалистические идеи.

Еще более острой была пасхальная энциклика папы Пия XII в 1942 году, содержащая резкие выпады против марксизма. Активная антикоммунистическая деятельность Пия XII вызывала протест даже у некоторых епископов и представителей низшего клира. Его профашистская политика в период второй мировой войны и игнорирование требований рабочего класса вызвали недовольство в католическом мире.

Достоиную отповедь воинствующим клерикалам всегда давали польские философы-марксисты. В. Спасовский, Т. Бой-Желенский, Т. Котарбинский и другие прогрессивные мыслители считали, что разоблачение реакционной роли церкви и религиозной идеологии способствует утверждению идей научного коммунизма в Польше⁴.

Видный польский марксист и теоретик компартии Юлиан Брун отмечал, что католицизм в Польше имеет особенно сильные устои и обладает значительным общественным влиянием в отличие, например, от Франции, где, по его мнению, католицизм со времени эпохи Просвещения и революции 1789 года хотя и выступал оппозиционно по отношению к светскому миру, но обладал здесь довольно узкой общественной базой⁵. Ю. Брун с научных позиций выступал против церковных привилегий, требуя их отмены, настаивая на отделении церкви от государства и отстранении ксендзов, попов и раввинов от политики. О необходимости такого подхода в свое время говорил Ф. Энгельс. «С такой религией, как христианство, — писал он, — нельзя покончить только с помощью насмешек и нападок. Она должна быть также преодолена научно, то есть объяснена исторически...»⁶

Вскрывая классовые корни религии, Ю. Брун решительно критиковал политику и идеологию церкви, всякого рода мистификации ее служителей. Он доказывал, что религиозность поляков — явление историческое. Известный тезис, будто поляк от роду католик, такая же сказка, как и легенда о воскресении Христа. Люди, пропагандирующие этот тезис, — утверждал Ю. Брун, — зовут Польшу назад, к шляхетским временам⁷.

Образование мировой системы социализма вызвало глубокий кризис в католической церкви. Изменения в ее политике нашли свое отражение в отношении папы Иоанна XXIII к рабочему классу и социалистическому миру. Созыв II ватиканского собора, провозгласившего новый подход к общественно-экономическим проблемам, особенно в области международной политики, и готовность к пересмотру канонического права послужили началом большой реформы католической церкви. В реализации этой реформы определенную роль сыграли возникшие во многих странах центры так называемого «открытого католицизма», выражающие требования верующих масс учитывать общественные изменения и искать пути к сотрудничеству с социалистическим лагерем, а также с людьми других вероисповеданий.

«Открытый» католицизм признает необходимость отказа от традиционных стремлений католической церкви к осуществлению политической власти и нацелен на сосуществование с социализмом. Дело реформы католической церкви, начатое Иоанном XXIII, было продолжено папой Павлом VI. Однако современный католицизм не является монолитным. В нем сосуществуют различные традиции и направления, нередко отличающиеся друг от друга не только общественно-политической направленностью и организационной структурой, но и отношением к требованиям морального и догматического характера. Католицизм — явление необычайно сложное, формирующееся в течение длительного времени под влиянием самых различных элементов и факторов жизни. Весьма заметны в нем отдельные течения примитивной, легальной, мистической религиозности. Сложность католицизма выражается и в том, что он не является чисто религиозным, но одновременно выступает как общественное и политическое течение.

Характерной чертой католицизма является и постоянное столкновение требований церковного права с религиозностью верующих. Католическая церковь стремится подчинить себе все проявления религиозной жизни, навязывает верующим свои догматы, принципы и правила, но, с другой стороны, как подчеркивает польский исследователь Юзеф Келлер, эти же догматы и правила она формирует в зависимости от убеждений верующих⁸. Это столкновение создает своеобразную доктринальную и практическую обстановку, в которой сосуществуют различные противоположности и противоречия.

Конфликты учреждений католической церкви с современной культурой наглядно проявились в ее отношении к науке и философии, к модернизму

в искусстве. Однако самые острые противоречия польского католицизма проявляются в его отношении к общественно-экономическим проблемам страны.

В современной польской печати справедливо отмечается, что католическая церковь относится к очень трудным партнерам государства. Подтверждением этому может служить наличие острых конфликтов между руководителями польского государства и католической церкви⁹.

В 1949 году Ватикан огласил декрет, угрожавший католикам эсхатумом за сотрудничество с коммунистами. Несмотря на это, уже в 1950 году в Польше было подписано соглашение о сотрудничестве между правительством и епископатом.

Одной из объективных реальностей Польши конца 60—начала 70-х годов, благоприятствовавших, как полагали стратеги «ползучей» контрреволюции, демонтажу социализма в этой стране, является исключительно сильное даже по мировым стандартам влияние католической церкви, которая регулировала свои отношения с народным государством на принципах, скорее схожих с нейтралитетом, нежели сотрудничеством. Однако надежды лидеров контрреволюции на присоединение костела к борьбе против социалистического строя в Польше не оправдались. К прекращению беспорядков и анархии в 1980 году призывал соотечественников кардинал Стефан Вышинский. Примас Польши кардинал Юзеф Глемп недавно заявил, что сосуществование костела с государством, руководимым партией с материалистической идеологией, является возможным¹⁰. Между тем в период кризисной обстановки 1980—1981 года многие рядовые ксендзы не только не призывали верующих к спокойствию, но призывали молиться за интернированных, арестованных, студентов, исключенных из учебных заведений за беспорядки. Не было случая, чтобы хоть один ксендз во время богослужения в костеле обратился к молодежи и призывал ее идти спокойно домой, не разбивать окон, не поджигать машин. Не нашлось в проповедях ксендзов ни слова признательности в адрес работников милиции и армии, стоявших на страже порядка и безопасности страны.

Включение же клира в забастовки, проведение богослужений на улицах и предприятиях (например, в городе Олыштыне на полиграфическом предприятии), соучастие в издании различных пасквилей на власти обостряло обстановку в стране. Кстати, в то время, когда в высших и средних учебных заведениях страны были прекращены занятия в связи с забастовками студентов и преподавателей, в Люблинском католическом университете, где обучается 3500 студентов—будущих ксендзов и служителей церкви, занятия ни на один день не прекращались.

Польский клир стремится не только «духовно» влиять на идейно шаткую часть населения страны. Он обеспечивает семьям бывших интернированных бесплатный отдых, практикует выдачу «тихих» зарубежных посылок. Распространяя свое влияние на формирование мировоззрения молодежи, представители католической церкви внедряют религиозное воспитание даже в дошкольном возрасте. В этих условиях задача светской науки, основанной на марксистско-ленинской методологии, дать научное и аргументированное обоснование миропонимания с точки зрения научного атеизма. Светского образования детей требуют даже сами верующие. Так, один из многочисленных авторов писем к Мечиславу Раковскому после его встречи с коллективом Гданьской судовой верфи имени В. И. Ленина в 1983 году писал: «Сам я не верующий, но первой философией, первой наукой, которую мне преподавали, была религия. Не понимаю, почему десятилетний ученик не может быть ознакомлен с учением и философией К. Маркса, когда уже в возрасте 5 лет он оказывается способным учиться религии»¹¹.

Быть гражданином Польской Народной Республики—значит знать и любить историю Родины, радоваться и содействовать ее успехам. Когда же 22-го июля 1984 года в день Возрождения Народной Польши все средства массовой информации страны торжественно оповестили соотечественников об этом празднике, то единственным печатным органом, обошедшим молчанием этот исторический юбилей польского народа, был орган католической церкви «Тыгодник повшехны». Вполне понятно в этой связи критическое замечание польского публициста из «Трибуны люду» Яна Бродского: «О данном событии ни слова, зато в этот же день, в номере этого католического еженедельника на видном месте опубликован материал о предстоящем через год конкурсе в честь 40-летия деятельности католического костела на западных землях, отошедших к Польской Народной Рес-

публике после победы советского и польского народа в Великой Отечественной войне»¹².

Средства буржуазной пропаганды стремятся осложнить отношение между польским народным государством и католическим костелом. Так, буржуазные радиостанции пытаются доказать польским гражданам, что государственные органы не принимают мер к пресечению ограблений костелов преступными элементами. В действительности же следственные органы Польской Народной Республики только в 1985 году раскрыли более двадцати преступлений такого рода в различных районах Польши (особенно в Келецком, Гданьском и др. воеводствах). Общая сумма стоимости похищенных из костелов ценных предметов составляет более пятидесяти миллионов злотых. Преступники привлечены к ответственности, а ценности возвращены в костелы. Об этом информировало польское телевидение, в передачах которого участвовали и некоторые ксендзы, подтвердившие возврат этих ценностей.

Развитие науки, техники и общественных отношений ведет к постепенному отмиранию религии. Выработанным веками церковным методам завоевания душ и привития молодежи религиозного фанатизма необходимо противопоставить эффективное научное объяснение законов развития природы и общества. Все условия для этого в социалистической Польше есть. Поэтому достойно удивления заявление папы Иоана Павла II, который, обращаясь к польской молодежи, 18 июня 1983 года заявил: «... хочу вам наконец сказать, что знаю о вашем терпении, о вашей трудной молодости, об унижениях, о так чувствительном отсутствии перспектив — может даже об искушениях бегства в какой-то иной мир»¹³. Это заявление в превратном свете рисует положение польской молодежи, которая имеет все возможности для своего интеллектуального и духовного развития, для формирования материалистического понимания мира и познания его закономерностей. Польский исследователь З. Кавецки отмечает, что сегодня «социалистические преобразования общественного строя создают объективную основу для гуманизации человеческих взаимоотношений, изменения личности и ее мировоззрения... Уменьшается влияние религии и церкви в таких сферах, как этика, эстетика, просвещение, а также в идейно-политической сфере»¹⁴.

Однако уровень религиозности польского общества все еще довольно высок. Исследования, проведенные в декабре 1985 года Центром изучения общественного мнения, показывают, что глубоковерующих в Польше 27,7 %, верующих — 59,9, нерешительных или колеблющихся — 7,8, а неверующих — 7,2 %. Регулярно выполняют религиозные мероприятия 41,4 %; нерегулярно — 34,3; соблюдают только такие церковные обряды, как крещение, венчание, похороны 14 %. Среди интеллигенции почти 3 % таких, кто хотя и не верит в бога, но костел посещает¹⁵. Состояние польской религиозности и происходящие в ней изменения, по мнению публициста Рышарда Сьерковского, должны быть предметом заинтересованного внимания не только верующих, но и политиков, общественных деятелей, публицистов и ученых.

¹ См.: *Zarys dziejów religii*. Warszawa, 1976. S. 845.

² Ibid. S. 844.

³ *Osmanczyk E.* *Encyklopedia spraw międzynarodowych*. Warszawa, 1974. S. 394.

⁴ См.: Клевченя А. С. *Мировоззрение Владислава Спасовского*. Минск, 1969. С. 138.

⁵ См.: *Brun Julian.* *Pisma wybrane*. Warszawa, 1956. T. 2. Cz. 2. S. 150.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* Т. 18. С. 578.

⁷ *Brun Julian.* *Pisma wybrane*. S. 150.

⁸ См.: *Zarys dziejów religii*. Warszawa, 1976. S. 846.

⁹ См.: *Gazeta robotnicza*. 1984. 17 lipca. S. 1.

¹⁰ Ibid. S. 5.

¹¹ *St cznia Gdanska. Sierpień '83: Listy do wicepremiera M. F. Rakowskiego*. Warszawa, 1983. S. 206.

¹² *Trubuna ludu*. 1984. 26 lipca. S. 2.

¹³ *Człowiek i światopogląd*. 1985. N 10. S. 124.

¹⁴ *Kawecki Zenon, Tyloch Witold.* *Wybrane problemy religioznawstwa*. Warszawa, 1987. S. 126.

¹⁵ См.: *Nowe drogi*. 1989. № 1. S. 180.

Н. В. ЧЕРЧЕНКО

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА И АКТИВИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА

В стратегии ускорения социально-экономического развития советского общества важное место занимает задача достижения нового качества экономического роста, что предполагает, в частности, всемерную активизацию человеческого фактора, его воспроизводственной роли как мощного стимула развития и совершенствования производства.

Особенность сегодняшнего дня — приспособление производства к человеку. В последние годы в планах комплексного экономического и социального развития нашли отражение мероприятия по улучшению условий жизни, которые могут обеспечить соответствующее функционирование человеческого фактора. Это связано с тем, что изложенная в материалах XXVII съезда КПСС концепция социальных перспектив НТР исходит из возрастающей роли человека во всех сферах социальной деятельности и ориентируется на активное вовлечение человеческого фактора в научно-технический прогресс.

Компьютеризация, автоматизация и роботизация производства создают условия для превращения человека из придатка машины в самостоятельный фактор экономической деятельности, резко повышают требования к его профессиональной квалификации и компетентности. Как никогда ранее четко прослеживается прямая зависимость конечного результата труда от таких чисто человеческих проявлений, как настроенность на работу, желание «выложиться» до конца, удовлетворенность моральной обстановкой, в которой трудится человек. Человеческий труд, «развитая производительная сила всех индивидов», и особенно его интеллектуальный, нравственный и социальный компоненты, все более становится определяющим фактором созидательной деятельности общества, его «действительным богатством»¹.

В энциклопедических словарях фактор определяется как причина, движущая сила чего-либо. Следовательно, понятие «человеческий фактор» отражает активную движущую роль труженика, который при социализме выступает как главная производительная сила, сохозяин производства и равноправный член общества.

Рациональное использование человеческого фактора предполагает достижение экономических целей на основе осознанного, инициативного, добросовестного, творческого отношения индивида к общественному труду, повышения результативности его трудовой деятельности. На эффективность проявления человеческого фактора влияют условия его производственной и внепроизводственной деятельности, характер и содержание потребностей, обусловленные образовательно-культурным уровнем трудящегося, и степень их удовлетворения, убеждения и практические действия.

Именно поэтому на XXVII съезде КПСС была отмечена необходимость по-новому взглянуть на дальнейшее развитие социальной сферы, охватывающей проблемы труда и быта, здоровья и досуга, в полном объеме оценить ее возрастающее значение. Ведь «именно в этой сфере реализуются результаты экономической деятельности, затрагивающие жизненные интересы трудящихся, воплощаются высшие цели социализма. Именно здесь

наиболее широко и наглядно выявляется гуманистическая природа социалистического строя, его качественное отличие от капитализма»².

От уровня функционирования таких составных частей социальной сферы, как система платных и бесплатных услуг, зависят условия жизнедеятельности советских людей, удовлетворение их потребностей, а следовательно, и активизация человеческого фактора.

Платные услуги призваны стабилизировать платежеспособный спрос населения, с одной стороны, и предлагать дополнительные жизненные средства — с другой. В этой связи выполнение задач, предусмотренных Комплексной программой развития производства товаров народного потребления и сферы услуг, позволит снять напряженность в балансе товарных ресурсов и услуг и денежной массы, которая стала своего рода тормозом в развитии народного хозяйства, ибо в определенной мере «блокирует» человеческий фактор, снижает у людей интерес к высокопроизводительному труду, противоречит социалистическому принципу распределения по труду³.

Предоставление, к примеру, платных бытовых услуг увеличивает свободное время трудящихся, освобождает их от малопроизводительного домашнего труда и тем самым содействует созданию условий для восстановления способности к труду, всестороннего развития личности.

Июньский (1987) Пленум ЦК КПСС призвал покончить с отставанием в коммунально-бытовом обслуживании, неудовлетворительным положением дел на пассажирском транспорте, в учреждениях связи, туризма, физкультуры и спорта, преодолеть имеющиеся различия в обеспеченности услугами городского и сельского населения.

В резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки» подчеркивается, что линия партии на социальную переориентацию экономики является стержнем всей структурной и инвестиционной политики, исходной основой формирования темпов и пропорций воспроизводства. Такой подход должен определять и концепцию тринадцатой пятилетки⁴.

Стремление сельских жителей, и особенно молодежи, к высокому уровню бытовой комфортности обуславливается быстрым ростом доходов, рационализацией структуры потребления городских и сельских тружеников, а также ростом уровня их образования и квалификации. Для ускорения социального развития села правительство страны предусматривает сосредоточить основные усилия на неуклонном улучшении условий жизни и труда сельских жителей. В 1991 — 1995 годах на жилищное строительство, развитие коммунального хозяйства, народного образования, культуры и здравоохранения на селе выделяется 121 млрд. рублей⁵.

Проблему сближения уровней платного обслуживания в различных сельских районах, с одной стороны, и в целом между городом и селом, с другой, нельзя рассматривать упрощенно, сводя ее лишь к достижению одинаковых показателей. Практическая значимость решения данной задачи заключается в сближении уровней удовлетворения спроса на конкретные бытовые услуги, обеспечении доступности основных видов платных услуг для различных социальных групп населения с учетом разницы в уровне доходов, а также территориальной разобщенности, в привлечении к оказанию платных услуг для населения предприятий и организаций, а также в расширении сферы функционирования кооперативов и масштабов индивидуальной трудовой деятельности. Платное обслуживание населения при социализме дополняется бесплатным.

В соответствии с решениями XXVII съезда КПСС особое внимание уделяется улучшению жилищных условий и медицинского обслуживания, развитию народного образования и повышению культурного уровня населения.

Среди основных направлений решения жилищной проблемы в современных условиях выделяются рост масштабов жилищного строительства и реконструкция жилого фонда, всемерное поощрение строительства индивидуального и кооперативного жилья, молодежных комплексов. При распределении жилья, а также при определении стоимости его оплаты необходимо руководствоваться принципами социальной справедливости. При обосновании величины квартплаты следует учитывать месторасположение, уровень благоустройства того или иного района, оснащенность квартиры подсобными помещениями, балконами и лоджиями, размер кухни и санузла, этаж и ряд других факторов.

«Партия будет строго следовать принципу социальной справедливости, настойчиво добиваться устранения всего, что мешает неуклонному прове-

дению его в жизнь», — провозгласил XXVII съезд КПСС⁶. Значение категории «социальная справедливость» как ориентира социальной политики состоит в том, что она характеризует объективно обусловленную уровнем развития общества меру равенства и неравенства в жизненном положении различных социальных групп населения. Вместе с тем нужно учитывать, что «между отдельными странами, областями и даже местностями всегда будет существовать известное неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести до минимума, но никогда не удастся устранить полностью»⁷. При социализме положение человека в обществе, уровень его материального благосостояния, а значит, комфортность жилищных и бытовых условий должен определять труд и только труд. А поскольку в текущем пятилетии расширяется финансирование строительства жилья за счет предприятий и объединений, то, следовательно, это создает реальную возможность для трудовых коллективов, добившихся значительных успехов в экономической области, существенно повысить обеспеченность своих работников жильем, что укрепляет принцип социальной справедливости и содействует активизации человеческого фактора.

Важной гарантией реализации принципа социальной справедливости и активизации человеческого фактора в социалистическом обществе выступают общественные фонды потребления, на долю которых приходится примерно треть потребляемых материальных благ и услуг. В этой связи предусматривается расширение помощи многодетным семьям, улучшение пенсионного обеспечения, дальнейшее развитие и совершенствование социально-культурного обслуживания населения.

В двенадцатой пятилетке предусмотрено значительное опережение развития платных услуг по сравнению с ростом производства и продажи потребительских товаров. За пятилетие платные услуги возрастут в 1,5 раза, что будет содействовать формированию прогрессивной структуры потребления. Форсированное развитие системы платных услуг сегодня является неременным условием подъема народного благосостояния на качественно новый уровень. А в целом комплекс мероприятий по повышению благосостояния советских людей, улучшению их условий труда, жизни и быта еще больше упрочит социалистический образ жизни, в котором материальное благополучие органически сочетается с развитием духовной культуры, всемерным ростом творческой активности трудящихся.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 217.

² Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 44.

³ См.: Важная задача социальной политики: Совещание в Центральном Комитете КПСС // Экономическая газета. 1987. № 11. С. 2.

⁴ См.: Резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС // Коммунист. 1988. № 10. С. 64.

⁵ См.: О программе социального развития села. Постановление Совета Министров СССР от 5 апреля 1989 г. // Правда. 1989. 13 апр.

⁶ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 105.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 104.

КЛАУС ДИТЦ

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ПРЯМЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ПРЕДПРИЯТИЯМИ ГДР И СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Судьбы мира и социального прогресса на планете сегодня неразрывно связаны с политическим и экономическим развитием стран социалистического содружества. «Притягательная сила социализма в большой мере определяется тем, как удастся выйти на самые передовые рубежи научно-технической революции и держаться на них, — утверждает Э. Хонеккер, — в сотрудничестве с Советским Союзом, другими социалистическими странами мы добились в этом немало прогресса, напряженно работаем над его закреплением»¹.

СССР является главным внешнеторговым партнером ГДР, которая в свою очередь занимает первое место среди стран, торгующих с Советским Союзом. В 1987 году удельный вес ГДР в советской внешней торговле достиг 11,4 % (это больше, чем доли Японии, США, Италии и Франции вместе взятых). Надежным механизмом сотрудничества двух стран является координация годовых планов, включающих как научные работы, так и

производство, и взаимный товарообмен. Все большее развитие получают прямые связи между комбинатами, объединениями и предприятиями. Ныне заключено уже свыше 120 соглашений, на основе которых осуществляется почти половина плановых экспортных поставок ГДР в СССР.

Установление прямых связей между комбинатами, объединениями и предприятиями стран СЭВ, как и создание совместных предприятий, означает начало нового этапа в процессе социалистической экономической интеграции. Развитие прямых связей между основными звеньями является конкретным выражением приспособления социалистических производственных отношений к новым требованиям развития производительных сил.

Прямые связи представляют собой определенный способ интернационализации производительных сил. Они показывают, что процесс обобществления производства осуществляется как в рамках народного хозяйства — путем образования единых народнохозяйственных комплексов, концентрации производства в рамках предприятий, так и в международном масштабе — путем развития разделения труда и кооперации.

Развитие прямых связей между предприятиями стран-членов СЭВ осуществляется на основе «Комплексной программы научно-технического сотрудничества до 2000 года». В связи с этим в последние годы во всех странах-членах СЭВ изданы законодательные положения, которые определили обязанности, права и возможности предприятий по установлению и развитию прямых связей.

Основополагающим принципом организации международной экономической деятельности является соблюдение внешнеторговой и валютной монополии социалистического государства. В соответствии с этим на высших уровнях управления принимаются решения по стратегическим вопросам сотрудничества: определению народно-хозяйственных приоритетов в развитии внешнеэкономических связей, выбору важнейших направлений экономической интеграции, балансированию экспортно-импортных поставок и другие. Прямые хозяйственные связи предприятий и организаций осуществляются в пределах предоставленных им полномочий под контролем государства.

При всей общности основных принципов организации внешнеэкономической деятельности (тенденции расширения самостоятельности предприятий и организаций, усиление воздействия хозрасчета, самофинансирования и самоокупаемости, укрепление централизованного начала в управлении экономикой путем сосредоточения в высшем звене решения стратегических вопросов, осуществление контроля, разработка экономических нормативов и условий реализации прямых связей) страны-члены СЭВ различаются конкретными организационно-правовыми и экономическими условиями установления и реализации прямых хозяйственных связей.

Объединения, предприятия и организации СССР, осуществляя прямые связи с предприятиями и организациями других стран-членов СЭВ, вправе самостоятельно решать все вопросы кооперации и обмена передовым опытом, в том числе:

производить взаимные поставки кооперированной продукции, образцов изделий, приборов, оснастки, инструмента, материалов, отдельных машин и оборудования и обмениваться необходимыми услугами в связи с осуществлением кооперации и развитием производства (в том числе для предприятий-смежников в СССР); сдавать и получать в аренду приборы, машины и оборудование; размещать разовые заказы на изготовление и поставку продукции с передачей для этих целей соответствующих материальных ресурсов и технической документации, а также принимать такие заказы;

проводить совместно (путем кооперации или по заказам организаций других стран-членов СЭВ) научно-исследовательские, проектно-конструкторские и экспериментальные работы, формировать для этих целей объединенные коллективы ученых и специалистов, обмениваться научно-технической документацией, не содержащей открытий, изобретений и «ноу-хау», оказывать взаимопомощь в обучении кадров;

создавать вместе с сотрудничающими предприятиями и организациями других стран-членов СЭВ межзаводские координационные советы, советы директоров, главных конструкторов, технологов;

согласовывать цены на кооперативную продукцию и услуги, исходя из цен на конечную продукцию (если иное не предусмотрено международным договором СССР);

заключать от своего имени с сотрудничающими предприятиями и орга-

низациями других стран-членов СЭВ хозяйственные договоры и контракты.

При необходимости могут заключаться годовые контракты на согласованную сумму, без указания конкретной номенклатуры взаимопоставляемой продукции и цен на нее, с осуществлением окончательных расчетов в конце года. Условиями годовых контрактов должны быть предусмотрены сроки и порядок урегулирования взаимных расчетов.

В соответствии с принципами самофинансирования и самокупаемости объединений, предприятий и организаций СССР объемы импорта товаров и услуг определяются наличием у хозяйственных организаций валютных средств. Объединения, предприятия и организации СССР, осуществляющие прямые хозяйственные связи, должны иметь возможность получать во Внешторгбанке СССР кредит в переводных рублях и национальных валютах социалистических стран.

В случае невыполнения объединениями, предприятиями и организациями СССР своих договорных обязательств они платят неустойку из имеющихся у них валютных средств.

В ГДР внешнеторговые организации в основном объединены в комбинаты. Комбинатам, предприятиям и учреждениям с согласия вышестоящего государственного органа разрешается по своему выбору устанавливать прямые производственные и научно-технические связи с хозяйственными организациями других стран-членов СЭВ. При этом договоры на поставку продукции и выполнение работ, оказание взаимных услуг могут заключать предприятия (в пределах их компетенции). Договоры на переработку давальческого сырья могут заключать организации, подчиненные отраслевому министерству, совместно с соответствующей внешнеторговой организацией. Договоры о специализации и кооперировании производства хозяйственные организации заключают совместно с внешнеторговыми организациями без специального разрешения вышестоящих органов. Договоры на выполнение научных исследований и разработок, на передачу их результатов самостоятельно заключают предприятия, комбинаты, которым внешнеторговая организация передала соответствующие права. Другие хозяйственные организации и учреждения заключают такие договоры совместно с внешнеторговой организацией.

Хозяйственные организации ГДР участвуют в подготовке межправительственных и межведомственных соглашений по научно-техническому и экономическому сотрудничеству. Они готовят предложения по установлению прямых хозяйственных связей с зарубежными партнерами. После одобрения их предложений государственными органами и подписания договоров принятые обязательства включаются в планы, за выполнением которых осуществляется строгий контроль.

Расширение и углубление прямых связей направлено на осуществление «Комплексной программы научно-технического прогресса стран-членов СЭВ до 2000 года» и долгосрочной «Программы развития сотрудничества между ГДР и СССР в области науки, техники и производства до 2000 года».

Содержание прямых связей включает следующие направления: совместные НИОКР; установление устойчивых связей по специализации и кооперации производства; сотрудничество и разделение труда в осуществлении мероприятий по интенсификации и рационализации производства; обмен опытом в экономии сырья, материалов, энергии и живого труда; обмен прогрессивными методами управления и организации производства.

Сотрудничество в области НИОКР предусматривает: кооперацию при разработке и освоении базисных технологий и комплексных технических систем; согласование научно-технических концепций и параметров новых изделий и технологий; обмен нематериальными услугами (особенно программным обеспечением ЭВМ) и их эффективное использование; стандартизацию.

Сотрудничество при модернизации, рационализации и реконструкции материально-технической базы содействует установлению многообразных прямых связей, охватывающих все фазы воспроизводственного процесса; научно-технические задачи; согласования и консультации; проектные работы; обмен специализированными рационализаторскими средствами; услуги по обслуживанию и ремонту; взаимная подготовка кадров и др. Большую роль здесь играет не только обмен достижениями и опытом, но и обмен лицензиями.

В будущем, с дальнейшим развитием прямых связей, несомненно, по-

явятся другие направления и возможности сотрудничества и взаимопомощи.

Виды предприятий, которым сегодня предоставлено право устанавливать прямые связи с предприятиями в странах СЭВ, достаточно разнообразны. Так, в Советском Союзе это — научно-производственные и производственные объединения, в ГДР — комбинаты, в Болгарии — хозяйственные организации, научно-производственные объединения и инженерно-внедренческие организации. Хотя юридические полномочия и правила для осуществления прямых хозяйственных связей предприятий определяются законодательством отдельных стран, однако все эти правила ориентированы на успешное осуществление «Комплексной программы научно-технического прогресса стран-членов СЭВ до 2000 года».

Прямые экономические связи позволяют развивать существующие и создавать новые совместные предприятия стран СЭВ в будущем. Так, СССР и ГДР уже образовали четыре совместных предприятия в химической и электронной промышленности.

Дальнейшее развитие прямых связей и особенно создание совместных предприятий требует оперативной разработки возникающих при этом теоретических и практических проблем. Это касается прежде всего конкретизации и согласования методов планирования как на народно-хозяйственном уровне, так и на уровне предприятий, а также совершенствования соответствующих юридических норм, как и правильного использования товарно-денежных отношений в целях повышения действенности экономических стимулов. Речь идет об исследовании требований закона стоимости в рамках международных экономических отношений и обоснований таких его экономических форм, как цена, себестоимость, кредит, процент, совместная валюта. Следует обдумать и проблемы повышения действенности переводного рубля или создания свободно конвертируемых валют в рамках СЭВ.

Исключительную роль в развитии прямых экономических связей играет человеческий фактор — хорошо подготовленные и политически ответственные кадры. Для повышения действенности этого фактора необходимо совершенствовать высшее образование. На наш взгляд, высшее образование сегодня не отвечает требованиям экономической интеграции. Необходимо разработать долгосрочные концепции по согласованию целенаправленной подготовки кадров для совместной экономической деятельности. Прямые связи между предприятиями будут развиваться успешно, если кадры, их обслуживающие, знают не только соответствующий язык, но и особенности исторического развития, традиции, условия развития и экономическую структуру страны-партнера.

Практика показывает, что прямые связи повышают требования к планированию. Рациональное планирование позволит направлять экономическое и научно-техническое сотрудничество на быстрое освоение ключевых технологий и тем самым достигать наивысших экономических результатов. Хотя план представляет собой общественный норматив для реализации прямых экономических связей, однако он должен допускать оперативные изменения в экспорте и импорте с учетом изменившейся обстановки. Четкое определение содержания сотрудничества и формулировка проблем, прав и обязанностей позволяет осуществлять действенный контроль всех сторон этого взаимодействия. В СССР, как и в ГДР, имеются все предпосылки для того, чтобы предприятия и объединения могли решать все разнообразные задачи, возникающие в процессе социалистической экономической интеграции.

¹ Хоннекер Э. Подвиг во имя будущего // Правда, 1988. 7 мая.

М'ХАМЕД БЕРРАФА

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОССЕКТОРОМ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ (на примере Алжира)

Классики марксизма-ленинизма рассматривали управление как «необходимый момент всякого способа производства»¹, как отношения, которые складываются в процессе обмена деятельностью и реализации способностей

трудящихся в общественном труде. Они неоднократно подчеркивали, что проблема управления — проблема классовая, политэкономическая, где главное состоит в том, кто и в чьих интересах управляет. К. Маркс отмечал, что «управление обусловливается формой труда как общественного труда, комбинацией и кооперацией многих для достижения общего результата»². Соответственно содержание управления, его цели и принципы непосредственно зависят от социально-экономической сущности общества, от господствующих в нем экономических отношений.

Управление экономикой включает в себя две неразрывно связанные между собой стороны. Первая сторона — организационно-техническая — вытекает из характера всякого труда и производства. Она представляет собой управление технологической и технической сторонами производства, характеризует связи между участниками производства, определяемые уровнем развития техники и технологии, степенью обобществления труда, материально-технического снабжения, расстановкой и использованием работников. Эту сторону управления изучают отраслевые науки.

Вторая сторона управления — социально-экономическая. Она охватывает производственные отношения, экономическую и классовую сущность производства — экономические рычаги, формы и методы управления, материальные и моральные стимулы, оперативно-хозяйственную самостоятельность, инициативу и ответственность коллективов и работников.

Социально-экономическая сторона управления является определяющей по отношению к организационно-технической. Она оказывает существенное влияние на обеспечение эффективности общественного производства, его социальную направленность и является предметом внимания политической экономии.

В алжирском обществе управление экономикой понимается не только как создание материально-технической базы социализма, но и как важное средство управления социальными процессами. Целевую установку управления социально-экономическими процессами в Алжире можно определить следующим образом: используя достижения НТР, ускорить развитие производительных сил и подготовить необходимые экономические, политические и социальные условия для обеспечения динамичного, планомерного и пропорционального развития всего народного хозяйства в интересах неуклонного роста благосостояния трудящихся.

Задача научиться управлять хозяйственной деятельностью была выдвинута на первый план перед трудящимися Алжира сразу же после завоевания политической власти. Важнейшее значение имело усиление государственного вмешательства в экономику, расширение его воздействия на все секторы экономики страны. Взяв под контроль добычу и переработку нефти и газа, государство ускоренными темпами приступило к проведению индустриализации. «За 1980—1984 годы, несмотря на негативные воздействия экономического кризиса на западе и падение цен на нефть, среднегодовые темпы роста промышленности Алжира составили 9,5 %, значительно поднялся жизненный уровень трудящихся, а в 1985 году национальное производство возросло на 7 %»³.

На нынешнем этапе развития алжирского общества возникают новые задачи, которые требуют новых методов решения и соответствующих изменений в организации структуры управления народным хозяйством страны. Так, например, расширение экономических связей между предприятиями, проблемы сбыта готовой продукции, закупки сырья и материалов, приобретение новейшего оборудования (особенно импортного) настоятельно требуют усиления роли центральных органов управления, совершенствования их структуры и методов руководства низовыми звеньями экономики. Существенное значение сегодня приобретают не только масштабы развития госсектора, но и необходимость повышения его эффективности, действенности управления хозяйственной деятельностью, активного участия трудящихся в этих процессах.

Повышение эффективности управления хозяйственной деятельностью в значительной мере зависит от функционирования центральных органов, направляющих развитие общественного производства, координирующих деятельность государственных (национализированных) и кооперативных предприятий, обеспечивающих помощь в реализации готовой продукции. Существенное значение имеет также структура управления в самом госсекторе и его взаимосвязь с другими секторами.

Создание и использование госсектора можно рассматривать как общую закономерность, присущую всем странам, борющимся за достижение под-

линой национальной независимости. Однако наличие этой общей закономерности не исключает специфических форм ее проявления в отдельных странах в зависимости от исторических особенностей их развития.

Одна из важнейших особенностей экономических преобразований в Алжире заключается в том, что они осуществляются при отсутствии не только революционно сознательных, политически организованных сельских пролетариев, но и промышленных рабочих, прошедших хорошую школу политической борьбы. В этих условиях необходимо обязательно учитывать следующий совет В. И. Ленина: где нет революционно сознательных сельских пролетариев или где нет возможности «поручить дело сознательным и компетентным промышленным рабочим, там попытки скороспелого перехода к государственному ведению крупных хозяйств могут лишь скомпрометировать пролетарскую власть, там обязательна сугубая осторожность и солиднейшая подготовка при создании «советских хозяйств»⁴.

Функционирование государственных промышленных и сельскохозяйственных предприятий Алжира осуществляется на основе самоуправления. Самоуправляемые предприятия представляют собой общественные средства производства, переданные в управление рабочим, деятельность которых контролируют государственные органы власти.

Производственные сельскохозяйственные кооперативы в республике создавались также как самоуправляющиеся хозяйства. Эти два вида самоуправляющихся хозяйств представляют собой государственно-кооперативную форму организации производства. Самоуправлением в Алжире охвачена одна тысяча промышленных и торговых предприятий, 2300 сельскохозяйственных предприятий, которым принадлежит 2,7 млн. га лучших земель страны⁵.

Социалистическое предприятие, согласно Алжирской хартии, имеет два руководящих органа: ассамблею трудящихся и совет администрации. Ассамблея состоит из 7—25 членов (в зависимости от численности коллектива предприятия или любой другой производственной единицы). Ассамблея работает под руководством генерального директора и имеет право контролировать деятельность руководства предприятия и ход выполнения плана. Совет администрации предприятия, возглавляемый управляющим, состоит из его заместителей и одного-двух представителей ассамблеи трудящихся. Фактически это главный орган, от которого зависит принятие важнейших решений, касающихся деятельности предприятия. Вместе с тем генеральный директор предприятия обязан уважать права ассамблеи и отчитываться перед советом администрации. Совет администрации может отстранить генерального директора от должности, если с его решением согласятся государственные органы.

Такой подход к обсуждению и принятию хозяйственных проблем и управленческих задач предполагает довольно высокий уровень зрелости производственных отношений, организованности и дисциплины, как индивидуальной, так и коллективной, а также развитое экономическое мышление, зрелые идеологические взгляды и моральные установки, которыми руководствуются трудящиеся. В Алжире этот подход только формируется, находится в стадии становления. Еще не все трудящиеся (члены кооперативов) понимают, что владение средствами производства, наличие самоуправления освобождает от эксплуатации, но не от необходимости эффективно и достаточно напряженно трудиться.

В течение 1980—1983 годов руководство Алжира осуществило структурную реорганизацию общественного сектора (государственный, самоуправляемый и кооперативный) в целях повышения экономической эффективности деятельности кооперативных хозяйств. Реорганизация началась с самоуправляемых хозяйств, на базе которых были созданы небольшие хозрасчетные сельскохозяйственные предприятия. Значительно упростился механизм их управления и усилилась автономия. Каждое предприятие возглавляет теперь управляющий (агроном или инженер), избираемый из числа занятых в нем кадров с высшим образованием. В 1981 году правительством были приняты меры по децентрализации руководства самоуправляющимися хозяйствами. Вместо имевшихся двух типов — крупных самоуправляющихся хозяйств (около 2000) и сельскохозяйственных кооперативов (6600) — создано 3415 небольших по размерам угодий социалистических сельскохозяйственных ферм⁶. Благодаря реорганизации общественного сектора и улучшению деятельности управленческого аппарата доля рентабельных хозяйств возросла до 42 %, в ближайшее же время предполагается довести ее до 80 %. Алжир получил возможность экспортиро-

вать в страны общего рынка сотни тонн цитрусовых, картофеля и помидоров⁷.

Усиление хозрасчетных начал в деятельности государственных и кооперативных предприятий и неизбежное при этом усиление центробежных устремлений выдвигают перед государством новые, более сложные задачи по обеспечению сбалансированного, планомерного развития всего народного хозяйства.

В настоящее время Алжир стоит перед необходимостью дальнейшего совершенствования управления экономикой страны и прежде всего разработки планового баланса народного хозяйства, охватывающего важнейшие межотраслевые потоки продукции. Налаживание статистического учета, углубленной методической и аналитической работы, накопление опыта и знаний, формирование квалифицированных кадров-плановиков — вот далеко не полный перечень того, что является необходимой предпосылкой повышения эффективности управления экономикой страны.

В условиях Алжира система самоуправления и функционирования кооперативов представляет собой форму становления новых общественных отношений, заключающую в себе элементы социалистических производственных отношений. Необходимость дальнейшего совершенствования управления госсектором предполагает, на наш взгляд, оперативное осуществление следующих мероприятий:

Расширить сеть специальных учебных заведений по подготовке национальных высококвалифицированных специалистов для работы во всех звеньях общественного сектора и госаппарата. Особое внимание нужно обратить на комплектование этих учебных заведений выходцами из рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции.

Совершенствовать систему контроля как со стороны правящей партии, центральных органов государственной власти, так и снизу, со стороны трудящихся масс за деятельностью обобществленного, смешанного и особенно частного секторов экономики. Продолжать дальнейшую демократизацию внутреннего управления предприятиями.

Всерьез укреплять общественный (государственный, самоуправляемый, кооперативный) сектор экономики как материальную основу успешного политического руководства страной, управления социально-экономическими процессами. Концентрировать в руках государства все важнейшие рычаги управления: инфраструктуру, энергетические и природные ресурсы, банки, внешнюю торговлю.

Совершенствовать формы и методы управления предприятиями общественного сектора, добиваясь неуклонного повышения его социально-экономической эффективности в интересах государства и трудящихся.

Перейти в основном на экономические методы управления предприятиями госсектора, которые позволят полнее учитывать интересы государства, коллективов предприятий и его отдельных работников.

Совершенствование системы управления госсектором должно способствовать сокращению затрат на управленческие функции, максимализации результатов производственной деятельности предприятий и содействовать превращению общественного, прежде всего государственного, сектора в ведущий сектор экономики, который станет важнейшей материальной предпосылкой социалистического развития страны.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 356.

² Там же. Ч. I. С. 425.

³ См.: *Revolution Africaine*. 1971. № 397.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 178.

⁵ См.: Аргентов В. А. Алжир на новом пути. М., 1982. С. 24.

⁶ См.: МЭ и МО. 1987. № 7. С. 53.

⁷ См.: *Международная жизнь*. 1986. № 4. С. 136.

В. В. БЕСМАН

ТОРГОВЛЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

Проблема торговли (и обмена в целом) при социализме не получила пока должного освещения в экономической литературе. Одна из причин слабой разработанности этих проблем — длительное нигилистическое отноше-

ние советской экономической мысли к товарно-денежным отношениям при социализме. Часто отрицалось существование самих отношений обмена, они не выделялись из общей системы производственных отношений.

Товарные отношения в процессе общественного воспроизводства вторичны. Первичным же, определяющим характер всей системы, является основное экономическое отношение, т. е. отношение по поводу цели развития общества. Поэтому роль торговли и особенности ее функционирования определяются не сферой действия товарных отношений или используемыми формами собственности, а исключительно основным экономическим законом развития системы общественного воспроизводства, социальным смыслом происходящих процессов, который выражается в реальном положении человека в обществе — является ли он высшей целью общества или только источником производства прибавочной стоимости. Нацеленность на наиболее полное удовлетворение всей совокупности личных и общественных потребностей определяет содержание и характер всей системы взаимного обмена деятельностью между людьми при социализме, в том числе и торговли.

Сущность торговли в широком смысле как экономической категории заключается в конкретной системе отношений определенной сферы общественного воспроизводства, в рамках которой осуществляется опосредованное перемещение общественного продукта из сферы производства в сферу потребления в товарно-денежной форме. Другими словами, торговля представляет собой осуществляемый с помощью посредника между производителем и потребителем процесс товарного обращения. Под последним понимается совокупность актов обмена товаров, опосредуемого деньгами. Торговлю можно рассматривать и в узком смысле — как конкретную форму проявления товарного обращения, выделившуюся в относительно обособленную совокупность ассоциированных посредников и функционирующую как отдельная отрасль народного хозяйства, опосредующая связь между производством и потреблением.

Следовательно, торговлю необходимо исследовать не только как отрасль или конкретную форму организационно-хозяйственного осуществления всего товарного обращения, и тем более не только как одну из конкретных, организационно обособившихся форм (отраслей) товарного обращения (а такой взгляд до недавнего времени преобладал), но и как сам процесс или форму экономических отношений, а потому и как экономическую категорию.

Сущность товарного обращения и торговли аналогична, но торговля является более сложной и конкретной категорией, наделенной дополнительными функциями. Особенность торговли по отношению к товарному обращению состоит в том, что она представляет собой конкретную сферу отношений посредничества (в системе отношений обращения) и товарных связей. Последние для товарного обращения являются сопутствующей деятельностью, а для торговли целевой. Связь производитель — потребитель конкретизируется в торговле связью производитель — посредник — потребитель, при этом изменяется последовательность процессов: одноактный процесс, при котором происходит одновременно купля-продажа товаров, распадается в торговле на два самостоятельных акта купли и продажи: вместо акта продажа-купля появляются купля у производителя и продажа потребителю.

Таким образом, торговля представляет собой определенную форму находящихся в тесной связи отношений посредничества и обращения. Иначе говоря, торговля является более конкретной формой отношений товарного обращения, но ограниченного отношениями посредничества, когда процесс товарного обращения осуществляется дискретно во времени и пространстве. Это означает, что и сам производитель может выступить в качестве субъекта торговли.

Поскольку сущность торговли и товарного обращения аналогична, постольку аналогичны и функции, им присущие. Однако, как уже указывалось, торговля обладает и дополнительными функциями. Это связано, главным образом, с наличием в торговле отношений посредничества, а также с определенным субординационным положением торговли в системе категорий обмена.

Наиболее острая полемика в экономической литературе ведется по поводу того, какую функцию торговли считать главной в условиях социализма: реализацию стоимости или доведение товаров до потребителей.

Конечно, смена форм и реализация стоимости является необходимым

условием социалистического присвоения результатов производства, фактором непрерывности процесса расширенного воспроизводства и осуществления экономических связей в товарном воспроизводстве. Однако смена форм стоимости при этом не выступает в качестве единственной и ведущей стороны приоритетной функции торговли. Более того, если потребительная стоимость не находит своего общественного признания, то она не может быть реализована и как стоимость. Смена форм и реализация стоимости при социализме не определяет социальной направленности торговли, так как социалистическое производство осуществляется в сущности своей не ради меновой стоимости, а в соответствии с объективно действующей системой экономических законов и прежде всего основным экономическим законом. Цель социалистического воспроизводства требует особенного внимания к общественной потребительной стоимости, затраты труда работников торговли направлены на то, чтобы товары стали действительными предметами потребления. Но при этом действие основного экономического закона не отрицает значимости реализации меновых (эквивалентных) отношений.

Торговые услуги представляют собой специфические потребительные стоимости, выступающие «не в качестве вещи, а в качестве деятельности»¹, в данном случае в виде торговой деятельности. Потребительные стоимости товаров характеризуются со стороны их количества и качества. Поскольку торговая услуга обладает потребительной стоимостью, то на нее также распространяются указанные определения. Как отмечают экономисты, результаты труда работников торговли по реализации товаров неотделимы от торговых услуг². Поэтому результаты труда работников торговли предлагается оценивать не только объемом реализованных товаров, но и количеством и качеством предоставляемых ими услуг. Экономисты считают, что основным результатом затрат труда работников торговли являются услуги по обеспечению процесса реализации товаров. Такие услуги как бы срastaются с товаром, дополняют потребительную стоимость. Причем речь идет о чистых торговых услугах, связанных только с операциями купли-продажи. Дополнительные услуги, связанные с продолжением процесса производства в сфере обращения и бесспорно увеличивающие стоимость и дополняющие потребительную стоимость, должны быть в основном отнесены к сфере непосредственного производства.

Таким образом, наряду со сменой форм и реализацией стоимости, приоритетной стороной главной функции торговли при социализме выступает и движение потребительных стоимостей, причем и сами торговые услуги представляют собой специфические потребительные стоимости (и стоимости, разумеется) и их доведение также входит в главную функцию торговли.

В то же время, как содержание явления, так и его главная функция отражает цель функционирования и развития последнего. Цель функционирования и развития торговли определяется, как отмечалось, основным экономическим законом формации и выражается в конечном результате торговой деятельности: при социализме — в максимально возможном удовлетворении платежеспособного спроса по объему, ассортименту и качеству предлагаемых товаров и торговых услуг. Так что главной функцией торговли при социализме выступает удовлетворение платежеспособного спроса населения посредством обеспечения его соответствующими потребительными стоимостями.

Торговля — особое и необходимое звено в цепи воспроизводственного процесса, через которое производственный продукт поступает в потребление. В этом ей объективно надлежит выполнение одной из важнейших функций в достижении конечных результатов социалистического воспроизводства. Выполняя эту функцию, торговля обеспечивает непрерывность воспроизводства. От того, насколько успешно торговля реализует товары, вмещает стоимость продуктов для общества, в большой мере зависит процесс накопления, что в свою очередь оказывает влияние на темпы воспроизводства. Сокращение времени обращения, которое является необходимым элементом общего времени процесса воспроизводства, способствует повышению темпов последнего. Иначе говоря, ускорение реализации товаров выступает важным фактором повышения эффективности общественно-го воспроизводства. В этом заключается одно из проявлений связи торговли с законом экономии времени.

В процессе реализации товаров происходит выявление их соответствия спросу, степени полезности труда, затраченного на их производство, окон-

чательное признание его общественной значимости и произведенного им продукта. Выявляя спрос на товары, торговля способствует установлению правильных пропорций между отдельными частями общественного продукта, между производством и потребителем, служит важнейшим рычагом осуществления контроля за воспроизводственными процессами. Если она не в состоянии полностью реализовать возрастающий объем товаров с минимальными затратами общественного труда, это скажется на снижении эффективности народного хозяйства в целом, так как часть потребительных стоимостей и труд, затраченный на их производство, не найдут общественного признания.

Возобновление производства может осуществиться только в том случае, если все его участники имеют возможность в обмен на денежные доходы приобрести нужные им товары и услуги. Следовательно, торговля, обслуживая распределительные процессы, оказывает влияние на их конечные результаты. Отсюда становится очевидной важная роль торговли в реализации требований закона распределения по результатам труда.

Как известно, произведенный продукт прежде, чем поступить в сферу потребления, распределяется в виде заработной платы, отчислений в бюджет и других доходов между членами социалистического общества в соответствии с количеством и качеством их труда. Однако процесс распределения на этом не заканчивается. Таковым он может считаться лишь тогда, когда работники материализуют свою долю в национальном доходе в виде благ и услуг, необходимых для удовлетворения их потребностей. Это достигается в результате реализации товаров торговлей. Естественно, обеспечение населения предметами потребления в первую очередь зависит от производства. Но в решении таких вопросов, как количество товаров и их ассортимент, велика роль торговли.

Можно сделать вывод, что торговле, помимо указанных уже функций воздействия на распределение и потребление, присуще и активное влияние на производство. Торговля призвана способствовать экономии времени производителя, т. е. роль торговли должна выражаться в значительно большей экономии общественного труда, чем если бы торговая деятельность осуществлялась самими производителями. Это также представляет собой одно из проявлений закона экономии времени в торговле. Еще К. Маркс, характеризуя роль торгового посредника, писал: «Он приносит пользу не тем, что превращает непроизводительную функцию в производительную или непроизводительный труд в производительный... он приносит пользу тем, что благодаря его деятельности менее значительная часть рабочей силы и рабочего времени общества затрачивается на эту непроизводительную функцию»⁴.

Развитие общественного производства вызвало к жизни массу новых функций торговли, их взаимопереплетение, усложнение торговой деятельности как отрасли народного хозяйства. Экономия рабочего времени общества осуществляется ныне и непосредственно за счет специализации относительно обособленной отрасли на торговой деятельности. В то же время подобная экономия осуществляется и за счет многих других факторов. Например, за счет правильной ориентации производства, координации ассортимента и объемов производства всего множества производственных предприятий, расширения и рационализации потребления, внедрения в его оборот новых товаров путем воздействия на спрос и др.

Степень влияния торговли на производство в значительной мере зависит от соотношения спроса и предложения. Если спрос на некоторые товары превышает предложение, влияние торговли на производство этих товаров относительно снижается. С увеличением же предложения, наоборот, воздействие торговли возрастает. Таким образом, торговля является важным фактором совершенствования производства — установления более правильных пропорций, приспособления ассортимента к меняющемуся спросу населения, контроля качества продукции и т. д.

В товарных связях отражены противоположные экономические интересы производителей и потребителей. В связи с этим экономические интересы торговых работников также противоречивы и торговля выражает единство и борьбу этих противоположных интересов. Заклучая договора с предприятиями-изготовителями, торговые работники представляют интересы потребителей. Реализуя товары потребителям, они в значительной мере защищают интересы производителей. В то же время, при социализме интересы производителей связаны прежде всего со сменой форм и реализацией стоимости, а интересы потребителей — с доведением потребительной

стоимости. Это противоречие является формой конкретного проявления на практике противоречия функций торговли и приводит к определенным трудностям в процессе реализации товарной массы.

Выполнение торговлей посреднических услуг требует затрат материальных, трудовых и денежных ресурсов. Все это и определяет выделение торговли в самостоятельную отрасль. Конечно, в процессе торговли продукты только реализуются, но тем не менее от четкости и экономичности функционирования его в значительной степени зависит период оборота общественных ресурсов и общий уровень производительности общественного труда, а следовательно, время процесса воспроизводства и его эффективность. Упорядочение взаимосвязей и товародвижения в народном хозяйстве, сокращение товарных запасов, снижение издержек на основе рационализации материально-технического обеспечения, закупок и торговли товарами личного потребления — все это крупные народнохозяйственные резервы повышения эффективности социалистического воспроизводства.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 413.

² См.: Смахов Б. М. Эффективность средств экономии общественного труда // Вопросы экономики. 1983. № 1. С. 6.

³ См.: Орлов А. В. О показателях хозяйственной деятельности и ее эффективности // Советская торговля. 1981. № 5. С. 30.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 150.

В. Г. ТИХИНЯ

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

В нашей печати можно встретить утверждение о том, что правовое государство у нас сложилось вскоре после победы Октябрьской революции, но потом культ личности Сталина якобы ликвидировал это государство. Подобное утверждение следует признать ошибочным. Дело в том, что государство диктатуры пролетариата не может быть правовым государством в подлинном смысле этого слова. Не случайно поэтому в работах В. И. Ленина нет ни одного упоминания о том, что государство диктатуры пролетариата — это правовое государство. Социалистическое правовое государство в нашей стране создается впервые. Идея создания такого государства провозглашена на XIX Всесоюзной партийной конференции.

В Тезисах ЦК КПСС к партконференции, опубликованных в мае 1988 года, записано, что нам необходимо **завершить** создание социалистического правового государства. Как мне представляется, данный тезис есть не что иное, как «забегание вперед», стремление выдать желаемое за действительное. В свое время мы поторопились провозгласить тезис о построении в нашей стране развитого социалистического общества. Неужели этот печальный урок нас ничему не научил? Мы не должны заниматься лакировкой социальной действительности. Наше государство за всю историю своего существования ни одного дня не было правовым государством. Чтобы его можно было назвать таковым, очень многое предстоит сделать. Вполне справедливо в связи с этим в резолюции партконференции «О правовой реформе» говорится о том, что нам необходимо **не завершить, а создать** социалистическое правовое государство.

Конституция СССР 1977 года содержит ряд положений, соответствующих идее социалистического правового государства: закрепляет принцип законности в деятельности государственных органов, должностных лиц; фиксирует основные права, свободы и обязанности граждан; закрепляет равноправие граждан, их равенство перед законом и судом, демократические принципы правосудия; разграничивает полномочия органов власти и исполнительных органов и т. д. Сегодня принципиально важно теоретически обосновать концепцию социалистического правового государства и закрепить ее на конституционном уровне.

Иногда можно слышать суждения: каждое государство является правовым уже потому, что оно имеет законы. Думается, это весьма поверхностное (если не наивное) представление о правовом государстве. Когда мы говорим о правовом государстве, то имеется в виду не просто наличие в этом государстве законов. Правовое государство предполагает прежде всего **верховенство закона**. С этих позиций далеко не каждое государство можно назвать правовым. В правовом государстве все органы и общественные организации, должностные лица и граждане должны действовать на основе и в рамках закона. При расхождении ведомственных актов или решений государственных и партийных органов с законом должен действовать закон. Таким образом, коренная черта социалистического правового государства — это верховенство и торжество закона, выражающего волю и интересы народа.

Необходимо признать, что в годы сталинизма и брежневского застоя в нашей стране произошли серьезные искажения и деформации в правовой системе, которая сориентирована пока еще не на демократические, а на командно-административные методы руководства с многочисленными запретами и мелочной регламентацией. Поэтому без проведения радикальной правовой реформы нам нельзя создать правовое государство. В концентрированном виде основные ее направления определены в резолюции XIX Всесоюзной партийной конференции «О правовой реформе».

В социалистическом правовом государстве получают приоритет общечеловеческие ценности. Здесь первостепенное внимание будет уделено **правовой защите личности**. Важнейшая в связи с этим цель предстоящей правовой реформы — обеспечить защиту свободы чести и достоинства советских граждан. Каждый из нас должен быть уверен в защищенности своих прав. К сожалению, сегодня этого сказать еще нельзя. Возьмите, например, ст. 136¹ Уголовного кодекса БССР, которая предусматривает уголовную ответственность в связи с преследованием граждан за критику. Таких дел у нас практически нет, хотя расправа за критику — явление не такое уже и редкое. Судебная защита должна распространяться на все без исключения конституционные права и свободы граждан. А у нас, например, пенсионные права до сих пор лишены судебной защиты. Должна быть создана система защиты прав человека.

В социалистическом правовом государстве демократия и законность тесно связаны между собой. Лозунг перестройки «Больше демократии!» не есть призыв к вседозволенности, распущенности. Демократия вне закона — это анархия. Не будет законности — не будет и демократии, народо-властия.

В условиях развития демократии у нас должно быть установлено правильное соотношение между правами и обязанностями граждан. Если мы, как это делается сейчас нередко, будем говорить только о правах и свободах и недооценивать при этом обязанности, то в первую очередь нанесем удар (хотим этого или нет) по правам и свободам граждан. Как отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, «больше прав — это всегда больше и обязанностей. Эти понятия всегда идут рядом»¹. Использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства.

В правовом государстве должно быть четкое разделение функций властей: должна быть власть, издающая законы (законодательная власть); должна быть власть, которая эти законы выполняет (исполнительная власть); наконец, должна быть судебная власть. Серьезные шаги в этом направлении уже сделаны, но еще больше нам предстоит сделать в ближайшее время. Исполнительная власть должна нести политическую, правовую и моральную ответственность перед народом за невыполнение взятых обязательств.

Движение к правовому государству у нас должно сопровождаться существенным обновлением законодательства. Некоторые ныне действующие законы являются тормозом на пути перестройки советского общества. Здесь мы должны исходить из указаний В. И. Ленина о том, что «если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется».

По количеству принятых законов и других нормативных актов на душу населения мы, пожалуй, находимся на одном из первых мест в мире. Но **множественность законов не показатель законности**. В социалистическом правовом государстве должен быть минимум законов, но таких, которые нельзя было бы толковать, как говорится, «вкривь и вкось». И, конечно, **законы должны быть «работающими»**. Сегодня у нас в стране действует около 30 тыс. общесоюзных нормативных актов. Больше половины из них устарело и фактически не применяется на практике. От этого «кладбища мертвых законов» нам необходимо как можно быстрее освободиться. Работа по расчистке действующего законодательства в последнее время ведется весьма интенсивно. Достаточно сказать, что за годы перестройки уже отменено свыше 100 тыс. ведомственных актов.

В годы застоя в советской юридической науке утвердилось мнение, что закон должен регулировать общественные отношения лишь в самом общем виде. К чему это привело на практике? Привело к тому, что многие вопросы, не урегулированные законом, были отданы на откуп ведомственному нормотворчеству. Ведомственные акты, по существу, свели на нет действие многих законов. Так случилось, например, с Законом о государственном предприятии (объединении). Министерства и ведомства после

принятия этого закона так обложили его своими инструкциями, что многие хозяйственники сейчас вполне обоснованно говорят: закон не действует.

Всегда ли наши законы выражают волю народа? Будем говорить откровенно: нет, не всегда. Есть у нас законы, которые выражают интересы лишь отдельных министерств и ведомств. В социалистическом правовом государстве такое положение недопустимо.

До последнего времени наше законодательство представляло собой и, соответственно, рассматривалось как совокупность запретительных норм. Сейчас внедряется принцип: можно все, что не запрещено. Данный принцип действует в отношении граждан и трудовых коллективов. Что же касается должностных лиц государственного аппарата, то здесь, по нашему мнению, следует исходить из принципа: дозволено только то, что разрешено законом.

Наше законодательство должно быть **стабильным**. Только такое законодательство воспитывает у граждан уважительное отношение к законам. Ныне действующее законодательство назвать стабильным нельзя. Четыре конституции за 70 лет советской власти — это, согласитесь, многовато. В кодекс об административных правонарушениях, принятый четыре года назад, внесено уже свыше 100 изменений и дополнений. Наполовину изменен кодекс законов о труде. К сожалению, таких примеров можно привести немало.

Упрочение гарантий прав личности требует совершенствования гражданского, трудового, жилищного, пенсионного законодательства, принятия законов о свободе совести, о порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан и др.

Сегодня, когда роль права в жизни советского общества неизмеримо возросла, нельзя ее не только недооценивать, но и переоценивать. Некоторые хозяйственные руководители полагают, что для решения какой-либо острой проблемы достаточно издать соответствующий закон. Опасное заблуждение. Право не может регулировать все, а вот подорвать авторитет, престиж закона необдуманными действиями можно легко и быстро. Чтобы улучшить качество принимаемых законов, необходимо демократизировать сам законодательный процесс. Нам нужен закон о законе, т. е. нормативный акт, который регламентировал бы процедуру законотворчества.

В правовом государстве суд является наиболее важным звеном системы правоохранительных органов. В центре его внимания должен быть человек, его права и законные интересы. Следует признать, что многие граждане смотрят на суд, главным образом, как на орган принуждения, наказания. И для этого есть свои основания: долгое время в работе наших судов преобладал «обвинительный уклон». Сейчас отношение к суду меняется. Его основная функция — это защита прав личности. Чтобы надлежащим образом выполнять эту функцию, суд должен быть подлинно независимым органом государственной власти. До последнего времени требование независимости судей и подчинения их только закону носило в основном декларативный характер. В соответствии с решениями внеочередной двенадцатой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва народный суд как основное звено судебной системы будет формироваться на основе двух принципов: судьи будут избираться на 10 лет высшими органами народными депутатами, народные заседатели — на 5 лет непосредственно населением по месту их работы или жительства. Все это будет способствовать независимости судей и народных заседателей.

Намечаются радикальные изменения в работе прокуратуры, милиции, арбитража, т. е. во всем правоохранительном механизме нашего государства. Здесь не обойтись «косметическими» полумерами. Прокурорский надзор освобождается от многих не свойственных ему функций. Восстанавливается главная функция прокуратуры — высший надзор за законностью. Возрастает роль и значение адвокатуры в системе социалистической демократии.

Социалистическое правовое государство предполагает высокую правовую культуру граждан. Правовое государство и правовое бескультурье — понятия несовместимые. У нас же еще низка правовая культура граждан, широкое распространение получил правовой нигилизм: определенная часть населения не верит в силу закона. Все это, конечно, будет сдерживать формирование правового государства в нашей стране.

На февральском (1988) Пленуме ЦК КПСС, а также на XIX Всесоюзной партийной конференции получила поддержку идея организации юридического всеобуча как единой общегосударственной, общепартийной про-

граммы, охватывающей все слои трудящихся, все кадры в центре и на местах. Юридический всеобщ должен повысить правовую культуру наших граждан, ликвидировать их правовую безграмотность. Для оперативной информации граждан о новом законодательстве и квалифицированных разъяснений по правовым вопросам, для ознакомления с практикой применения законов было бы полезным наладить массовое издание специальной «Юридической газеты».

Когда мы говорим, что советские законы должны знать все, речь, разумеется, идет не о том, чтобы всех поголовно сделать юристами. Это практически невозможно и в этом нет особой необходимости. Важно, чтобы наши граждане имели определенный минимум знаний о праве, научились культурно отстаивать свои права. Этим задач без юридического всеобща не решить.

Сегодня мы являемся свидетелями того, как отдельные министерства и ведомства стремятся действовать, не считаясь с требованиями закона. Объяснить это только правовой безграмотностью должностных лиц нельзя. В ряде случаев проявляется элементарное неуважение к закону. Правоприменительная практика свидетельствует, что устранить неуважение к закону значительно сложнее, чем ликвидировать правовую безграмотность. Однако сделать это необходимо. Пример уважения к закону должны показывать прежде всего партийные органы. Нам нужна открытая и достоверная информация о состоянии законности в нашей стране. Должна периодически публиковаться в печати судебная статистика. Первые шаги в этом направлении уже делаются.

Правовое государство — одна из высших социальных ценностей, присущих цивилизованному обществу. Путь к правовому государству нелегок. Сегодня в нашей стране создаются все необходимые политические и социально-экономические предпосылки для того, чтобы идея социалистического правового государства была воплощена в жизнь.

¹ Правда. 1989. 6 янв.

И. М. КАЗЕЙ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО БЕЛОРУССИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

После победы Великой Октябрьской социалистической революции рабочие и крестьяне, не дожидаясь указаний сверху, по своей инициативе начали создавать революционные суды. В. И. Ленин отмечал, что «...революционные массы, после 25 октября 1917 г., вступили на верный путь и доказали жизненность революции, начав устраивать свои, рабочие и крестьянские, суды еще до всяких декретов о роспуске буржуазно-бюрократического судебного аппарата»¹. Так, на первом организационном заседании Областного исполнительного комитета Западной области (неокупированная часть Белоруссии, в которую входили Минская, Могилевская, Витебская и часть Виленской губернии) 26 ноября 1917 года были образованы отделы исполкома, в том числе «Отдел юстиции: реорганизация судов и пр.»²

Собрание железнодорожников Молодечненского узла, состоявшееся 29 ноября 1917 года, сообщала газета «Бюллетень Военно-революционного комитета X армии», постановило: «Уничтожить все дисциплинарные суды, которые до сих пор еще судили по старым николаевским законам...»

Газета «Известия Витебского Совета» опубликовала 16 декабря отчет Витебского губернского съезда Советов, в котором говорилось, что «...весь старый механизм суда служит страшным орудием классового господства помещиков-крепостников и крупной буржуазии, что это был суд, в котором с богатым нельзя было судиться. Чрезвычайный губернский съезд крестьянских, рабочих, солдатских и батрацких депутатов считает необходимым: 1) полностью уничтожить весь механизм суда снизу доверху, причем эта мера должна быть проведена самым решительным образом; 2) немедленно на местах создать местные народные суды...»

В отчете Областного исполнительного комитета Западной области (Облсполкомзапа) председателю Совнаркома РСФСР В. И. Ленину об организации и упрочении Советской власти в Западной области в апреле

1918 года сообщалось, что «...ряд декретов о взимании судебных пошлин с гражданских истцов, о пошлинах с имуществ, переходящих безвозмездным способом, об организации судов в области был издан и проведен в жизнь Комиссариатом юстиции...»³

Становление и развитие гражданского процессуального права имело в каждом регионе нашей страны свои особенности. Это обусловлено историческими особенностями, местными национальными традициями и мн. др. Так, в Белоруссии развитие его «осуществлялось по двум направлениям. Одно из них — применение норм РСФСР на территории Белоруссии и второе — нормотворческая деятельность органов государственной власти и управления БССР»⁴.

Истоки советского гражданского судопроизводства восходят к Декрету о суде № 1 от 24 ноября (7 декабря) 1917 года⁵. Этот первый акт «законодательного, строительного творчества в области судебного дела РСФСР»⁶ предусматривал организацию местных судов, действовавших коллегиально, с участием народных заседателей. Декрет установил такие демократические принципы, как: выборность судей и заседателей; право ведения дела с помощью представителя; недопустимость апелляционного пересмотра дел; право сторон обжаловать решение суда первой инстанции в кассационном порядке. Также была определена подсудность местного суда по гражданским делам: рассмотрение дел с иском на сумму не свыше 3 тыс. руб. Вопрос же о подсудности остальных дел остался открытым до издания следующего декрета о суде.

При разрешении споров о праве гражданском суды должны были руководствоваться старыми законами, если они не были отменены революцией и не противоречили декретам Советской власти, революционной совести и правосознанию. Объясняется это тем, что в этот период Советское правительство не располагало систематизированными процессуальными законами, а судьи и народные заседатели не обладали еще достаточным опытом судебной работы.

Само собой разумеется, что Декрет № 1 не смог охватить всю совокупность процессуальных норм гражданского судопроизводства. Будучи «первым опытом политического строительства советской системы в области судебной реформы»⁷, он определил начала гражданского судопроизводства, сыгравшие важную роль в развитии процессуального права в целом.

В дополнение и развитие Декрета о суде № 1 был принят Декрет о суде № 2⁸. Этим декретом был решен вопрос о подсудности гражданских дел с иском свыше 3 тыс. руб.: их теперь рассматривали гражданские отделения окружных народных судов. Декрет № 2 закрепил такие важные принципы, как гласность, устность и состязательность процесса, сменяемость судей по решению избирателей, обжалование и пересмотр решений по мотивам явной несправедливости и т. д. Кроме того, декрет повысил роль суда в защите прав сторон, предоставив ему свободу выбора доказательств, не ограничиваясь формальным законом.

В соответствии с принципами ленинской национальной политики декрет закрепил положение о том, что судовое дело во всех инстанциях допускается на местных языках. Для этого суды совместно с соответствующими местными Советами рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов обязывались определять, на каком языке должно вестись судопроизводство.

Расширению подсудности местных судов и одновременно сокращению подсудности окружных судов был посвящен Декрет о суде № 3⁹. Гражданские дела по искам до 10 тыс. руб. теперь стали подсудны местным народным судам. Решения народных судов по искам до 500 руб. вступали в законную силу немедленно и обжалованию не подлежали. Произошло упрощение состава гражданского отделения окружного народного суда. Декрет определил, что вместо трех постоянных судей и четырех заседателей состав гражданского отделения состоит из одного постоянного судьи и четырех заседателей. Декрет определил роль народных заседателей в гражданском процессе. Это был новый принцип, который не применялся в старом суде. Ранее существовавший порядок судопроизводства исходил из того, что суд по своей инициативе не ищет доказательства, занимает пассивно-созерцательную позицию в процессе доказывания по делу. Новый народный суд уже сам искискает доказательства и оценивает их.

Но, пожалуй, основное новшество Декрета о суде № 3 заключается в том, что в нем впервые отсутствуют указания о возможности применения при рассмотрении и разрешении гражданских дел законов царской России.

Суды теперь должны были руководствоваться только декретами рабоче-крестьянского правительства. Это означало, что Советская власть уже достигла определенных успехов в области правотворчества.

Таким образом, декреты о суде, отменив на всей территории молодого Советского государства старую судебную систему, положили начало созданию действительно народных судов. Как подчеркивал в то время П. И. Стучка, новыми декретами «полный простор открывается для судебной изобретательности по всем вопросам, чисто техническим: о способе вызова сторон, о собирании доказательств, о способах расследования дела и т. д. Исчезают грани порядка гражданского и уголовного суда. Все меняется и преобразовывается»¹⁰.

Декреты о суде способствовали развитию гражданского процессуально-го законодательства как на территории РСФСР, так и в Белоруссии. Так, 23 января 1918 года в газете «Советская правда» был опубликован первый законодательный акт гражданского процессуального права БССР — Декрет «О взимании судебных пошлин с гражданских исков». Этим декретом в зависимости от исков определялись размеры судебных пошлин от 2 до 50 % (если цена иска не превышала тысячи рублей, судебные пошлины не взыскивались). От судебных пошлин, независимо от цены иска, освобождались «экономические, культурно-просветительные и профессиональные рабочие организации»¹¹.

Немаловажно, что в самом декрете содержится указание о действительности его до издания подобного декрета центральным правительством Советской республики. Следовательно, этот процессуальный акт был первым шагом правотворчества в гражданском процессуальном законодательстве не только на территории Белоруссии, но и РСФСР.

Однако мирное государственное строительство в Белоруссии было прервано наступлением немецких войск и оккупацией почти всей территории республики, за исключением 12 уездов Витебской и Могилевской губерний. Даже в этот трудный период, когда все силы были направлены на оборону, на оказание помощи фронту, Советское правительство уделяло много внимания вопросам государственного строительства. Развивалось и продолжало совершенствоваться законодательство об организации и деятельности народных судов, значение которых особенно возросло в период иностранной интервенции и начавшейся гражданской войны.

На неоккупированной территории Белоруссии продолжали действовать окружные народные суды, созданные в соответствии с Декретом № 2. Окружной народный суд Могилевской губернии из-за оккупации губернского центра с 3 июня 1918 года работал в Мстиславле. «В составе окружного суда было образовано три отделения: общее, уголовное и гражданское. На рассмотрение суда за пять месяцев его работы (с 3 июня по 1 ноября 1918 года) поступило 576 дел, в том числе... 87 гражданских»¹².

Практика показала, что существование двух судов (местного и окружного) было нецелесообразным. И в связи с этим окружные народные суды в ноябре 1918 года были упразднены Положением о едином народном суде. Важным нормативным актом в истории развития гражданского процессуального права является Инструкция НКЮ РСФСР от 23 июля 1918 года «Об организации и действии местных народных судов»¹³, которая разъясняла такие моменты гражданского судопроизводства, как порядок открытия судебного заседания, ведение дела в судебном заседании, порядок обжалования и исполнения решений, кассационное производство. Это была попытка создать свои советские процессуальные нормы вместо применявшихся ранее норм Устава гражданского судопроизводства 1864 года.

По мнению Н. В. Крыленко, «законодательные акты 1918 г. все можно охарактеризовать, как первые робкие шаги к постановке ряда организационных процессуальных и материальных вопросов...»¹⁴ Именно в них были заложены основные принципы и положения советского гражданского судопроизводства. В сложнейших условиях непримиримой борьбы нового со старым определялись демократические черты советского гражданского процесса, обеспечивавшие охрану интересов первого в мире социалистического государства, защиту прав и законных интересов трудящихся.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 197.

² См.: Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Минск, 1957. Т. 2. С. 295.

³ Там же. С. 326, 567, 935.

⁴ Гражданский процесс БССР. Минск, 1979. Ч. I. С. 34.

⁵ См.: СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

⁶ Крыленко Н. В. Судостроительство РСФСР: Лекции по теории и истории судостроительства. М., 1923. С. 33.

⁷ Там же. С. 33.

⁸ См.: СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

⁹ См.: СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

¹⁰ Сту́чка П. И. Народный суд в вопросах и ответах. М., 1918. С. 3.

¹¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. С. 822.

¹² Мартинович И. И. История суда в БССР. Минск, 1961. С. 19.

¹³ См.: СУ РСФСР. 1918. № 53. Ст. 597.

¹⁴ Крыленко Н. В. Судостроительство РСФСР. С. 66.

И. Р. ВЕРЕНЧИКОВ

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Строгое соблюдение социалистической законности и правопорядка — одно из основных условий успешного осуществления перестройки всех сторон жизни нашего общества. Поэтому в современных условиях особенно возрастает значение эффективного применения советских законов, рационального сочетания методов убеждения и принуждения в борьбе с правонарушениями, преступностью. Практика убеждает «что возможности уголовного наказания как регулятора человеческого поведения принципиально ограничены. Если бы наказание было всемогущим, лица, однажды подвергнутые ему, наверняка воздержались бы в дальнейшем от преступного поведения. На самом деле преступность среди лиц, уже подвергавшихся уголовному наказанию (особенно наказанию в виде лишения свободы), намного выше, чем среди всего населения. Этот общеизвестный факт сам по себе свидетельствует о том, что профилактика преступлений открывает куда более широкие возможности «вытеснения» преступности из жизни нашего общества, чем иные меры»¹.

Профилактика преступлений обеспечивается многообразной деятельностью правоохранительных органов, а также партийных, советских, комсомольских и иных общественных организаций. В соответствии с законом (ст. 15¹, 15², 15³, 124, 137 УПК БССР) на суд, прокурора, следователя возлагаются профилактические обязанности. Естественно, суд, прокуратура, милиция выполняют эти обязанности своими специфическими средствами. Профилактическая деятельность следователя является обязательной составной частью процесса расследования преступлений. Именно в ходе расследования полнее всего вскрываются причины и условия, приведшие к совершению конкретного преступления. Вдумчивый анализ этих причин и условий поможет разрабатывать действенные мероприятия по их профилактике.

Изучение практики, однако, показывает, что многие следователи еще недостаточно выполняют эту важную социальную функцию. В уголовных делах, как правило, отсутствует глубокий анализ причин и условий совершения преступления, а в связи с этим продуманные предложения по их ликвидации. В большинстве случаев в конце расследования составляются представления, в которых даются самые общие рекомендации соответствующим предприятиям и учреждениям: «усилить воспитательную работу», «повысить контроль» и т. д.

Эти и другие недостатки профилактической деятельности следователя часто перечисляются в криминалистической литературе, но почти никогда не вскрываются их причины. Что же мешает следователям полноценно, а не формально осуществлять работу по профилактике преступлений.

На наш взгляд, причины дефектов профилактической деятельности следователя кроются в следующем:

1. Неполнота исследования теоретических проблем профилактической деятельности следователя в юридической литературе. В специальной литературе правильно отмечается, что «профилактика стала обязательной функцией деятельности следователя»². Во многих исследованиях раскрываются цели и принципы этой деятельности, определяются основные этапы следственной профилактики, перечисляются основные профилактические мероприятия, которые могут осуществляться следователем. Ряд авторов характеризует перспективное и текущее планирование профилактической деятельности, ведет речь об одноразовых предупредительных мерах и профилактических мероприятиях длящегося характера, осуществляемых следователем по материалам уголовного дела³. Но совершенно не исследуются вопросы профилактики в тесной взаимосвязи с самим процессом расследо-

вания. Может создаться впечатление, что расследование осуществляется само по себе, а профилактика сама по себе. Профилактика преступления должна быть необходимой частью всего процесса расследования.

2. Вне пределов научного исследования в юридической литературе остаются вопросы тактики профилактической деятельности следователя, не выделяются ее составные части, место и функции в общем процессе расследования.

Разработка рекомендаций по тактике осуществления профилактической деятельности существенно затрудняется и тем, что до настоящего времени четко не решен вопрос об основных этапах расследования преступлений. Выдвигаются предложения разделить процесс расследования на такие этапы, как осуществление первоначальных следственных действий и последующих; возбуждение уголовного дела; предъявление обвинения; окончание расследования. К сожалению, подобное деление не соответствует действительным этапам расследования преступлений.

Поскольку профилактическая деятельность развивается в общем процессе расследования, постольку без установления его истинных этапов нельзя разрабатывать и предложения по последовательному осуществлению профилактической работы следователя. Нам представляется, что существенную помощь в определении этих этапов может оказать анализ основных задач по расследованию преступления.

Ст. 2 УПК БССР формулирует задачи уголовного производства следующим образом: «Задачами советского уголовного судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных...» Кроме того, ст. 137 УПК БССР обязывает следователя, установив причины и условия, способствовавшие совершению преступления, принимать меры к их устранению.

Таким образом, на основе статей 2 и 137 УПК БССР можно сделать вывод, что весь процесс расследования предполагает решение следователем трех основных задач: 1) раскрытие преступления, 2) изобличение лица, которому предъявлено обвинение (доказывание виновности), 3) профилактика преступления.

Решение каждой последующей из этих задач связано, как правило, с решением предыдущей (например, изобличение виновных возможно только после решения задачи «раскрытие преступления»). Задача «профилактика» решается, с одной стороны, после раскрытия преступления и изобличения виновных, с другой стороны — эта задача может решаться и в ходе раскрытия, и в ходе изобличения. Следовательно, общая задача профилактики преступления должна решаться только с учетом содержания следственной деятельности на этапах раскрытия преступления и изобличения виновных.

3. В общей системе деятельности по расследованию преступления правоведы до сих пор четко не определили места следственной профилактики. Как уже сказано, профилактическая работа должна осуществляться в ходе общей деятельности по расследованию преступления на всех ее этапах. Только в этом случае к окончанию расследования будет собран и детализирован материал, необходимый для разработки профилактических мероприятий. Успешное решение тактических (частных) проблем профилактической деятельности следователя обеспечивается их полным сочетанием с общей деятельностью по расследованию преступления.

Можно попытаться в самом общем виде определить, какая именно профилактическая деятельность может развиваться на этапе раскрытия преступления и этапе изобличения виновных. На первом этапе процесс раскрытия преступления происходит через выявление причинно-следственных связей, т. е. через установление причин и условий, способствовавших совершению преступления. Из этого вытекает вывод, что профилактическая деятельность следователя должна разворачиваться с самого начала предварительного расследования. Решение задач профилактического характера должно иметь место и при изучении механизма совершения преступления. Например, осмотр вещественных доказательств, документов, различных помещений и участков местности, мест хранения сырья и готовой продукции и т. д. и установление способа совершения преступления позволит выявить дефекты документации, системы учета и охраны, недостатки предохранительных приспособлений и дать конкретные рекомендации по их устранению.

Профилактические задачи решаются и при изучении результатов, а также последствий совершения преступления. Так, например, при анализе

места происшествия по делам о нарушении правил безопасности дорожного движения следователь должен решить и ряд задач профилактического характера: наличие и состояние на данном отрезке дороги необходимых дорожных знаков, пешеходных переходов и т. д., следователь должен немедленно принять меры по устранению выявленных недостатков.

На стадии изобличения лица, совершившего преступление, осуществляется углубленное изучение его личностных качеств, а также обстоятельств, приведших последнего к совершению преступления. Подробный виктимологический анализ позволит следователю оказывать и эффективное воспитательное воздействие на личность потерпевшего, и успешно решать задачи профилактики. Только включение профилактической деятельности в общий процесс расследования обеспечивает необходимый результат в борьбе с преступностью.

На заключительном же этапе профилактики преступлений углубленно разрабатываются все мероприятия, которые должны проводить другие органы, предприятия, учреждения, что излагается в представлении следователя.

¹ Блувштейн Ю. Л. и др. Профилактика преступлений. Минск, 1986. С. 10.

² Дулов А. В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами. Минск, 1985. С. 57.

³ См.: Дулов А. В. Указ. соч., Звирбуль В. К. Деятельность прокуратуры по предупреждению преступности. М., 1971. С. 113—114; Лопушанский Ф. А. Следственная профилактика преступлений. Киев, 1980. С. 93.

А. П. ПЕТРОВ

СПОСОБЫ СОБИРАНИЯ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Вещественные доказательства в гражданском процессе — это любые полученные судом предметы, которые своими признаками, свойствами, состоянием или местонахождением несут информацию о наличии или отсутствии обстоятельств, имеющих значение для дела. Вещественными доказательствами могут быть самые разнообразные объекты. Это может быть поврежденное имущество по иску о возмещении ущерба, спорная вещь по иску о виндикации, предмет договора по иску, вытекающему из договора подряда, поддельный документ.

Чтобы вещественные доказательства могли быть использованы как средства доказывания, их следует собрать. Собрание доказательств — это один из элементов судебного или процессуального доказывания. В данное понятие входит комплекс процессуальных действий по обнаружению, истребованию, представлению, закреплению и сохранению доказательств.

Обнаружение вещественных доказательств — их отыскание, выявление — начальная и необходимая стадия собирания. Собрать можно только обнаруженные вещественные доказательства, ставшие известными сторонам или суду. Предметы, имеющие значение вещественных доказательств по гражданским делам, могут быть выявлены судом при местном осмотре, представлены суду лицами, не являющимися участниками процесса (например, свидетелями).

Истребование вещественных доказательств — это истребование судом от государственных предприятий, учреждений, организаций, колхозов, иных кооперативных организаций, их объединений, общественных организаций или граждан различных предметов, служащих средством установления обстоятельств, имеющих значение для дела.

Статья 44 ГПК БССР разрешает суду выдавать лицу, ходатайствующему об истребовании вещественного доказательства, запрос на право его получения для представления в суд. Это ходатайство может заявляться сторонами и другими лицами, участвующими в деле, как в процессе подготовки судебного разбирательства (после принятия искового заявления судьей), так и в стадии самого судебного разбирательства. Если подобная просьба заявлена в ходе подготовки дела к судебному разбирательству, то судья единолично выносит определение, что вытекает из предусмотренных ст. 135 ГПК БССР действий судьи в этой стадии гражданского процесса.

Если же такое ходатайство заявлено в стадии судебного разбирательства дела, то данный вопрос решается судом коллегиально с учетом мнения сторон и других участников процесса, а также заключения прокурора.

Запрос или определение об истребовании вещественных доказательств обязательны для организаций и лиц, к которым обращается суд. Если не участвующие в деле учреждения, организации, граждане не имеют возможности представить вещественное доказательство вообще или в установленный срок, они обязаны известить об этом суд с указанием причин. В случае неизвещения суда или невыполнения требования о представлении доказательств без уважительных причин суд может наложить штраф до 10 руб. Наложение штрафа не освобождает соответствующих должностных лиц и граждан от обязанности представления требуемого судом вещественного доказательства (ст. 45, 48 ГПК БССР).

Лицо, ходатайствующее перед судом об истребовании вещественных доказательств, должно обозначить эти доказательства, т. е. указать, какие обстоятельства, имеющие значение для дела, с их помощью можно установить; указать место, адрес, лицо, откуда они могут быть получены, их внешние признаки. Без этих сведений суд не может правильно определить относимость и допустимость вещественных доказательств и решить вопрос об их истребовании у соответствующих организаций и граждан.

В ГПК Белорусской ССР, в отличие от ГПК РСФСР (ст. 68), нет нормы, которая обязывала бы лицо, заявляющее ходатайство об истребовании вещественного доказательства, указать, какие имеющие значение для дела обстоятельства могут быть установлены этими доказательствами. Представляется, что такая норма должна быть закреплена в ГПК БССР.

Представление вещественных доказательств как процессуальное действие состоит в фактической передаче их в распоряжение суда. Доказательства представляются сторонами и другими лицами, участвующими в деле (ст. 30 ГПК БССР). Передать суду вещественные доказательства могут представители сторон и третьих лиц, поскольку полномочие на ведение дела в суде дает им право на совершение всех процессуальных действий, кроме действий распорядительного характера, связанных с правом самого доверителя. В соответствии со ст. 143 ГПК БССР представлять доказательства могут представители общественных организаций и трудовых коллективов, допущенные судом к участию в судебном разбирательстве для изложения мнения уполномочивших их организаций.

Закрепление вещественных доказательств есть не только запечатление их внешнего вида, признаков, особенностей и т. д., но и придание им процессуально доказательственной силы. Своевременное закрепление вещественных доказательств служит средством их сохранения для последующего использования в качестве доказательств по делу и одновременно обеспечивает достоверность передачи фактической информации об этих объектах в судебном заседании. Только при выполнении этих условий полученная из определенного материального объекта информация может иметь доказательственное значение для дела. Закрепление вещественных доказательств в гражданском судопроизводстве имеет отличительные особенности по сравнению с закреплением вещественных доказательств в уголовном процессе.

Советский уголовно-процессуальный закон предусматривает в качестве форм процессуального закрепления вещественных доказательств составление протокола осмотра, обнаружения, выемки предметов, имеющих значение вещественных доказательств; вынесение постановления о приобщении к делу вещественных доказательств, фотографирование, составление планов, схем, моделирование и другие методы фиксации. Как правило, процессуальное закрепление вещественных доказательств в уголовном процессе происходит на стадии предварительного расследования, закрепляет эти доказательства лицо, производящее расследование уголовного дела.

Вещественные доказательства в гражданском процессе обычно закрепляются непосредственно в стадии судебного разбирательства дела путем составления протокола судебного заседания, где и фиксируются результаты осмотра вещественных доказательств на месте, их исследования в судебном заседании. Кроме того, в гражданском процессе законодатель ввел специальный способ закрепления судебных доказательств — институт обеспечения доказательств (ст. 36—39 ГПК БССР). Он применяется в тех случаях, когда возникает угроза, что какие-либо доказательства не сохранятся к судебному заседанию, исчезнут, изменят свойства или станут недоступными для суда. По отношению к вещественным доказательствам обеспече-

ние должно иметь место, когда есть опасность утраты предмета, имеющего значение вещественного доказательства; когда вследствие быстрой изменчивости вещи могут исчезнуть существенные признаки и свойства этого предмета и т. п.

Суд по просьбе заинтересованных лиц, имеющих основания опасаться, что представление необходимых для них вещественных доказательств сделается невозможным или затруднительным, принимает соответствующие меры к закреплению доказательств, обеспечивая тем самым возможность их использования в дальнейшем — в ходе судебного рассмотрения гражданского дела.

Заявление об обеспечении доказательства подается в суд по месту нахождения предмета, могущего быть вещественным доказательством. Заявитель и другие лица, участвующие в деле, извещаются о времени и месте обеспечения доказательства, однако их неявка не препятствует рассмотрению заявления. Протокол и все собранные в порядке обеспечения вещественных доказательств материалы пересылаются в суд, рассматривающий дело, где они и будут исследованы и оценены по существу. Определение суда по вопросам обеспечения доказательств может быть обжаловано лицами, участвующими в деле, и опротестовано прокурором.

Для того чтобы вещественное доказательство было использовано судом в процессе доказывания, оно должно быть сохранено. Сохранить вещественные доказательства — значит принять такие меры, которые позволили бы обеспечить возможность использования их при разбирательстве дела.

Процессуальный порядок хранения вещественных доказательств закреплен в ст. 49 ГПК БССР и сводится к тому, что эти доказательства хранятся в помещении суда: а) в деле, если это мелкие предметы или документы, имеющие значение вещественных доказательств (в специальных конвертах); б) в камере хранения вещественных доказательств, если это крупные предметы. Предметы, которые не могут быть доставлены в суд, хранятся в месте их нахождения. Они должны быть подробно описаны, а в случае необходимости — сфотографированы и опечатаны. Могут применяться и технико-криминалистические меры по сохранению вещественных доказательств (например, покрытие предметов специальной защищающей пленкой, их консервация).

По нашему мнению, при собирании вещественных доказательств в гражданском процессе должны быть обеспечены: строжайшее соблюдение социалистической законности (использование только тех способов получения вещественных доказательств, которые предусмотрены законом, собирание вещественных доказательств дозволенными методами); объективность и беспристрастность (суд должен собирать вещественные доказательства как подтверждающие, так и опровергающие требования истца); соблюдение правил относимости и допустимости вещественных доказательств.

В ст. 48 ГПК БССР говорится только об истребовании и представлении вещественных доказательств, что, на наш взгляд, не охватывает всего объема понятия «собираание вещественных доказательств». В ст. 35 ГПК БССР говорится о собирании доказательств в порядке судебного поручения (это относится и к вещественным доказательствам). О собирании судебных доказательств (в том числе и вещественных) указывается в ст. 30 ГПК БССР.

В руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР обращается внимание судов на необходимость проявлять инициативу в собирании доказательств. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 4 от 31 марта 1978 года «О применении законодательства при рассмотрении судами дел об освобождении имущества от ареста (исключения из описи)» указывается, что, «не ограничиваясь доказательствами, представленными сторонами, судья при подготовке дела к судебному разбирательству или суд в ходе рассмотрения дела должны в соответствии со ст. 18 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик проявлять инициативу в собирании доказательств»¹.

Советские ученые-процессуалисты собирание доказательств рассматривают как комплексное понятие, в содержание которого входят «действия по обнаружению, фиксации, изъятию и сохранению доказательств, а также по выявлению (обнаружению), истребованию и представлению доказательств»².

Итак, в целях совершенствования действующего гражданского процессуального законодательства, на наш взгляд, необходимо, чтобы в ГПК

БССР термин «собрание вещественных доказательств» рассматривался как комплексное понятие, включающее обнаружение, истребование, представление, закрепление и сохранение этих доказательств, регламентировался порядок их обнаружения и процессуального закрепления; дополнить ст. 48 ГПК БССР нормой, которая обязывала бы лицо, ходатайствующее об истребовании какого-либо предмета в качестве вещественного доказательства, указывать, какие обстоятельства, имеющие значение для дела, могут быть установлены этим предметом. Кроме того, в ГПК союзных республик должны получить регламентацию способы фиксации вещественных доказательств, разработанные криминалистикой.

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924—1986 гг.). М., 1987. С. 143.

² См.: Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств. М., 1966. С. 28; Тихиня В. Г. Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве. Минск, 1983. С. 11.

В. Н. САТОЛИН

О СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БРАКЕ И СЕМЬЕ

Неотъемлемой частью работы по формированию социалистического правового государства является кардинальный пересмотр, кодификация и систематизация всех отраслей советского законодательства, в том числе законодательства о браке и семье.

Законодательство о браке и семье — самостоятельная отрасль советского социалистического законодательства, нормы которого кодифицированы первыми в нашей стране. Уже в сентябре 1918 года Советское правительство опубликовало Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве¹. Самостоятельность этой отрасли еще более определилась после утверждения Верховным Советом 27 июля 1968 года Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье².

Положения основ послужили научно-обоснованной нормативной базой для разработки и утверждения союзными республиками кодексов о браке и семье (КоБС). В Белорусской ССР КоБС введен в действие с 1 ноября 1969 года³.

К законодательству о браке и семье, кроме Основ и КоБС союзных республик, относятся и другие нормативные акты союзного и республиканского значения. Такими нормативными актами являются, например, Основные положения, определяющие порядок изменения, восстановления и аннулирования записей актов гражданского состояния, порядок хранения актов книг, Инструкции о порядке регистрации актов гражданского состояния в Белорусской ССР⁴.

Хотя в Основы и КоБС Белорусской ССР с момента их утверждения вносились изменения и дополнения, однако они оказались минимальными. В этом сказалась относительная стабильность законодательства о браке и семье, что особенно заметно в сравнении с объемом и темпами обновления других отраслей советского законодательства.

Между тем решение поставленной XXVII съездом КПСС задачи по укреплению семьи, совершенствованию ее правовой защиты настоятельно требует совершенствования законодательства в области брачно-семейных отношений. Поскольку рамки настоящей статьи не позволяют рассмотреть все возможные предложения, мы остановимся лишь на одном, как нам представляется, наиболее важном аспекте проблемы — вопросе о сфере регулирования законодательства о браке и семье.

В соответствии со ст. 2 Основ и КоБС Белорусской ССР действующее законодательство о браке и семье устанавливает порядок и условия вступления в брак, регулирует личные и имущественные отношения, возникающие в семье между супругами, родителями и детьми, другими членами семьи; отношения, возникающие в связи с усыновлением, опекой и попечительством, принятием детей на воспитание; порядок и условия прекращения брака, а также порядок регистрации актов гражданского состояния.

Перечисленные отношения можно разделить на две группы: 1) внутрисемейные и приравненные к ним отношения (отношения между супругами, родителями и детьми, другими членами семьи) и 2) отношения, возникаю-

щие между членами семьи, с одной стороны, и государством, его органами — с другой (отношения с органами загса по поводу оформления усыновления, регистрации рождения, смерти, заключения и расторжения брака и т. п.).

Однако многие отношения, складывающиеся между семьей и государственными органами, не подпадают под действие Основ и КоБС Белорусской ССР. К их числу относятся, например, отношения, возникающие в связи с назначением и выплатой государственных пособий многодетным и одиноким матерям, установлением льгот беременным женщинам и матерям и др. Эти отношения регулируются нормативными положениями, содержащимися в трудовом, гражданском, жилищном, административном и других отраслях права.

Еще в 1940 году Г. М. Свердлов предлагал включить в сферу регулирования семейного права не только нормы, относящиеся к взаимоотношениям членов семьи, но и «...весь комплекс отношений, возникающих между гражданами и органами государства в связи с деятельностью этих органов, направленной на укрепление семьи»⁵. Близким к этому оказалось и мнение В. А. Рясенцева, определявшего семейное право как отрасль, которая регулирует отношения, связанные с браком и семьей, а также с деятельностью государственных органов, направленной на укрепление семьи и оказание материальной помощи детям⁶. Аналогичную точку зрения на предмет регулирования семейного права высказывали В. И. Бошко и авторы учебного пособия «Советское гражданское право»⁷.

Но названные предложения не получили дальнейшего развития и законодательного признания. К сожалению, изменил свою точку зрения и Г. М. Свердлов. В одной из последующих работ он признал мысль о расширении предмета регулирования семейного права неправильной, мотивируя это тем, что такое решение не только не помогает упорядочению материала данной отрасли права, а, наоборот, мешает этому, внося сумбур и неопределенность⁸. Однако с этим утверждением нельзя согласиться. В различных отраслях советского права содержится большое количество нормативных положений, которые так или иначе затрагивают интересы семьи, влияя на ее состояние и развитие. Разобщенность, разбросанность этих предписаний по разным отраслям права и нормативным актам как раз и вносит, на наш взгляд, сумбур в регулирование брачно-семейных отношений и тем самым снижает эффективность их применения. В настоящее время не только граждане (а они как члены семей должны прежде всего знать свои права и обязанности), но и специалисты подчас затрудняются разобраться во всем многообразии норм, связанных с жизнедеятельностью семьи, квалифицированно и оперативно отвечать на возникающие вопросы.

По мнению Г. М. Свердлова, взгляд на необходимость расширения предмета регулирования семейного права является надуманным и нежизненным еще и потому, что он расходится с практикой нашего законодательства. Советские кодексы законов о браке и семье (за исключением кодекса Грузинской ССР) никогда не включали в себя «ни норм о пособиях по многодетности, ни норм об охране труда матери, ни норм, касающихся деятельности детских учреждений, органов здравоохранения и т. п.»⁹ В самом деле, нормы, указанные в последней части этого утверждения, никогда не составляли предмет регулирования законодательства о браке и семье. Тут нечего возразить. Однако Г. М. Свердлов не отметил одной, как нам представляется, весьма важной особенности действующего правового регулирования брачно-семейных отношений. Речь идет о том, что законодательство о браке и семье и в прошлом, и теперь не является «чистым», т. е. содержащим нормативные предписания исключительно одной отрасли права, что обуславливается, на наш взгляд, прежде всего качественной разнородностью регулируемых отношений.

Основную группу норм, содержащихся в Основах и КоБС Белорусской ССР составляют семейно-правовые нормы. Они регулируют личные и имущественные отношения, непосредственно вытекающие из брака и принадлежности к семье или, говоря иначе, отношения между членами семьи. Основы и КоБС Белорусской ССР содержат также положения административно-правового характера. Таковыми являются, например, нормы, регулирующие отношения между государственными органами опеки и попечительства, с одной стороны, и опекунами, попечителями — с другой.

Среди норм, включенных в Основы и КоБС Белорусской ССР, имеются и гражданско-правовые. Это, например, нормы, регулирующие опеку и попечительство над личностью совершеннолетних граждан и опеку над их

имуществом. Речь идет об опеке над душевнобольными и слабоумными, признанными недееспособными; над имуществом безвестно отсутствующих или умерших граждан; попечительство над гражданами, злоупотребляющими спиртными напитками или наркотическими веществами.

Кроме того, в Основы и КоБС Белорусской ССР включены гражданские процессуальные нормы. К ним относятся, в частности, нормативные предписания о праве прокурора предъявлять иски, вытекающие из брачно-семейных отношений (о лишении родительских прав, о признании брака недействительным). Важное процессуальное правило содержится в ст. 14 Основ ст. 35 КоБС Белорусской ССР, согласно которому суд вправе отложить разбирательство дела о расторжении брака и назначить срок для примирения сторон в пределах шести месяцев. В Основы и КоБС Белорусской ССР имеются и другие процессуальные нормы.

Как видно, и Основы, и КоБС Белорусской ССР содержат нормы по меньшей мере четырех отраслей права: семейного, административного, гражданского и гражданского процессуального. Поэтому указанные акты, по нашему мнению, можно отнести к числу так называемых межотраслевых, комплексных законодательных актов, состоящих из норм, имеющих различную отраслевую принадлежность. Отметим также, что указание на комплексность в регулировании брачно-семейных отношений содержится и в Конституции СССР. «Семья находится под защитой государства», — гласит ст. 53 Основного Закона. Это означает, что государство разрабатывает и осуществляет широкий комплекс социально-экономических мероприятий, направленных на создание, поддержку и упрочение семьи, что предполагает комплексное решение вопроса о защите семьи, а стало быть, и комплексное регулирование брачно-семейных отношений. Следовательно, правовое регулирование в сфере семьи должно носить комплексный характер. Этот вывод является, на наш взгляд, достаточным основанием для включения в Основы и КоБС Белорусской ССР нормативных положений, которые так или иначе касаются брачно-семейных отношений, но до сих пор содержались в нормативных актах других отраслей законодательства.

В этой связи нельзя согласиться с высказываемыми в литературе предложениями о необходимости принять в дополнение к Основам новый закон, который будет включать все правовые нормы защиты семьи¹⁰. Дальнейшее совершенствование основополагающих нормативных актов о браке и семье должно идти прежде всего по пути изменения и дополнения Основ и КоБС союзных республик.

В соответствии с изложенными соображениями представляется необходимым включить в действующие Основы и КоБС Белорусской ССР прежде всего нормы, устанавливающие порядок назначения и выплаты семьям государственных пособий и льгот. Это пособия на детей малообеспеченным семьям, пособия многодетным и одиноким матерям, пособия по уходу за ребенком, льготы многодетным матерям и др. Сюда же целесообразно, на наш взгляд, отнести и положения, регламентирующие порядок предоставления беспроцентных и долгосрочных ссуд молодым семьям на улучшение жилищно-бытовых условий. Думается, что свое место в законодательстве о браке и семье должны найти также и нормативные предписания, затрагивающие основные виды государственного социального страхования (страхование детей, смешанное страхование жизни, страхование к бракосочетанию и т. п.). Не имея возможности перечислить в данной статье все нормы, которые необходимо включить в Основы и КоБС Белорусской ССР, отметим, что целесообразно часть из них сделать отсылочными.

¹ СУ РСФСР. 1918. № 76—77. Ст. 818.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1967. № 27. Ст. 241. В дальнейшем — Основы.

³ СЗ БССР. 1969. № 17. Ст. 278.

⁴ СП СССР. 1977. № 2. Ст. 9; СЗ БССР. 1970. № 5. Ст. 66.

⁵ Свердлов Г. М. О предмете и системе социалистического семейного права // Советское государство и право. 1940. № 1. С. 65.

⁶ См.: Рясенцев В. Н. Семейное право. М., 1948. С. 5.

⁷ См.: Бошко В. И. Очерки советского семейного права. Киев, 1952. С. 36—37; Советское гражданское право: Учебное пособие для студентов ВЮЗИ. М., 1955. Ч. 1. С. 11.

⁸ См.: Свердлов Г. М. К вопросу о кодификации брачно-семейного законодательства // Вопросы кодификации. М., 1957. С. 89.

⁹ Там же. С. 91.

¹⁰ См.: Королев Ю. А. Правовые аспекты защиты семьи государством // Советское государство и право. 1987. № 5. С. 25.

Рэцэнзіі

А. А. Розанов. **Антикоммунизм на службе милитаризма.** Минск: Вышэйшая школа, 1987. 143 с; Он же. **Проблема разоружения и борьба идей.** Минск: Беларусь, 1988. 168 с.

Проблемы ликвидации ядерной угрозы и милитаризма современные буржуазные теоретики и пропагандисты превратили в объект изощренных фальсификаций. Поэтому сегодня необходимо оперативно и убедительно разоблачать антигуманную сущность теории противников разоружения и тем самым добиваться создания прочного объединения коалиции миролюбивых сил.

В рецензируемых работах А. А. Розанова вскрывается классовая сущность политики и идеологии милитаризма. В первой из них автор анализирует преимущественно концепции той разновидности современного антикоммунизма, которая отражает интересы агрессивной части монополистической буржуазии. Повествуя о военных приготовлениях империализма США в первой половине 80-х годов, автор дает ретроспективный показ планов атомного нападения на СССР в послевоенный период и довольно подробно излагает историю зарождения концепции «ограниченной ядерной войны». Дух конфронтации и противопоставление его разрядке международной напряженности, подчеркивается в работе, привели к соединению империалистического милитаризма с антикоммунизмом, а это, в свою очередь, породило «психологическую войну», которая представляет сегодня особую форму агрессии против суверенитета, истории и культуры народов.

Вызывает интерес раздел книги, посвященный фальсификации классовым противником внешнеполитической линии Советского Союза. Автор прежде всего напоминает читателю о наличии в буржуазной идеологии и пропаганде двух ведущих тенденций по отношению к социализму, которые применительно к международной политике приняли облик концепций «антиразрядки» и «истинной», «деидеологизированной разрядки». Предпри-

нятый в этой связи анализ работ З. Бжезинского, Р. Пайпса, А. Улама показывает, как буржуазные идеологи развивают мифы об агрессивности коммунизма и советской военной угрозе, преподносят в ложном свете марксистско-ленинское понимание вопросов войны, мира и революции. В книге, в частности, раскрываются концепции «контроля над вооружениями», «баланса страха» и принципа «устрашения», составившие основу империалистической политики нагнетания напряженности и взвинчивания гонки вооружений. В специальном разделе на конкретных примерах рассматривается доктрина «гарантированного выживания» с помощью космической обороны, ставшая в последнее время особенно популярной у реакционных кругов США.

Содержание внешнеполитической стратегии Советского Союза — политики мирного сосуществования — раскрывается автором в ее историческом развитии и совершенствовании. Поэтому далеко не случайно, что внешней политике СССР сегодня нет разумной альтернативы, а многочисленные попытки идеологов антикоммунизма представить ее агрессивной и экспансионистской не получают поддержки. В мире нарастает небывалое по своим масштабам и социальной широте антивоенное движение, что вызывает у представителей агрессивных империалистических кругов стремление деморализовать, дискредитировать участников антивоенного движения.

Органичным продолжением анализа идеологического противоборства по вопросам войны и мира оказалась вторая книга А. А. Розанова. Автор убедительно показывает, что разоружение сегодня находится в центре политической борьбы. Ликвидация ядерного оружия, других средств массового истребления людей, недопущение милитаризации космоса — вот далеко не полный перечень актуальных вопросов современности, которые рассматриваются в работе. Первые успехи на этом сложном пути — ликвидация советских и американских ракет средней и меньшей дальности — вселяют уверен-

ность в возможность дальнейшего продвижения к безъядерному и ненасильственному миру.

Автор глубоко и аргументированно, с привлечением в значительной степени нового фактического материала, анализирует советскую стратегию мира, выдвинутую XXVII съездом КПСС и развитую в многочисленных послесъездовских документах. В результате последовательных и настойчивых усилий КПСС и советского правительства по ее реализации проблема ядерного разоружения получила обнадеживающие перспективы. Однако ультраправые круги в США и Западной Европе, как убедительно показано в книге, отрицательно отнеслись к вашингтонскому договору по ракетам средней и меньшей дальности, назвав его «новым Мюнхеном», «трагической ошибкой» и т. д.

Автор всесторонне рассматривает тезисы и аргументы западных идеологов, которые вводят в заблуждение общественность, подрывают массовую поддержку договора. Много внимания уделяется анализу особенностей интерпретации проблемы милитаризма современными буржуазными теоретиками, их «материально-техническому» обеспечению. В этом неблаговидном занятии задействовано около 350 научно-исследовательских институтов и примерно 300 центров при американских университетах и колледжах. На Пентагон работают специализированные аналитические центры, теоретики и пропагандисты империализма разрабатывают и навязывают общественности философию насилия, культ военной мощи. Среди их фальсификаций на первом месте — мифы о «советской военной угрозе», о политике «советского милитаризма», о том, что инициатор гонки вооружений — Советский Союз. Новые советские инициативы по сокращению вооружений, опубликованные данные о численности вооруженных сил Варшавского договора, вывод войск из Афганистана полностью опровергают домыслы фальсификаторов внешнеполитической деятельности нашей страны. Все большее количество людей в мире убеждается, что новос политическое мышление СССР в международных отношениях опирается на современные реалии, приоритет общечеловеческих ценностей. Смелые предложения Советского Союза и стран социалистического содружества по всему спектру проблем разоружения и международной безопасности открывают новый этап борьбы за предотвращение ядерной войны, ограничение и сокращение вооружений, понижение уровня военного противостояния.

Положение дел на международной арене сейчас столь подвижно и изменчиво, что издание литературы данного профиля не в состоянии оперативно отразить его. Так, в первой книге А. А. Розанова из-за особенностей издательского процесса не нашли отражения итоги советско-американской встречи на высшем уровне 7—10 декабря 1987 года в Вашингтоне, а во второй — решения специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, проходившей в мае — июне 1988 го-

да в Нью-Йорке. Повышение оперативности изданий по международной тематике — требование дня.

Книги А. А. Розанова вносят заметный вклад в изучение ключевых проблем разоружения, идейной борьбы на международной арене и, несомненно, будут полезными массовому читателю.

**Ю. Л. Казаков,
В. И. Медяник,
С. В. Плужников**

К. А. Ревяко. Пунические войны.
Минск: Университетское, 1988. 272 с.

Ранний период Римской республики в марксистской историографии изучен еще недостаточно. Восполнение этого пробела — цель монографии доцента К. А. Ревяко. Опираясь на характеристику, данную основоположниками марксизма-ленинизма римской и карфагенской армиям, проанализировав исследование Пунических войн буржуазными и советскими историками, а также отображение исследуемых событий в письменных источниках, автор попытался раскрыть состояние изученности проблемы в историографии социалистических стран, вскрыть сущность античной литературной традиции о Пунических войнах. Во второй главе дана характеристика положения Римской и Карфагенской держав накануне Пунических войн, их государственного строя, организации армий и причин, приведших к первому (Мессинскому) конфликту. Следующая глава книги посвящена событиям первой Пунической войны. В ней исследуется соотношение сил противников, уровень их военной техники, особенности внутренней политики обоих государств. Обращается внимание на мобильность римского предпринимательства, благодаря которому был создан мощный флот, сумевший одержать ряд побед. Важным фактором военного преимущества римлян явилась, по справедливому замечанию К. А. Ревяко, прочность римско-италийского союза.

Четвертая глава посвящена истории Западного Средиземноморья между первой и второй Пуническими войнами. В ней рельефно раскрыт смысл захватнической политики Рима и Карфагена, показаны ее движущие силы. Рассматривая в двух следующих главах содержание и последствия второй и третьей Пунических войн, автор монографии показал умение оперировать историческими фактами, критически осмысливать данные источников и историографических трудов. Изложение похода Ганнибала в Италию, его битв с римлянами, в том числе битвы при Каннах, последствий и исторического значения этих событий свидетельствуют об эрудиции К. А. Ревяко, его стремлении по-новому интерпретировать, казалось бы, давным-давно известные исторические факты. Представляются правильными выводы исследователя о том, что лишь третья Пуническая война из всех была со стороны Карфагена справедливой, что господство Рима было достигну-

то благодаря экономическому и военнополитическому превосходству одного хищника над другим: молодого рабовладельческого Рима над отжившим рабовладельческим Карфагеном, внутренние противоречия которого привели к его полному краху. С поражением Карфагена в истории Рима открылась новая страница провинциальной политики, благодаря которой он быстро превратился в могущественную державу античного мира.

Наличие большого количества иллюстраций, схем битв и карт, указателей имен и этнографических названий логически дополняет содержание текста и повышает ценность книги.

Вместе с тем надо высказать следующие принципиальные соображения. Еще И. И. Вейцкинский в монографии «Внешняя политика стран Западного Средиземноморья в 264—219 гг. до н. э.» (Львов, 1959) призывал исследователей освободить изложение истории римско-карфагенской борьбы от тенденциозных примесей фальсификаций. В таком же ключе написана и книга К. А. Ревяко. Однако правомерно ли в этом случае употреблять термин «Пуннические» войны? По нашему убеждению, настало время придать ему более реальный, исторически объективный, смысл: «римско-карфагенские» или «римско-пуннические» войны.

В целом же исследование К. А. Ревяко, без сомнения, вносит весомый вклад в советскую историографию. Оно будет не только ценным пособием для студентов-историков, но и книгой, полезной для всех, кто интересуется античностью.

И. А. Лисовый

Zdzisława Piątek. Aspekty antropocentryzmu. Krakow, 1988. 128 s.

Монография З. Пьентек обращает на себя внимание не только своим нетрадиционным названием («Аспекты антропоцентризма»), но и общим замыслом. В ней предпринята попытка осмысления антропоцентрических установок с точки зрения теории эволюции. Общий замысел работы реализуется автором в нескольких направлениях. Прежде всего она пытается выявить истоки антропоцентризма как некоей целостной концепции, определить специфику его конкретных проявлений (онтологического, теоретико-познавательного, аксиологического). Связывая возникновение антропоцентрической ориентации с зарождением самосознания, поставившего со всей остротой вопрос о месте человека в мире, с вычлениением в структуре познавательной деятельности объекта и субъекта познания, З. Пьентек аргументированно показывает, что при общности взглядов сторонников антропоцентризма на понимание человека как центрального элемента мира правомерно выделять качественно различные этапы в становлении антропоцентрических установок.

Анализируя гносеологическую концепцию Ф. Бэкона, который впервые в философии Нового Времени была предпринята

та попытка осмыслить антропоцентрические ограничения познавательных возможностей человека и их элиминации, автор выявляет различия между традиционной трактовкой антропоцентризма и его эволюционным пониманием. В последнем случае антропоцентризм выступает как концепция, для которой характерно рассмотрение человека и его сознания во взаимосвязи с природой, результатом эволюции которой они являются и которая продолжается в настоящее время.

Значительный интерес представляют разделы монографии, в которых выясняется соотношение антропоцентризма с антропоморфизмом и субъективизмом, анализируются познавательные ситуации, способствующие формированию антропоцентрической ориентации. При этом ее исходной онтологической предпосылкой, по мнению автора, является признание существования своеобразной демаркационной линии между миром человеческой культуры и миром природы.

Нетождественность этих миров, считает З. Пьентек, позволяет говорить и о различиях в значимости использования антропоцентрических установок в процессе их познания. Применительно к познанию культуры они достаточно продуктивны, ибо смысл и структура мира человеческой культуры вряд ли были бы понятны вне контекста ее соотносительности с человеком. Другой областью бытия, понимание и интерпретация которой невозможны вне антропоцентрической ориентации, по мнению автора, является духовная сфера, процессы непосредственного чувствования и переживания мира конкретным человеком. По отношению же к познанию природы значимость приобретают антиантропоцентрические установки.

С интересом читаются и те разделы книги, в которых автор анализирует антропоцентрические элементы языка науки, освещает специфику процесса восприятия мира с точки зрения геной теории.

Однако не все в рецензируемой монографии представляется бесспорным и убедительным. Так, нельзя согласиться с оценкой З. Пьентек концепции «третьего мира» К. Поппера, оправдывающей по существу идею возможности бессубъектного познания. Более сложным и многообразным представляется вхождение антропоцентрических элементов в структуру естественнонаучного познания. Излишне абстрактны и схематичны и отдельные выводы автора.

В целом же рецензируемая работа заслуживает положительной оценки. Авторский подход к проблеме, несомненно, будет способствовать дальнейшему развитию исследований в области марксистской антропологии.

И. И. Дубинин

И. Л. Зеленкова. Проблема смысла жизни. Опыт историко-этического исследования. Минск: Университетское, 1988. 127 с.

Проблема смысла жизни, актуальная всегда, сегодня приобретает особую ост-

роту. Наше сложное революционное время с настоятельной необходимостью требует решения многих проблем духовного бытия человека, среди которых вопрос о смысле жизни является одним из центральных. Поэтому историческая картина анализа смысла жизни, ярко обрисованная в рецензируемой монографии, представляет не только теоретический, но и практический интерес.

Автор монографии исследует малоизученную проблему генезиса смысложизненного поиска, выявляет его своеобразие в древневосточной и западной философии. Выделение основных традиционных линий (имманентной и трансцендентной) в подходе к проблеме смысла жизни, являющееся результатом теоретического обобщения автором большого конкретного материала, выглядит достаточно убедительно и позволяет понять логику исторического развития смысложизненных исканий. Изучая монографию, читатель может проследить, как созданный усилиями величайших умов древности (Конфуцием, Сократом, Аристотелем и др.) логический «каркас» проблемы смысла жизни исторически видоизменялся, как влияли и влияют на этот процесс экономические, классовые и индивидуально-личностные факторы.

Высокий теоретический уровень монографии вовсе не делает ее недоступной пониманию широкого читателя. Логичность, последовательность и четкость в изложении материала, ясность авторской мысли — все это может увлечь не только специалистов в области этики, но и любого человека, стремящегося «познать себя». Для такого самопознания в монографии можно найти много опорных точек, в том числе и таких, которые помогают связать процесс сегодняшнего нашего нравственного самопознания с историческими судьбами русской духовной культуры. Так, например, монография знакомит нас со смысложизненными исканиями русской религиозной философии конца XIX — начала XX века, интерес к которой сейчас приобретает все более массовый характер. Жаль только, что этот раздел монографии невелик по объему.

Убедительно анализирует автор монографии специфику марксистского подхода к проблеме смысла жизни. Отчетливо показаны как преемственные связи марксизма с предшествующим опытом решения этой проблемы, так и принципиальные отличия марксистской методологии исследования общественных явлений. Автор предлагает оригинальную теоретическую модель комплексного изучения проблемы смысла жизни, которая представляется вполне перспективной и, несомненно, привлечет внимание специалистов.

Рецензируемая монография представляет собой заметное явление в современной философской литературе не только потому, что отличается высоким теоретическим уровнем. Исследование автором главных ценностей человеческой жизни стимулирует интерес читателя к этим проблемам, побуждает перевести их в личностный план, способствует росту нравственного самосознания. Примени-

тельно к данной монографии можно утверждать, что здесь теория и реалии действительности не противостоят друг другу, а находятся в достаточно гармоничном союзе. Несомненно, монография Н. Л. Зеленковой привлечет внимание ученых, изучающих различные направления человековедения, и внесет свой вклад в стимулирование исследований актуальной для общества и личности проблемы.

О. Г. Слука

А. А. Круглов. Развитие атеизма в Белоруссии (1917—1987 гг.). Минск: Беларусь, 1989. 366 с.

Советское обществоведение пополнилось книгой, впервые в отечественной историографии систематизирующей теоретические и практические достижения и недостатки в развитии атеизма и его применении в системе атеистического воспитания Белоруссии за годы советской власти. Инструментом анализа весьма большого количества работ и архивных документов автор избрал проблемный метод исследования в сочетании с хронологическим, который соответствует советской исторической периодизации.

Основательно раскрыты причины массового атеизма в послеоктябрьский период: социально-экономические преобразования, осуществление культурной революции в СССР, упорная идейная борьба с религией, работа по атеистическому воспитанию, враждебное отношение церкви к государству в первые годы советской власти. Успех воспитательной работы с верующими различных конфессий в то время во многом зависел от решения проблем сущности атеизма и религии, происхождения и ранних форм последней. Не обошел автор и ныне бурно обсуждаемого вопроса об отношении КПСС к религии, церкви и верующим, а также формированию и развитию взаимоотношений Советского государства и церкви, которые подробно раскрыты в разделе «Религия и церковь в социалистическом обществе».

Развитие атеистической мысли в республике глубоко раскрывается автором в процессе исследования и работ белорусских обществоведов и историков по иудаизму, православию, католицизму и христианскому сектантству, хотя характеристика последнего в книге не выделена в отдельный параграф и рассмотрена в основном в главе «Изучение и обобщение опыта атеистического воспитания в БССР».

Белорусские ученые четко различают религию как учение и ее использование в политических целях: освобождение иудаизмом сионизма, католицизмом и православием — эксплуатации и войн (в прошлом). Переход современных религиозных организаций, функционирующих в СССР, на позиции поддержки внутренней и внешней политики нашей страны обусловлен и требованиями верующих граждан.

В книге исследуется сложный путь развития научных подходов к каждой из проблем в процессе освоения учеными марксистско-ленинской теории. Не сразу,

например, в атеистической литературе утвердилось мнение, что Библия — это литературный и исторический памятник, отражающий в религиозной форме достижения и наивные вымыслы людей первобытнообщинного и рабовладельческого обществ.

Противоречивость атеистической работы проанализирована по ряду направлений. Укажем некоторые из них. Атеисты 20 — начала 30-х годов недооценивали роль В. И. Ленина как теоретика атеизма, философии и гуманитарных наук в преодолении религии. Лишь в послевоенное время в мировоззрении белорусских атеистов окончательно утвердилось марксистское понимание сущности религии (часть из них придерживалась плехановской трактовки). Все эти противоречия негативно отразились не только в теоретическом плане, но и в практике атеистической воспитательной работы. На развитие научного атеизма и воспитания пагубное воздействие оказал также командно-административный метод руководства духовной культурой вообще и атеистическим воспитанием в частности. Руководящими органами республики недооценивалось воспитательное воздействие атеистической литературы. Из года в год сокращался выпуск этой литературы. Так, если

за десять лет (1925—1935) в Белоруссии было издано 226 атеистических книг и брошюр, то за последующие 30 лет (1935—1965) — всего 95.

Специальная глава монографии посвящена анализу состояния и обобщению опыта атеистического воспитания в БССР. В этой связи справедлива озабоченность автора, по существу, факультативным положением курса научного атеизма в новых учебных планах вуза, а также атеистического воспитания в целом.

Несомненным достоинством книги является и то, что обильная информация критически оценивается автором с четких марксистских позиций. Важное познавательное значение имеет наличие в работе богатой библиографии (826 наименований), предметного и именного указателей. Последний включает свыше 600 имен.

Рецензируемая монография представляет собой, по сути дела, первое в республике глубоко научное исследование становления и развития атеистической мысли и массового атеизма в Белоруссии за годы советской власти. Она будет ценным пособием для всех интересующихся историей и теорией атеизма и атеистической пропаганды не только в республике, но и за ее пределами.

М. С. Корзун

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

<i>Коршук У. К., Макарэвіч А. Ф.</i> Подзвіг на зямлі беларускай (Да 45-годдзя вызвалення БССР ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў)	3
<i>Жарков М. Г.</i> Закономерность Октябрьской революции и ее искажение буржуазными идеологами	6
<i>Ільяхін У. Ф.</i> Дзейнасць камсамольскіх арганізацый Беларусі па павышэнню агульнаадукацыйнага ўзроўню рабочай моладзі (1961—1970)	9
<i>Дубінін Д. У.</i> Партыйнае кіраўніцтва палітычнай вучобай рабочага класа: згубы і знаходкі (1976—1985)	13
<i>Корзун М. С.</i> К вопросу о социальной роли религии в Древней Греции (по поэмам Гомера и Гесиода)	16
<i>Евтухов И. О.</i> Концепция человека в произведениях Аврелия Августина периода Тагаста (388—392)	18

ФІЛАСОФІЯ

<i>Юрис Т. А.</i> О некоторых аспектах разработки категории мировоззрения	22
<i>Бочко Г. Н.</i> Мировоззренческая обусловленность образа науки	25
<i>Аднан Мулхим.</i> Аль-Кинди и его философское наследие	28
<i>Хомиц Е. В.</i> Культурная традиция и ее основные функции	31
<i>Мартинов В. Ф.</i> Роль природы в развитии духовного мира личности	35

НАВУКОВЫ КАМУНІЗМ

<i>Белякович Н. Н.</i> Рост культурно-технического уровня рабочего класса и проблемы его эффективного использования	39
<i>Шлык М. И.</i> О некоторых особенностях взаимоотношений католицизма и общества в Польше	42

ЭКАНОМІКА

<i>Черченко Н. В.</i> Социальная сфера и активизация человеческого фактора	46
<i>Дитц Клаус.</i> Вопросы развития прямых хозяйственных связей между предприятиями ГДР и Советского Союза	48
<i>М'хамед Беррафа.</i> Проблемы управления госсектором в развивающихся странах (на примере Алжира)	51
<i>Бесман В. В.</i> Торговля в системе социалистического воспроизводства	54

ПРАВА

<i>Тихиня В. Г.</i> Проблемы формирования социалистического правового государства	59
<i>Казей И. М.</i> Гражданское процессуальное право Белоруссии в первые годы Советской власти	62
<i>Веренчиков И. Р.</i> Проблемы профилактической работы следователя	65
<i>Петров А. П.</i> Способы собирания вещественных доказательств в гражданском процессе	67
<i>Сатолин В. Н.</i> О сфере регулирования законодательства о браке и семье	70

РЭЦЭНЗІІ

<i>Казаков Ю. Л., Медяник В. И., Плужников С. В. А. А. Розанов.</i> Антикоммунизм на службе милитаризма; Он же. Проблема разоружения и борьба идей	73
<i>Лисовый И. А. К. А. Ревяко.</i> Пунические войны	74
<i>Дубинин И. И. Zdzisława Piątek.</i> Aspekty antropocentryzmu	75
<i>Слука О. Г. И. Л. Зеленкова.</i> Проблема смысла жизни. Опыт историко-этического исследования	75
<i>Корзун М. С. А. А. Круглов.</i> Развитие атеизма в Белоруссии (1917—1987 гг.)	76